

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1975

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

6

1975

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. М. Сумарокова.</i> Коммунистическая партия Югославии в борьбе за единство рабочего класса и сплочение демократических сил страны (1932—1935 гг.)	3
<i>И. С. Достян.</i> Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII — начала XIX века	23
<i>А. А. Илюшин.</i> Поэты-декабристы в истории русско-польских литературных отношений	36
<i>И. Костюшко.</i> Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии	45

СООБЩЕНИЯ

<i>Отильда Вышомирская-Кузьминская</i> (ПНР). Польско-советские научные контакты	65
<i>С. М. Благоев.</i> К вопросу о конституировании Федеративной Народной Республики Югославии	70
<i>М. Иляхин.</i> Рабочий класс Болгарии в период подготовки и проведения вооруженного восстания 9 сентября 1944 года	82
<i>И. С. Миллер.</i> Формирование наций. Место проблемы в совокупности процессов перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	93
<i>Н. Н. Яковлев.</i> К вопросу об участии русских добровольцев в Боснийско-Герцеговинском восстании 1875—1876 годов	99
<i>Э. И. Зеленина.</i> Вопросы болгарской диалектной лексикографии	103

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Е. И. Спиваковский.</i> Документы об антифашистской солидарности балканских народов	108
<i>А. Ф. Носкова.</i> Cz. Luczak. Polscy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny światowej	110

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

<i>Б. С. Попков. R. W. Wołoszyński. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych. 1801—1830</i>	112
<i>Л. П. Лаптева. Продолжатели Козьмы</i>	113
<i>О. Р. Лаптухина. «Роман в современных литературах южных и западных славян»</i>	114
<i>Л. С. Кишкин. Новая книга о Миколаше Алеше</i>	116
<i>Ж. Ж. Варбот. С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы</i>	118

Библиография

Важнейшие статьи и материалы по современному положению, истории, культуре и языкам зарубежных славянских народов, опубликованные в советских периодических изданиях в 1974—1975 гг. (продолжение)	125
Содержание иностранных журналов	133

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А. Кавко. Научная сессия, посвященная 250-летию Академии наук СССР</i> . . .	135
<i>Г. П. Клепикова. Третья Международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу»</i>	136
<i>И. А. Воронков. <u>Ирина Михайловна Белявская</u></i>	139
Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1975 году	140

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. И. КОСТЮШКО (главный редактор), И. Ф. БЭЛЗА, Л. Б. ВАЛЕВ, В. Г. КАРАСЕВ, В. Д. КОРОЛЮК (зам. главного редактора), Д. Ф. МАРКОВ, И. С. МИЛЛЕР, А. И. НЕДОРЕЗОВ, Ю. А. ПИСАРЕВ, Г. М. СЛАВИН, Б. Ф. СТАХЕЕВ (зам. главного редактора), Н. И. ТОЛСТОЙ (зам. главного редактора), И. М. ШЕПТУНОВ, Я. Б. ШМЕРАЛ

Ответственный секретарь В. В. ЗЕЛЕНИН

Адрес редакции: Москва, Г-69, Трубинковский пер., д. 30а. Тел. 290-27-40

М. М. СУМАРОВА

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ ЮГОСЛАВИИ В БОРЬБЕ ЗА ЕДИНСТВО РАБОЧЕГО КЛАССА И СПЛОЧЕНИЕ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СИЛ СТРАНЫ (1932—1935 гг.)

В 1975 г. мировая прогрессивная общественность отметила знаменательную дату — 40-летие VII конгресса Коммунистического Интернационала. Состоявшийся в Москве в июле — августе 1935 г., VII конгресс Коминтерна вооружил революционный рабочий класс и его авангард — коммунистические партии ясным пониманием перспектив борьбы против фашизма и войны, обосновал историческую возможность и необходимость решения антифашистских, общедемократических задач на пути к социализму, указал наиболее действенные методы работы в массах и формы организационного сплочения всех прогрессивных сил, готовых бороться с фашистской реакцией. Правильность и жизненность его выводов была полностью подтверждена последующим развитием событий.

Новая политическая ориентация международного коммунистического и рабочего движения, обоснованная и закреплённая в решениях VII конгресса, была разработана коллективными усилиями на основе углубления и творческого развития марксистско-ленинского учения и научного анализа конкретной действительности. Она явилась итогом кропотливой работы по обобщению опыта, накопленного компартиями разных стран. «... В исторических решениях VII конгресса, — отмечал Б. Н. Пономарев, — воплотились и живой опыт французских коммунистов, и борьба испанских коммунистов за создание политической коалиции всех антифашистских сил в стране, и курс Итальянской компартии на единство действий с социалистами, и уроки борьбы немецких коммунистов против гитлеризма, и опыт компартии Польши по сплочению всех антифашистов, и стремление коммунистов Чехословакии создать, как говорил К. Готвальд, „народный фронт труда, свободы и мира“¹.

В настоящей работе, не претендующей на всестороннее и исчерпывающее исследование недостаточно изученного периода в истории компартии Югославии, делается попытка показать основные направления поиска КПЮ эффективных путей борьбы против наступления реакции на гражданские права и социально-экономические завоевания трудящихся, против угрозы войны и фашизма, выделить новые аспекты в теоретической и практической деятельности партии, наметившиеся в начале 30-х годов, проследить процесс ее перехода к политике, направленной на объединение рабочего класса и всех прогрессивных, демократических сил страны.

¹ «Коминтерн и его революционные традиции. Материалы научной сессии». М., 1969, стр. 39.

В последнее десятилетие в Советском Союзе издано значительное число обобщающих коллективных работ, монографий, а также материалов научных конференций, посвященных VII конгрессу и 50-летию образования Коммунистического Интернационала, в которых не только детально анализируются решения самого конгресса и их историческое значение, но и рассматривается предшествующий этап борьбы Коминтерна и его национальных секций, период, когда закладывались основы нового политического курса². Однако применительно к компартии Югославии эти вопросы в советской исторической литературе не освещались.

В югославской историографии также нет специальных исследований по указанной проблеме. Общий обзор деятельности КПЮ дан в «Очерке истории Союза коммунистов Югославии»³ и в книге П. Морачи «История Союза коммунистов Югославии (краткий очерк)»⁴.

Некоторые вопросы, связанные с борьбой КПЮ за единство рабочего класса и создание широкого народного фронта в Югославии освещены в статьях И. Елича, М. Босича, М. Ракича, П. Дамяновича и других⁵.

6 января 1929 г. в условиях углублявшихся национальных и социальных противоречий югославский король Александр Карагеоргиевич, опираясь на реакционные круги крупной буржуазии, прежде всего сербской, а также на армию, при поддержке своих союзников на международной арене совершил государственный переворот. Была отменена Видовданская конституция 1921 г. и распущена Народная скупщина (парламент). Кроме ранее поставленной вне закона КПЮ⁶, запрещались и подлежали роспуску все другие политические партии и организации, заподозренные в антигосударственной пропаганде, а также «имеющие религиозные или племенные особенности»⁷. Король стал обладателем всей полноты власти в стране. Политические противники абсолютистского, диктаторского режима, в первую очередь коммунисты, подвергались жесточайшим преследованиям.

С помощью диктатуры и кровавого террора правящая верхушка рассчитывала разгромить революционные силы, уничтожить компартию, запугать буржуазную оппозицию и таким путем укрепить пошатнувшиеся основы господства великосербской буржуазии.

Установление диктаторского режима не встретило серьезного сопротивления со стороны широких народных масс Югославии. Некоторые слои населения наивно связывали с ним свои надежды на проведение ре-

² Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна. М., 1965; «За единство всех революционных и демократических сил» (Материалы научной конференции, посвященной 30-летию VII конгресса Коммунистического Интернационала). М., 1966; «VII конгресс Коминтерна» (Материалы международной встречи, посвященной 30-летию VII конгресса Коминтерна). Прага, 1965; «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969; «Коминтерн и его революционные традиции». М., 1969; «Из истории Коминтерна». М., 1970 и др.

³ «Преглед историје Савеза комуниста Југославије». Београд, 1963.

⁴ Р. М о р а ч а. Istorija Saveza komunista Jugoslavije (kratak pregled). Beograd, 1966.

⁵ I. J e l i ć. O proučavanju nekih problema organiziranja Narodne fronte u Jugoslaviji do 1941. godine. «Putovi revolucije», 1964, № 3—4; е г о ж е. Razvitak Narodnog fronta u Jugoslaviji. «Historijski pregled», 1964, № 3—4; е г о ж е. Osnovni problemi stvaranja Narodne fronte u Jugoslaviji do 1941. godine. «Putovi revolucije», 1966, № 7—8; М. В о с и ć. Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinствene radničke partije 1935. godine. «Istorija radničkog pokreta», 1966, № 3; М. R a k i ć. Splitski plenum SK KPJ i stvaranje Narodnog fronta. «Pregled», 1963, № 4—5. P. D a m j a n o v i ć. Osvrt na iskustva i neke osnovne specifičnosti razvitka Narodnog fronta u Jugoslaviji. «Prilozi za istoriju socijalizma», 1967, knj. 4 i dr.

⁶ КПЮ находилась на нелегальном положении с конца 1920 г.

⁷ F. C u l i n o v i ć. Jugoslavija između dva rata, knj. II. Zagreb, 1961, s. 12.

форм в различных сферах общественной жизни и улучшение материального положения. Распространению подобных иллюзий способствовали не только широковетательные заявления короля и нового правительства, возглавляемого генералом П. Живковичем, но и пассивность руководящих органов ведущих буржуазных партий.

Социалистическая партия Югославии⁸, на словах осудив государственный переворот как антидемократический, не предприняла никаких мер по организации масс для отпора диктатуре. В этот роковой час ее лидеры обрушили основные удары на коммунистов, обвинив их в «подрывной антигосударственной деятельности». Используя реформистский Объединенный рабочий профессиональный союз⁹, который с санкции режима возобновил деятельность уже в феврале 1929 г., и свои опорные пункты в различного рода рабочих организациях — арбитражных комиссиях, страховых кассах, рабочих палатах и т. п., руководство социалистической партии продолжало проводить раскольническую политику.

Единственной организованной политической силой, оказавшей сопротивление диктаторскому режиму, была Коммунистическая партия Югославии. В документах IV съезда КПЮ, состоявшегося в ноябре 1928 г., указывалось, что великосербская крупная буржуазия может попытаться выйти из углубляющегося в стране кризиса путем установления своей открытой диктатуры¹⁰. Съезд, однако, не определил платформу и тактику партии на случай изменения внутриполитического положения.

Охарактеризовав режим, установленный 6 января 1929 г., как «военно-фашистскую» или «генеральско-фашистскую» диктатуру, и полагая, что в стране сложилась революционная ситуация, руководство компартии Югославии выдвинуло лозунг вооруженного восстания. В марте 1929 г. вышел первый номер печатного органа ЦК КПЮ газеты «Пролетер» («Proleter») с программной статьей «Военно-фашистская диктатура и наши задачи». Основной целью абсолютистского диктаторского режима, говорилось в статье, является отсрочка краха великосербской гегемонии и монархии путем уничтожения последних остатков «лживой буржуазной демократии», жестоких преследований рабочего класса и его организаций, усиления эксплуатации трудящихся и угнетенных народов. ЦК КПЮ обратился к рабочим, крестьянам и угнетенным народам с призывом образовывать через головы руководства буржуазных партий и реформистских вождей единый революционный фронт против монархии и диктатуры, чтобы объединенными силами бороться за землю для трудового крестьянства, про-

⁸ Социалистическая партия Югославии (СПЮ) образовалась в декабре 1921 г. в результате объединения трех социал-реформистских группировок: Югославянской социал-демократической партии (Словении), Социал-демократической партии Югославии и Социалистической рабочей партии Югославии. В ее руководстве находились лидеры довоенных социал-демократических организаций, активно сотрудничавшие с буржуазией в период становления югославского государства (В. Корач, В. Букшег и др.), а также ренегаты-центристы (Д. Лапчевич, Ж. Топалович и др.), вышедшие из рядов компартии в 1919—1920 гг. СПЮ отвергала революционные методы борьбы, не признавала многонационального характера государства и отстаивала концепцию его централистского устройства. Она являлась членом Социалистического рабочего интернационала. На парламентских выборах в сентябре 1927 г. СПЮ собрала 24 тыс. голосов и получила один депутатский мандат. По данным Исполкома СПЮ, весной 1928 г. в партийных рядах состояло около 3 тыс. членов. Усилившиеся разногласия между правыми социал-демократами (группы В. Корача) и центристами привели во второй половине 1928 г. к фактическому расколу партии. Подробнее о СПЮ и ее деятельности см. T. M i l e n k o v i ć. Socijalistička partija Jugoslavije (1921—1929). Beograd, 1974. Коммунисты продолжали называть членов СПЮ социал-демократами.

⁹ Уједињени раднички синдикални савез (УРСС), образовавшийся в 1925 г., в 1926 г. имел около 26 тыс. членов.

¹⁰ «Историјски архив Комунистичке партије Југославије», т. II. Београд, 1949, стр. 152.

тив войны, за установление дружественных отношений с Советской Россией, за диктатуру рабочих и крестьян, за рабоче-крестьянскую власть и союз свободных рабоче-крестьянских республик на Балканах ¹¹.

В связи с роспуском властями в январе 1929 г. независимых профсоюзов ¹², действовавших под руководством компартии, ЦК КПЮ, указав на недопустимость перехода сознательных рабочих и коммунистов в реформистские профсоюзы, рекомендовал формировать нелегальные революционные профсоюзные организации ¹³. Позднее, в середине 1931 г., было принято решение о создании революционных профсоюзных групп на предприятиях и красной профопозиции в реформистских профсоюзах ¹⁴.

Сама компартия Югославии переживала период внутренней консолидации, начало которому было положено Восьмой партийной конференцией загребской организации (февраль 1928 г.) и Открытым письмом Исполкома Коминтерна к членам КПЮ (апрель 1928 г.), где со всей остротой был поставлен вопрос о пагубности для партии фракционной борьбы и необходимости упрочения ее связи с массами. После государственного переворота 6 января 1929 г. власти обрушились на малочисленную ¹⁵ и недостаточно сплоченную партию. Несмотря на самоотверженность и героизм, проявленные коммунистами и комсомольцами в неравной борьбе, многие организации КПЮ и Союз коммунистической молодежи Югославии (СКМЮ) были разгромлены. Десятки лучших сынов партии и комсомола погибли, сотни оказались в тюрьмах и на каторге. Резко сократилась численность партии ¹⁶. С 1932 г. начался интенсивный процесс восстановления организаций КПЮ.

В стране нарастало недовольство, вызванное политикой диктаторского режима. Его антинародная сущность со всей очевидностью раскрылась в период мирового экономического кризиса, разразившегося в 1929 г. и охватившего югославскую экономику. Стремление правящих кругов переложить тяготы кризиса на плечи трудового народа, их усилия, направленные к утверждению гегемонии великосербской буржуазии, к вытеснению национальных культур и языков привели к обострению классовых и национальных антагонизмов.

Развернувшееся в стране революционно-демократическое движение заставило правящую верхушку лавировать. В сентябре 1931 г. была введена в действие новая (октроированная) конституция, предусматривавшая образование двухпалатного представительного органа и формально декларировавшая важнейшие демократические права. Создавая видимость возвращения к конституционно-парламентскому строю, она, однако, не затронула основ диктаторского режима. Верховная власть по-прежнему находилась в руках короля, сохраняли силу все реакционные законы, изданные после государственного переворота.

Проведение в ноябре 1931 г. парламентских выборов способствовало оживлению деятельности буржуазных и мелкобуржуазных партий ¹⁷. В буржуазном лагере в этот период усилилась дифференциация. Некоторые

¹¹ «Proleter», № 1, III 1929.

¹² Независимые профсоюзы, созданные в 1927 г., насчитывали в 1927 г. около 21 тыс. членов.

¹³ «Proleter», № 1, III 1929.

¹⁴ «Преглед историје СКЈ», стр. 178.

¹⁵ Накануне IV съезда в рядах КПЮ состояло 2 034 члена («Преглед историје СКЈ», стр. 156).

¹⁶ По данным, приведенным в докладе «Шмита» (Б. Парович) на VII конгрессе Коминтерна, в конце 1931 г. в КПЮ было около 300 членов (ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 175, л. 44).

¹⁷ Деятельность буржуазных политических партий в этот период освещена в работе: T. S t o j k o v. Opozicija u vreme šestojanuarske diktature 1929—1935. Beograd, 1969.

наиболее прогрессивные его элементы, например, лидер Независимой демократической партии С. Прибичевич, стали выдвигать лозунги республиканской, федеративной и демократической Югославии¹⁸. В то же время после прихода фашистов к власти в Германии в Югославии активизировались ультранационалистические, сепаратистские, клерикальные, фашистские и профашистские организации.

Громадные успехи Советского Союза в строительстве социализма, его промышленная и военная мощь, а также изменение международного положения в связи с экспансионистскими устремлениями фашистской Германии и ее сателлитов обусловили поворот Малой Антанты к нормализации отношений с СССР. Движение за признание Советского Союза большой размах получило и в Югославии. Передовые слои югославского общества видели в развитии дружественных отношений с первой в мире страной социализма надежную гарантию сохранения государственной независимости своей родины. Однако правящие круги продолжали проводить ярую антисоветскую политику. Постепенно в буржуазном лагере усиливалась группировка, ратовавшая за развитие экономических и политических связей с фашистской Германией и отход от союза с Францией, странами Малой и Балканской Антанты. Некоторые оппозиционные партии и группы выступали за ориентацию Югославии на Англию. Вопросы внешней политики становились предметом острой политической борьбы¹⁹.

Растущий отпор трудящихся и все более решительные протесты оппозиции против внутренней и внешней политики диктатуры свидетельствовали о наметившемся повороте основных масс населения страны влево. Начавшийся процесс распада режима ускорился после убийства в Марселе в октябре 1934 г. короля Александра. Приверженцы концепций, методов и форм правления, насаждавшихся после государственного переворота 6 января 1929 г., оказывались все в большей изоляции.

Движение народных масс против политической бесправия, насилия и террора, за удовлетворение насущных социально-экономических, национальных и общедемократических требований подтачивало устои диктаторского режима и создавало реальные возможности для сплочения вокруг пролетариата разнородных классовых сил в единый фронт борьбы. Югославским коммунистам предстояло выполнить важную миссию объединения широких слоев населения под руководством революционного рабочего класса.

Мужественная и бескомпромиссная борьба коммунистов против диктатуры способствовала росту авторитета и популярности КПЮ среди трудящихся. Вместе с тем собственный опыт и практика международного рабочего движения убедили коммунистов Югославии, что успех борьбы зависит не только от стойкости и отваги передового отряда революционного пролетариата, но и от его способности организовать и привести в движение многомиллионные массы трудящихся. На эту сторону вопроса особое внимание обращал в тот период Коммунистический Интернационал.

В июле 1932 г. Исполком Коминтерна образовал Временное руководство компартии Югославии, переименованное в начале 1934 г. в Центральный Комитет. В его состав вошли М. Горкич (И. Чижински), В. Чопич, Б. Парович, М. Маркович и др., а с июля 1934 г. — И. Броз Тито²⁰. Тогда же

¹⁸ См. Т. Стојков. Светозар Прибићевић у политичкој емиграцији у Чехословачкој. «Матица српска. Зборник за историју», 1973, № 7; L. V o d a n. Svetozar Pribićević u oproziciji. Zagreb, 1973.

¹⁹ Подробно эти вопросы рассмотрены в кн. В. К. Волкова «Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты 1933—1938». М., 1966.

²⁰ P. D a m j a n o v i ć. Tito pred temama istorije. Beograd, 1972, s. 24, 29.

ИККИ принял резолюцию «О политическом положении и задачах КПЮ»²¹. Отметив, что начавшийся подъем революционного движения в стране создает все возможности для быстрого восстановления, организационного укрепления партии и поднятия ее боеспособности, Коминтерн рекомендовал югославским коммунистам в целях установления самой тесной связи с народными массами шире разворачивать работу в легальных массовых организациях и повседневно руководить борьбой за насущные требования трудящихся. Членам КПЮ было предложено войти во все рабочие организации, прежде всего в реформистские профсоюзы (УРСС и ОРС), и добиваться превращения их в организации классовой борьбы. Одновременно коммунисты должны были бороться за привлечение на свою сторону рабочих, находившихся в католических и национальных профсоюзных объединениях, и за осуществление единого пролетарского фронта снизу против наступления капитала.

Рекомендации Исполкома Коминтерна об улучшении массовой работы были весьма актуальными для Коммунистической партии Югославии, в рядах которой сильно чувствовались левосектантские настроения. Многие парторганизации ограничивались внутренней политико-воспитательной работой, выпуском и распространением пропагандистской литературы. Узкий характер имели организации так называемых хорватских и словенских национальных революционеров. Задуманные как центры сплочения всех левых элементов в национально-освободительном движении Хорватии и Словении, на практике они, как правило, объединяли лишь коммунистов²². Аналогичным было положение и в группах Революционной профсоюзной оппозиции (РПО). Нередко самоизоляция от масс была следствием неправильно понятых требований конспирации. Среди югославских коммунистов получили распространение ошибочные взгляды «будто работа в различных легальных организациях является менее важной и менее революционной, чем чисто нелегальная работа»²³.

Компартия негативно относилась ко всем выступлениям буржуазной оппозиции. Требованиям относительно переустройства югославского государства на федеративной основе, которые выдвигали некоторые буржуазные оппозиционные группировки, она противопоставляла лозунг о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и создания на территории Югославии ряда независимых государств²⁴.

Раскольническая политика, проводимая реформистскими лидерами, их открытая измена и переход на сторону классового врага в самые тяжелые для революционного движения моменты, их ярый антикоммунизм и антисоветизм наложили отпечаток на отношение югославских коммунистов к социалистам. В период экономического кризиса реформистские вожди в Югославии (Ж. Топалович, Б. Крекич и др.) удерживали рабочих от активных действий, утверждая, что в эпоху хозяйственного кризиса стачечная борьба пролетариата якобы невозможна²⁵. В связи с попытками легализовать деятельность социалистической партии ЦК КПЮ дал директиву местным парторганизациям развернуть агитацию против выступления рабочих в СПЮ, указывая, что в отношении социалистов линия компартии должна быть непримиримо враждебной. В своем обращении «К рабочему классу всех земель Югославии» ЦК КПЮ призвал изгонять из пролетарских рядов реформистских лидеров — «прислужников капита-

²¹ См. «Преглед историје СКЈ», стр. 185.

²² E. K a r d e l j. Posle dvadeset i pet godina. «Ворба», 18 X 1959.

²³ Б. М. Лейбзон, К. К. Шириня. Поворот в политике Коминтерна, стр. 275.

²⁴ См. «Proleter», № 26, IX 1932; № 28 XII 1932; № 1 I 1933.

²⁵ «Proleter», № 8—9, VIII 1933.

лизма и великосербской диктатуры», бороться за единство и независимость профсоюзов от социалистической партии²⁶. Резкой критике со стороны компартии подверглась приверженность руководства СПЮ лозунгу «государственного и народного „единства“»²⁷.

Во второй половине 1932 г. Временное руководство КПЮ предприняло меры, направленные к расширению влияния партии в народных массах. В изданных им директивах говорилось о необходимости создания вместо обособленных пропагандистских групп (кружков) организаций, имеющих опорные пункты на промышленных предприятиях, прочно связанных с деревней, хорошо информированных о всех проявлениях недовольства, способных организовать и возглавить борьбу за насущные интересы трудящихся²⁸. Для установления тесных контактов с массами предлагалось использовать все доступные легальные, полуполигальные и нелегальные средства и каналы²⁹. Исходным и важнейшим моментом в деятельности коммунистов должна была стать защита ближайших экономических и политических интересов широких народных масс³⁰. Было принято решение о вступлении коммунистов в реформистские профсоюзы для того, чтобы внутри этих организаций отстаивать пролетарскую демократию и осуществлять тактику единого фронта рабочих различных категорий и политических направлений, в ходе упорной и терпеливой работы завоевывать доверие масс и добиваться избрания представителей КПЮ на руководящие должности³¹. Учитывая опыт германской, польской, итальянской и других компартий, руководство КПЮ указывало на возможность подлинно революционной работы в реформистских профсоюзах³². Оно призывало коммунистов к активной деятельности среди безработных, в культурно-просветительных и спортивных обществах, в комитетах по выборам рабочих уполномоченных³³. В 1933—1934 гг. значительно усилилось влияние компартии в профсоюзном движении. Более прочными стали позиции КПЮ в некоторых местных профсоюзных организациях Словении, Хорватии, Сербии и Черногории³⁴. В Хорватии, например, коммунисты имели большинство в руководстве загребских отделений союзов плотников, рабочих кожевенно-перерабатывающей промышленности, строителей, частных служащих, Объединенного союза железнодорожников и др. Они вошли также в Областное правление и в местный межотраслевой комитет УРСС в Загребе³⁵. Председателем отделения союза типографов в Сплите являлся Й. Подуе, член Областного секретариата КПЮ в Далмации³⁶. Благодаря активной деятельности коммунистов число рабочих, состоявших в организациях УРСС на территории Македонии, возросло с 3 до 10 тыс. человек³⁷.

Главную цель своей политики в тех условиях компартия Югославии видела в создании мощного революционного потока для борьбы с диктаторским режимом, в объединении в едином фронте рабочих, находившихся в реформистских и иных профсоюзах, и неорганизованных рабочих, а так-

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid., № 10, X 1933.

²⁸ Ibid., № 24, IX 1932.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid., № 1, I 1933.

³¹ Ibid., № 24, IX 1932.

³² Ibid.

³³ Ibid.

³⁴ «Преглед историје СКЈ», стр. 199.

³⁵ B. J a n j a t o v i ć. Sindikalni pokret u Hrvatskoj u razdoblju 1933—1936. s obzirom na politiku KPJ. «Casopis za suvremenu povijest», 1969, № 1—2, s. 22.

³⁶ Ibid., s. 29.

³⁷ «Преглед историје СКЈ», стр. 199.

же путем соглашений с крестьянством и угнетенными народами, с соответствующими крестьянскими и национально-освободительными партиями и организациями³⁸. Заключение каких бы то ни было договоров с руководством реформистских профсоюзов и соглашательских партий считалось тогда, однако, недопустимым³⁹.

События в Германии, наглядно показавшие истинное лицо фашизма, явились тревожным сигналом и способствовали консолидации всех антифашистских миролюбивых сил. Большое впечатление на коммунистов и всю прогрессивную общественность Югославии произвел Лейпцигский процесс⁴⁰. «Мне кажется, — вспоминала югославская коммунистка, героиня народно-освободительной борьбы Спасения Бабович, — что именно это событие (Лейпцигский процесс. — М. С.) явилось переломным в деятельности партии в смысле выхода ее из узких сектантских рамок на широкий простор к сплочению всех антифашистски настроенных сил»⁴¹.

В связи с мартовским обращением 1933 г. Исполкома Коминтерна к рабочим всех стран⁴² КПЮ через газету «Пролетер» призвала руководство социалистической партии и реформистских профсоюзов к единству действий против наступления капитала и фашизма, в защиту непосредственных требований рабочего класса и предложило конкретную программу общей борьбы за регулярную выплату и повышение заработной платы, за оказание помощи безработным из фондов государства и предпринимателей, против дороговизны и спекуляции, за свободу пролетарских организаций, печати и стачек⁴³. Компартия заявила, что в целях достижения единства коммунисты готовы на время совместных выступлений воздерживаться от полемики с реформистскими организациями⁴⁴.

Оппортунистические лидеры оставили без ответа предложение КПЮ, а в своей печати подняли шумиху относительно «подрывной работы» коммунистов в профсоюзах⁴⁵.

Во время подготовки к выборам в рабочие палаты⁴⁶, проходившим осенью 1933 г., коммунисты Хорватии, Воеводины, Далмации и Сербии предприняли попытки выдвинуть общие с УРСС списки кандидатур. Однако из-за стремлений реформистов максимально урезать число кандидатов от КПЮ совместное выступление на выборах сорвалось⁴⁷. Отказавшись баллотироваться в списках УРСС, коммунисты Далмации заключили соглашение с руководством Общего рабочего союза⁴⁸, которое одобрило программу и предвыборную декларацию, составленные КПЮ⁴⁹. Среди

³⁸ «Proleter», № 27, IX 1932.

³⁹ Ibid.

⁴⁰ См. Б. Д ж о р д ж е в и ч. Лейпцигский процесс и югославские коммунисты. «Исторически преглед», 1973, № 5.

⁴¹ S. B a b o v i ć. Sećanja na predratne dane. «Prilozi za istoriju socijalizma», knj. 7. 1970, s. 361.

⁴² Воззвание ИККИ от 5 марта 1933 г. было опубликовано в «Пролетере» («Proleter»), № 4, апрель 1933 г.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid.

⁴⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 16.

⁴⁶ Рабочие палаты были основаны в 1921 г. для защиты экономических, социальных и культурных интересов рабочих и служащих. В период стачек и при заключении коллективных договоров, они выступали в роли посредников между рабочими и предпринимателями. Руководящие посты в рабочих палатах занимали социалисты. В первых выборах в рабочие палаты, проводившихся в 1926—1927 гг., компартия не участвовала.

⁴⁷ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 16.

⁴⁸ Реформистский Общий рабочий союз (Општи раднички савез — ОРС), в 1930 г. выделившийся из УРСС, имел около 5 тыс. членов.

⁴⁹ B. J a n j a t o v i ć. Izbori za radničke komore u Hrvatskoj 1933. godine. «Putovi revolucije», 1966, № 7—8, s. 66.

29 членов совета рабочей палаты в Сплите, избранных от ОРС, 7 были коммунистами, а из 10 членов ее административного комитета 4 были коммунистами⁵⁰.

В августе 1934 г. на страницах «Пролетера» была опубликована статья «За единство действий пролетариата»⁵¹, в которой подчеркивалось, что в обстановке растущей фашистской опасности «установление боевого единства рабочего класса — вопрос жизни или смерти для пролетариата каждой страны»⁵². Компартия вновь обратилась к руководству СПЮ с призывом к единому фронту. Предложенная ранее программа делового сотрудничества была дополнена рядом важных пунктов, в частности о борьбе за безотлагательное признание СССР, против гонки вооружений и угрозы империалистической войны⁵³. Письмо аналогичного содержания ЦК КПЮ послал Центральному совету УРСС. Однако ответа и на этот раз не последовало⁵⁴.

В соответствии с рекомендацией ИККИ⁵⁵ в октябре 1934 г. ЦК КПЮ обратился к лидерам СПЮ с письмом, призывая общими усилиями организовать кампанию по оказанию моральной и материальной помощи борющемуся испанскому пролетариату. Отмечалось, что для ее проведения компартия не выдвигает никаких предварительных условий. Но и эта инициатива коммунистов была встречена молчанием⁵⁶.

На проходившем в декабре 1934 г. в Сараеве III съезде УРСС реформистское руководство заявило, что ни о каком едином фронте в Югославии не может быть и речи, и потребовало очистить организации УРСС от коммунистов⁵⁷. После съезда усилилось преследование левых в профсоюзах. Были временно закрыты филиалы некоторых отраслевых союзов, где особенно сильно чувствовалось влияние компартии, исключены из организаций сидельные профсоюзные деятели — коммунисты⁵⁸.

Вопреки сопротивлению оппортунистических лидеров компартия упорно продолжала искать пути к сплочению пролетарских рядов. Руководство КПЮ дало указание своим организациям совместно с рабочими-социалистами создавать на местах комитеты по оказанию помощи героическому пролетариату Испании, проводить общие собрания и митинги⁵⁹.

В письме к краевым комитетам партии (ноябрь 1934 г.) Центральный Комитет, отметив известное запаздывание КПЮ в деле применения тактики единого фронта от компартий некоторых других стран, советовал использовать для достижения единства более разнообразные и гибкие формы, создавать совместные внепартийные органы по руководству стачечной борьбой, комитеты помощи жертвам февральских боев в Австрии,

⁵⁰ Ibid., s. 69.

⁵¹ «Proleter», № 6—7, VIII 1934.

⁵² Ibid.

⁵³ Вскоре в эту программу были включены также требования о признании системы уполномоченных на предприятиях, улучшении положения политзаключенных в Югославии и об освобождении вождя германских коммунистов Э. Тельмана («Proleter», № 8—9, IX—X 1934).

⁵⁴ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 16.

⁵⁵ 10 октября 1934 г. ИККИ обратился к руководству Социалистического рабочего интернационала с предложением организовать немедленные совместные выступления в помощь пролетариату Испании («Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк», стр. 390).

⁵⁶ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 16; «Proleter», № 1, I 1935.

⁵⁷ «Proleter», № 1, I 1935.

⁵⁸ B. J a n j a t o v i ć. Sindikalni pokret u Hrvatskoj..., s. 23—24.

⁵⁹ «Proleter», № 1, I 1935.

антифашистские и антивоенные комитеты. Согласно инструкции ЦК, обкомы КПЮ должны были обратиться с предложениями о единстве действий к руководящим органам УРСС, ОРС, клерикальных и нейтральных профсоюзов, а также к культурно-просветительским обществам рабочих («Свобода», «Абрашевич» и др.), к молодежным, женским и спортивным организациям. При этом особо подчеркивалась важность учета местных условий, настроения масс, степени актуальности отдельных лозунгов. В письме ЦК говорилось о том, что в условиях победы фашизма в Германии и Австрии и возникновения реальной фашистской угрозы в ряде стран, усиления опасности империалистической войны и вооруженной интервенции против СССР, в обстановке, когда низы социал-демократии все решительнее встают на путь классовой борьбы, когда изо дня в день растут симпатии рабочего класса и всех трудящихся к компартиям и Советскому Союзу, коммунисты должны обращаться не только к социал-демократическим рабочим, добиваясь осуществления единого пролетарского фронта снизу, но и к вождям социалистических партий и реформистских профсоюзов для достижения единства сверху⁶⁰.

В первой половине декабря 1934 г. ЦК КПЮ поручил Л. Стефановичу («Лазичу»), видному деятелю профсоюзного движения Югославии, связаться с руководителями УРСС Л. Павичевичем и Б. Крекичем и от имени компартии предложить им «активное единство, как во Франции»⁶¹.

В начале октября 1934 г. Секретариат Профинтерна направил письмо Ревпрофцентру Югославии⁶², в котором отметил некоторые серьезные недостатки и слабости в работе революционной профопозиции. Профинтерн обратил внимание югославских коммунистов на то, что РПО, строившаяся как самостоятельная, параллельная реформистским профсоюзам организация, представляла собой небольшие группы, состоявшие преимущественно из коммунистов, и была оторвана от основных масс рабочих. В связи с этим югославским товарищам предлагалось преобразовать существовавшие центры РПО в профсоюзные комиссии при партийных комитетах и создать Центральную профкомиссию. «Сторонники, Профинтерна, — говорилось в письме, — должны центр тяжести своей работы перенести внутрь реформистских и других массовых профсоюзов, добиваясь создания в них массовой революционной оппозиции в разнообразных организационных формах, последовательно проводить тактику единого фронта, а также взять на себя инициативу борьбы за профсоюзное единство»⁶³. Подчеркивая необходимость объединения всех массовых нефашистских профсоюзов в единые классовые организации, Профинтерн указывал, что оно должно осуществляться на принципах свободы политических взглядов и пропорционального представительства в выборных руководящих органах⁶⁴.

Постановка Профинтерном вопроса об объединении профсоюзного движения была своевременной и отвечавшей насущным потребностям югославского рабочего движения. В Югославии в этот период существовали различные виды профсоюзных организаций: так называемые свободные профсоюзы (УРСС и ОРС), членами которых формально могли являться все рабочие, невзирая на национальность, вероисповедание и партийную принадлежность, затем национальные профсоюзы, охватывавшие рабочих только определенной национальности, например, Хорватский отраслевой союз, затем клерикальные профсоюзные организации, активно

⁶⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 636, л. 43—48.

⁶¹ Там же, л. 188—189.

⁶² Там же, оп. 6, ед. хр. 201, л. 54—58.

⁶³ Там же, л. 54.

⁶⁴ Там же, л. 55.

действовавшие на территории Словении и Хорватии, а также «нейтральные» или «независимые» профсоюзы (союз типографов, банковских служащих и т. д.), не примыкавшие ни к одному из профсоюзных центров. Следует отметить, что югославские профсоюзы в целом к концу 1934 г. объединяли всего около шестой части всех рабочих⁶⁵. Большинство коммунистов и сторонников Профинтерна находились в УРСС. В Далмации они состояли также членами ОРС. Важнейшими задачами коммунистов в профсоюзной работе являлись усиление своего влияния в реформистских организациях и превращение их в организации революционной классовой борьбы, вовлечение в профсоюзное движение неорганизованных рабочих, объединение всех рабочих отдельных предприятий и отраслей промышленности независимо от их политической и профсоюзной ориентации, создание на местах объединенных органов различных профсоюзов. Выполнение указанных задач облегчалось тем, что в результате деятельности КПЮ и групп РПО мысль о единстве действий уже проникала в сознание рабочих масс, и в ходе забастовочной борьбы все шире использовалась тактика единого фронта.

В августе 1934 г. во время стачечных боев в Трбовле возникли многочисленные комитеты действия, было издано несколько листовок, подписанных «боевые шахтеры», с призывом к единому фронту. Стачку солидарности с шахтерами провели рабочие цементного завода, а в сборе средств в фонд помощи бастующим приняло участие местное население, в том числе торговцы и мелкая буржуазия⁶⁶. После 20 дней упорной борьбы победой завершилась стачка рабочих порта в Дубровнике (сентябрь 1934 г.), организованная совместно коммунистами и Общим рабочим союзом. В акциях солидарности с бастующими участвовали рабочие других професий, крестьяне из окрестных деревень, городские средние слои⁶⁷. Вспыхнувшая в октябре 1934 г. стачка рабочих цементной промышленности в Сплите, Солине и др. местах охватила около 98% всех занятых на производстве⁶⁸. В январе 1935 г. забастовали, требуя повышения зарплаты и улучшения условий труда, около 900 рабочих текстильной фабрики «Херман Полак и сыновья» в Загребе. Рабочие заняли цеха и организовали охрану фабрики, на помощь им пришли рабочие других предприятий города и безработные. В окрестных деревнях было собрано продовольствие для забастовщиков. В выступлении участвовали группы РПО, организации УРСС и национальных профсоюзных объединений. Героическая борьба текстильщиков, длившаяся семь дней, увенчалась успехом⁶⁹. Единство действий членов УРСС и клерикальных профсоюзов было достигнуто в период январской стачки 1935 г. рабочих Сплита. ЦК КПЮ одобрил деятельность Далматинского областного комитета, явившегося инициатором этого выступления⁷⁰. 28 января 1935 г. началась массовая политическая стачка в Орославле, вызванная арестом рабочих уполномоченных. К бастовавшим рабочим присоединились крестьяне. Под давлением масс власти были вынуждены уступить и освободить арестованных⁷¹. Предложения коммунистов о единстве действий рабочих различных профсоюзных объединений были поддержаны и осуществлены в период выступлений металлистов в Есенице, текстильщиков в Мариборе и Дуга Ресе⁷². Под знаком

⁶⁵ Из 900 тыс. рабочих, насчитывавшихся тогда в стране, в различных профсоюзах состояло лишь 140—150 тыс. (ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 17).

⁶⁶ «Proleter», № 8—9, IX—X 1934.

⁶⁷ Ibid., № 1, I 1935.

⁶⁸ Ibid.; № 2—3, II—III 1935.

⁶⁹ Ibid., № 2—3, II—III 1935; № 4, III 1935.

⁷⁰ M. B o s i ć. Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinstvene radničke partije 1935. godine, s. 132.

⁷¹ «Proleter», № 2—3, II—III 1935.

⁷² ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 15.

единства рабочего класса прошли в конце 1934 г. выборы в правление пенсионного фонда в загребской железнодорожной мастерской⁷³.

Коммунистам удалось привлечь к борьбе за единый фронт ряд видных профсоюзных и общественных деятелей. Его горячим поборником стал Франц Лескошек, председатель Профсоюзной комиссии Словении⁷⁴. На сторону коммунистов перешел известный публицист Божидар Аджия, ранее являвшийся членом Хорватского краевого комитета СПЮ. За сотрудничество с КПЮ высказались руководители некоторых низовых профсоюзных реформистских и клерикальных организаций⁷⁵.

Одновременно с борьбой за единый рабочий фронт компартия вела работу по сплочению непролетарских слоев населения. В начале 1933 г. в соответствии с постановлением международного конгресса «Красной помощи» (МОПР) в Югославии, как и в других странах, была начата кампания за освобождение политических и военных заключенных. КПЮ стремилась использовать эту кампанию для укрепления и расширения деятельности югославской секции «Красной помощи» и вовлечения в ее работу широких масс рабочих, крестьян и левой интеллигенции⁷⁶. Отныне организации «Красной помощи» должны были брать под свою защиту не только арестованных коммунистов и революционных рабочих, но и осужденных по политическим мотивам крестьян, борцов за национальное равноправие и военнослужащих⁷⁷. В обращении Временного руководства «Красной помощи» в Югославии (август 1933 г.), изданном в виде листовки, говорилось о том, что пора отрешиться от подхода к этой организации как к чисто коммунистической и, используя настроения «борющихся элементов мелкобуржуазной оппозиции», вместе с ними создавать комитеты помощи осужденным и их семьям, общества защиты прав человека и т. д.

Кампания за амнистию политических и военных заключенных, организованная коммунистами, получила широкий размах. В ней приняли участие палаты адвокатов, врачей, торгово-ремесленные и рабочие палаты, некоторые студенческие и женские организации, Пен-клуб в Любляне, Словенская Матица и др.⁷⁸ В ходе ее возникли легальные комитеты борьбы за амнистию. Наряду с коммунистами в них входили представители Хорватской крестьянской партии (ХКП), Земледельческой партии и отдельные либерально-демократические элементы.

Югославские коммунисты и комсомольцы выступили у себя на родине инициаторами и организаторами движения за созыв международного антивоенного конгресса в Амстердаме и Европейского антифашистского рабочего конгресса в Париже. КПЮ приняла участие во всемирных конгрессах женщин и молодежи против войны и фашизма⁷⁹. В партийной печати популяризовались решения этих форумов, положивших начало широкому антифашистскому и антивоенному движению во всем мире.

Компартией был организован сбор подписей, главным образом среди интеллигенции, в связи с Амстердамским антивоенным конгрессом⁸⁰. По ее инициативе в период подготовки к Всемирному конгрессу женщин был создан легальный комитет в Любляне. В антивоенную борьбу вклю-

⁷³ «Proleter», № 1, I 1935.

⁷⁴ Профсоюзная комиссия являлась филиалом УРСС в Словении.

⁷⁵ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 19.

⁷⁶ «Proleter», № 2, II 1933

⁷⁷ «Proleter», № 3, II—III 1933.

⁷⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 494, оп. 1, ед. хр. 175, л. 51; ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 20.

⁷⁹ «Преглед историје СКЈ», стр. 201.

⁸⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 20.

чились две массовые женские организации в Словении — «Движение» и «Союз трудящихся женщин и девушек»⁸¹.

В августе 1933 г. Исполком Коминтерна принял резолюцию «О работе и задачах КПЮ», которая затем была издана отдельной брошюрой. В ней подчеркивалось, что антивоенная работа должна стать постоянной заботой партии. Югославским коммунистам рекомендовалось повсеместно формировать комитеты борьбы против войны и активизировать деятельность на военных предприятиях и в воинских частях.

В листовке «Помешайте новой бойне!», выпущенной КПЮ к 20-й годовщине начала первой мировой войны, отмечалось, что в вопросе о войне и мире интересы рабочих, крестьян и угнетенных народов совпадают, поэтому коммунисты обращаются ко всем организациям социалистической партии, реформистским и клерикальным профсоюзам, Хорватской крестьянской партии и остальным крестьянским партиям с призывом сообща бороться против угрозы новой бойни между народами под лозунгами «Ни одного человека и ни одной копейки на войну», против проведения каких бы то ни было военных маневров, в защиту СССР и Китая, за установление дипломатических и торговых отношений с Советским Союзом.

Осенью 1934 г. руководство КПЮ выдвинуло перед коммунистами задачу создания широкого антивоенного и антифашистского фронта, который бы сплотил рабочих, крестьян, молодежь, трудящихся женщин, служащих, ремесленников и интеллигенцию — всех сторонников мира, несмотря на их политические или философские взгляды, в том числе членов Хорватской крестьянской партии, Словенской народной партии, Земледельческой, Независимой демократической партий и других⁸².

В числе первых на зов партии откликнулась молодежь. В ноябре 1934 г. студенты Белграда обратились к молодежи страны с призывом к борьбе против полицейского террора, фашизма и войны, за объединение всех прогрессивных сил югославского общества в едином антивоенном и антифашистском фронте⁸³. В конце 1934 г. начала выходить газета «Борбени студент» — орган антифашистского и антивоенного движения студентов Югославии.

Постепенно укреплялись позиции компартии в деревне. Значительное влияние она оказывала на трудовое крестьянство Македонии и Черногории. В далматинских селах коммунисты вели успешную борьбу в сотрудничестве с местными организациями Хорватской крестьянской партии⁸⁴. В Словении они пытались опереться на такие массовые организации, как «Общество сельских юношей и девушек», задруги, культурно-просветительские и спортивные общества⁸⁵. Весной 1934 г. Исполком Коминтерна одобрил программу действий КПЮ в деревне⁸⁶.

Изменилось отношение к коммунистам со стороны отдельных функционеров и организаций крестьянских партий. Незадолго до своей гибели Иосип Предавец⁸⁷, видный деятель ХКП, заявил, что для хорватского народа нет иного пути к спасению, кроме совместной революционной борьбы с рабочим классом, и выступил за установление контактов между ХКП и группой хорватских национальных революционеров⁸⁸. В Вене вместе с коммунистами в издании газеты «Хрватски пут» («Hrvatski put») — ор-

⁸¹ Там же.

⁸² «Proleter», № 8—9, IX—X 1934.

⁸³ «Хронологија радничког покрета у Србији», кн. II. Београд, 1969, стр. 286—287; «Proleter», № 5—6, IV—V, 1935.

⁸⁴ «Преглед историје СКЈ», стр. 200.

⁸⁵ Е. К а r d e l j. Posle dvadeset pet godina. «Borba», 18 X 1959.

⁸⁶ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 260—266.

⁸⁷ И. Предавец был убит в июле 1933 г.

⁸⁸ «Proleter», № 8—9, VIII 1933.

гана хорватского национально-революционного движения—принимал участие один из бывших руководителей ХКП Л. Кежман⁸⁹. В Беловарском округе левые из ХКП согласились войти в местный национально-революционный комитет. Готовность сотрудничать с КПЮ выражали отдельные представители левого крыла Земледельческой партии⁹⁰.

По случаю выхода из тюрьмы лидера ХКП В. Мачека (декабрь 1934 г.) Хорвато-славонский краевой комитет КПЮ предложил руководству ХКП провести совместное выступление за освобождение всех политических и военных заключенных, за свободу печати, собраний и организаций, за отмену реакционных законов, против войны и фашизма⁹¹. По инициативе коммунистов во время демонстрации в Сплите произошло братание рабочих со сторонниками ХКП⁹². Коммунисты выступили инициаторами рабоче-крестьянской демонстрации под красным: хорватским национальным знаменем в Делнице⁹³. Рабочие по призыву КПЮ приняли участие в демонстрации, организованной ХКП в Загребе в знак протеста против зверской расправы жандармов с крестьянами в селе Сибины⁹⁴. В феврале 1935 г. компартия организовала массовые демонстрации рабочих, студентов и крестьян в Цетинье и Подгорице⁹⁵. В мае 1935 г. коммунисты по договоренности с местными крестьянскими организациями провели совместную демонстрацию хорватских и словенских крестьян в Чрномеле⁹⁶.

В рассматриваемый период КПЮ стала более внимательно относиться к выступлениям городских средних слоев. Летом 1934 г. местные партийные организации выпустили несколько листовок в поддержку требований жителей Белграда, Валева и других городов о ликвидации прямых и косвенных налогов, снижении квартплаты и стоимости электроэнергии⁹⁷.

Благодаря проведению массовых кампаний против войны и фашизма, за амнистию политзаключенных расширилось влияние КПЮ на интеллигенцию. Объединению передовых писателей, публицистов и деятелей искусства способствовало издание легальных и полулегальных газет и журналов: «Литература» и «Книжевник» в Загребе, «Стожер» в Белграде и многие другие. Большую роль в сплочении прогрессивных сил Словении сыграла газета «Людска правда».

Таким образом к концу 1934 г. в деятельности КПЮ произошли знаменательные сдвиги, свидетельствовавшие о том, что партия стала освобождаться от сектантской узости. Стремясь быть ближе к массам, их повседневным нуждам, югославские коммунисты совершенствовали тактику, находили новые формы и методы борьбы. Более гибкая политика способствовала оздоровлению самой партии и ускорению процесса ее организационного восстановления, который в основном завершился к концу 1934 г.⁹⁸

Начавшийся поворот компартии Югославии к широкой деятельности в различных массовых организациях был закреплен в материалах IV Всеобщей конференции КПЮ, состоявшейся в Любляне в де-

⁸⁹ R. C o l a k o v i ć. Kazivanje o jednom pokoljenju, knj. druga. Sarajevo, 1968, s. 39, 370.

⁹⁰ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 21.

⁹¹ «Srp i čekić», № 2, 1935; ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 21.

⁹² «Proleter», № 4, III 1935.

⁹³ «Proleter», № 5—6, IV—V 1935.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ «La Correspondance internationale», № 50—51, 22 VI 1935, p. 724.

⁹⁷ См. «Хронологија радничког покрета у Србији», кн. II, стр. 282, 284, 285.

⁹⁸ По данным руководства КПЮ, к этому времени в партийных рядах насчитывалось 2 828 человек (М. В о s i ć. Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinствene radničke partije 1935. godine, 129).

кабре 1934 г. В своем отчетном докладе⁹⁹ ЦК КПЮ, охарактеризовав грядущую революцию в Югославии как рабоче-крестьянскую, подлинно народную, поставил перед коммунистами страны задачу организовать и возглавить общенародное движение, охватывающее всех противников фашизма, монархии и национального гнета¹⁰⁰. Были сформулированы пять главных политических лозунгов, вокруг которых должна была концентрироваться агитационно-пропагандистская деятельность партии: 1) за хлеб, работу, землю и свободу; 2) против войны и фашизма; 3) против монархии, за рабоче-крестьянскую власть Советов; 4) за амнистию всех политических и военных заключенных; 5) за немедленное установление нормальных дипломатических и торговых отношений с СССР, в защиту Советского Союза¹⁰¹.

В решениях конференции подчеркивалась важность вступления коммунистов во все массовые организации в деревне, включая фашистские и профашистские, в целях революционной агитации и создания внутри них левого крыла, борьбы за руководящие посты в крестьянских организациях и вовлечения их в общий фронт противников военно-фашистской диктатуры¹⁰². Указывалось на необходимость активной деятельности коммунистов по объединению профсоюзного движения, осуществления единства действий рабочего класса на всех уровнях¹⁰³. Конференция призвала членов СКМЮ приступить к работе во всех массовых организациях — профсоюзах, культурно-просветительских и спортивных обществах, активно включиться в борьбу против фашизации и милитаризации молодежи¹⁰⁴. Широкое антивоенное движение, говорилось в ее постановлениях, должно охватывать не только коммунистов, социалистов и беспартийных рабочих, но также крестьянство и мелкобуржуазную интеллигенцию, всех противников империалистической войны¹⁰⁵.

IV Всеобщая конференция КПЮ, одоббив рекомендацию ИККИ¹⁰⁶, приняла постановление об образовании в рамках КПЮ компартий Хорватии и Словении, а в перспективе — и Македонии¹⁰⁷.

Таким образом, IV конференция ориентировала югославских коммунистов на дальнейшую активизацию работы в массах, на широкое применение тактики единого пролетарского фронта и боевых соглашений с национальными и крестьянскими организациями. Вместе с тем в ее резолюциях подчеркивалось, что осуществление тактики единого фронта снизу должно сопровождаться непримиримой борьбой против «социал-фашистских вождей, против вождей клерикальных профсоюзов»¹⁰⁸. Социал-демократия квалифицировалась как «главная опора фашистской диктатуры» в рабочем классе¹⁰⁹, а вся буржуазная оппозиция зачислялась в лагерь реакции¹¹⁰. В этих вопросах решения конференции означали шаг

⁹⁹ Отрывки из отчета ЦК КПЮ IV Всеобщей конференции опубликованы в «Пролетере» (см. «Proleter», № 2—3, II—III 1935).

¹⁰⁰ «Proleter», № 2—3, II—III 1935.

¹⁰¹ Ibid.

¹⁰² «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 255.

¹⁰³ Там же, стр. 241.

¹⁰⁴ Там же, стр. 259—260.

¹⁰⁵ Там же, стр. 247.

¹⁰⁶ Выдвигая весной 1934 г. предложение об изменении организационной структуры компартии Югославии, ИККИ исходил из того, что в деятельности КПЮ должен в большей мере учитываться национальный аспект. Парторганизации Словении и Хорватии, официально выступая как самостоятельные компартии, продолжали бы оставаться в составе КПЮ на правах краевых.

¹⁰⁷ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 230—231.

¹⁰⁸ Там же, стр. 229.

¹⁰⁹ Там же, стр. 223.

¹¹⁰ Там же, стр. 223, 251—252, 261—262 и др.

назад по сравнению с тем, что уже делалось партийными организациями на практике.

Основные ошибки, содержащиеся в решениях IV конференции, были вскрыты в письме Исполкома Коминтерна к ЦК КПЮ. В нем, в частности, отмечалось, что данная конференцией характеристика экономического положения страны («катастрофическое состояние», «никаких признаков ослабления кризиса» и т. п.) уже не соответствует действительности, что формулировки типа «дальнейшая фашизация оппозиционных партий» не учитывают усилившегося процесса дифференциации в буржуазном оппозиционном лагере. Было указано также на ошибочную оценку социал-демократии. Особое внимание обращалось на то, что задачи создания единого рабочего и антифашистского народного фронта не ставились на конференции как стержневые вопросы всей партийной работы в массах.

В январе 1935 г. Центральный Комитет КПЮ принял постановление о проведении в парторганизациях дискуссии по всем вопросам, предусмотренным повесткой дня VII конгресса Коминтерна¹¹¹. «Целью дискуссии, — подчеркивалось в постановлении, — должно быть принятие линии Коминтерна и нашей партии, затем разработка и конкретизация основных проблем конгресса Коминтерна в соответствии с ситуацией и своеобразными условиями классовой борьбы в отдельных областях Югославии»¹¹². В ходе дискуссии предлагалось обсудить вопросы о внутривластном и экономическом положении страны, о характере грядущей революции в Югославии, о гегемонии пролетариата в революционной борьбе трудящихся, о тактике единого фронта и другие¹¹³.

3 марта 1935 г. Политкомиссия ИККИ утвердила резолюцию «О ближайших задачах КПЮ»¹¹⁴, в которой были исправлены недостатки в решении IV Всеобщей конференции КПЮ, касающиеся, прежде всего, оценки положения в Югославии и определения непосредственных задач партии. В резолюции указывалось на усилившуюся радикализацию взглядов в рядах буржуазных и мелкобуржуазных партий и растущее стремление их низовых организаций к решительной борьбе с диктаторским режимом, на начавшийся в стране подъем рабочего, крестьянского и национально-освободительного движения. В этих условиях, отмечалось в решении, настоящей задачей югославских коммунистов являлось создание вокруг пролетарского ядра, сплоченного в единый фронт, широкого антифашистского народного фронта под руководством КПЮ¹¹⁵. Основой такого фронта в Югославии должен был стать союз пролетариата с массами трудового крестьянства и угнетенных наций, а его конечной целью — свержение диктатуры. Коммунистам предстояло в процессе борьбы за настоящие социально-экономические интересы и основные демократические права трудящихся на основе общей боевой платформы объединить все антифашистские элементы оппозиционных партий. В резолюции специально подчеркивалось, что в условиях Югославии организационные формы антифашистского народного фронта должны быть очень эластичными: выдвижение совместных списков кандидатов на выборах, сбор подписей под петициями, уличные демонстрации, походы крестьян в города, все виды

¹¹¹ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 11—13; «Шта и како да се ради», 1935, № 5.

¹¹² ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 11.

¹¹³ Там же, стр. 13.

¹¹⁴ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 344—351. По-видимому, эта резолюция была составлена в связи с отчетом члена ЦК КПЮ Благое Паровича Исполкому Коминтерна о работе IV-й конференции (см. R. Č o l a k o v i ć. Kazivanje o jednom pokoljenju, knj. druga, s. 261).

¹¹⁵ «Историјски архив КПЈ», т. II, стр. 346.

экономической борьбы, включая стачки ремесленников, мелких торговцев, массовые политические выступления. Для достижения единства действий на местах рекомендовалось использовать не только общие лозунги борьбы, но и конкретные требования различных категорий населения, учитывая специфику отдельных областей и районов страны. Коммунисты должны были, отказавшись от изолированных, сектантских национально-революционных групп, стремиться к формированию в ходе борьбы за национальное равноправие широкого революционного крыла в национально-освободительном движении «как одной из главных частей антифашистского пародного фронта»¹¹⁶. КПЮ заявила о своей поддержке требования, выдвигаемого некоторыми кругами буржуазной оппозиции, относительно проведения свободных выборов и созыва национальных представительных органов¹¹⁷. Деятельность коммунистов в деревне должна была быть направлена на создание в крестьянских партиях левых группировок, которые вошли бы в антифашистский народный фронт. В целях укрепления пролетарского ядра в народном фронте предусматривались повсеместное использование тактики единого рабочего фронта на всех уровнях и борьба за объединение профсоюзного движения на классовой основе, всячески оберегая при этом легальность профсоюзов. «КПЮ должна в отношении югославской социал-демократии настойчиво и систематически применять тактику единого пролетарского фронта»¹¹⁸, — подчеркивалось в резолюции.

24 апреля 1935 г. ЦК КПЮ дал директивное указание партийным организациям направить все усилия к скорейшему созданию в стране антифашистского народного фронта — Фронта народной свободы (ФНС) — на самой широкой основе для борьбы против диктаторского режима, за демократические права и свободы¹¹⁹.

Весной 1935 г. в связи с подготовкой к парламентским выборам, назначенным на 5 мая, в которых впервые после государственного переворота могли принимать участие оппозиционные силы, компартия предприняла попытку сформировать единый блок рабочих, крестьян и угнетенных народов¹²⁰. Руководство КПЮ считало, что рабочий класс должен участвовать в избирательной кампании как самостоятельный политический фактор и использовать ее для пропаганды своей программы, объединения всех течений в рабочем движении, левых групп в крестьянском и национальном движении, всех противников фашизма и империалистической войны¹²¹. В письме от 24 февраля 1935 г. ЦК КПЮ призвал краевые комитеты смелее идти на установление контактов с руководством социалистической партии, Земледельческой левицы и Черногорской федералистской партии, а также с местными организациями Словенской народной и Независимой демократической партий¹²². Были начаты переговоры с представителями СПЮ о выдвижении единого списка кандидатов и об общей предвыборной платформе. Социалисты настаивали, чтобы список возглавил Ж. Топалович. Поскольку компартия отвергла эту кандидатуру, переговоры прервались. Это повлекло за собой аннулирование соглашения, уже достиг-

¹¹⁶ Там же, стр. 348.

¹¹⁷ Там же, стр. 347.

¹¹⁸ Там же, стр. 349.

¹¹⁹ «Шта и како да се ради», 1935, № 6.

¹²⁰ Подробнее по этому вопросу см. M. B o s i ć. Aktivnost Komunističke partije Jugoslavije na stvaranju Jedinstvene radničke partije 1935. godine. «Istorija radničkog pokreta», sv. 3, 1966.

¹²¹ «Proleter», № 4, III 1935.

¹²² Arhiv radničkog pokreta Jugoslavije (ARPJ), fond KI, MF 46/258 (370—373).

нутого между социалистами и коммунистами Словении. Лишь в Далмации продолжали действовать совместные избирательные комитеты. В восьми округах, в том числе в Сплите, Макарской, Дубровнике, Шибенике, им удалось собрать подписи под общим списком кандидатов от рабочего класса ¹²³. Параллельно велись переговоры о сотрудничестве на выборах с руководителями левого крыла Земледельческой партии, которые также окончились безрезультатно ¹²⁴. Оказалась безуспешной и попытка склонить В. Мачека, возглавлявшего буржуазный оппозиционный блок, включить в список кандидатов «Объединенной оппозиции» нескольких представителей КПЮ ¹²⁵.

После неудачи переговоров с другими оппозиционными группировками компартия выдвинула свой список кандидатов, но власти, используя избирательный закон, наложили на него запрет. В последних числах апреля поступила директива ЦК КПЮ партийным организациям агитировать своих сторонников голосовать за «Объединенную оппозицию» ¹²⁶.

Несмотря на то что из-за непоследовательности руководства КПЮ некоторые партийные, организации были дезориентированы, сам факт участия в избирательной борьбе компартии, все еще официально запрещенной, имел исключительно важное значение. Создание избирательных комитетов, сбор подписей под списками кандидатов, проведение собраний и митингов способствовали ознакомлению и восприятию населением страны программы партии.

В разгар предвыборной кампании КПЮ расширила деятельность по созданию единого рабочего и широкого народного фронта. В Югославии было распространено письмо Профинтерна к Амстердамскому интернационалу профсоюзов и проведено его обсуждение в партийных, комсомольских и профсоюзных организациях ¹²⁷. По призыву ЦК КПЮ на предприятиях формировались объединенные комитеты по празднованию 1 Мая ¹²⁸. Профсоюзная комиссия Словении выступила с инициативой создания комитетов действия из представителей всех профсоюзных направлений, неорганизованных рабочих и безработных для борьбы за насущные интересы пролетариата ¹²⁹.

3 мая 1935 г. Хорвато-славонский краевой комитет и Загребский городской комитет КПЮ обратились с письмом к руководству Хорватской крестьянской партии, в котором предлагалось объявить 6 мая всеобщую политическую забастовку с требованиями проведения новых парламентских выборов на основе демократического избирательного закона, амнистии политзаключенных и т. д. Лидеры ХКП ответили отказом. В связи с этим была выпущена листовка «К хорватскому народу». Рассказав о своих неоднократных безуспешных попытках достичь соглашения с руководством ХКП, компартия призвала членов ХКП к единству действий с коммунистами в борьбе за демократию и улучшение условий жизни трудящихся. Продолжая курс на развитие сотрудничества с ХКП, расширенный Пленум Хорвато-славонского краевого комитета партии принял решение о вступлении в ХКП не только отдельных коммунистов, но и целых партийных ячеек. В резолюции Пленума подчеркивалось, что коммунисты вступают в организации ХКП не для того, чтобы вносить раскол

¹²³ M. B o s i ć. Ibid., s. 135.

¹²⁴ Ibid., s. 136.

¹²⁵ Ibid., s. 135—136.

¹²⁶ ARPJ, fond KI, 1935/299.

¹²⁷ «Bilten», № 5, IV 1935.

¹²⁸ ЦПА ИМЛ, ф. 534, оп. 7, ед. хр. 637, л. 81.

¹²⁹ Там же, стр. 77.

или превращать их в коммунистические, а для повседневной работы в массах, для вовлечения членов ХКП в широкое антифашистское движение¹³⁰.

Успехи и недостатки в борьбе компартии за единый пролетарский и широкий народный фронт были проанализированы на Пленуме ЦК КПЮ, проходившем в Сплите 9—10 июня 1935 г.¹³¹ В резолюции Пленума «Уроки выборов и дальнейшие задачи КПЮ»¹³² содержится ряд новых моментов, связанных с деятельностью сторонников единства в профсоюзах. Было решено приступить к формированию легальных комитетов профсоюзного единства и контактных комиссий с участием представителей всех профсоюзных направлений, существующих в отдельных местностях или отраслях производства, для подготовки слияния профсоюзов¹³³.

«Борясь за большинство рабочего класса,— говорилось в решении Пленума,— коммунисты должны в то же время напрячь все силы для того, чтобы обеспечить пролетариату союзников, и средние слои (крестьянство, ремесленники, трудовая интеллигенция) привлечь к союзу с рабочим классом»¹³⁴. Было решено направить коммунистов во все массовые организации, включая культурно-просветительские общества, библиотеки, читальни, союзы ремесленников, мелких торговцев, табакочудов, виноградарей, объединения квартиросъемщиков и т. п.¹³⁵ Пленум потребовал коренным образом изменить отношение коммунистов к массам, находившимся под влиянием социалистов и буржуазной оппозиции. Предлагалось на первый план выдвигать самые животрепещущие вопросы, стремиться к вовлечению в антифашистскую борьбу отдельных организаций целиком, не допуская их раскола и не требуя выделения из состава прежних политических партий¹³⁶. Пленум указал, что заключение соглашений с местными организациями крестьянских и буржуазных оппозиционных партий ни в коем случае не должно обуславливаться признанием ими лозунгов независимой Хорватии, Словении, Советской власти и др.¹³⁷.

С докладом об антифашистском народном фронте на Пленуме выступил Б. Парович. Отметив, что во всех секциях Коминтерна совершается поворот к сплочению вокруг рабочего класса всех демократических сил для борьбы против фашизма и войны, Парович попытался разработать концепцию народного фронта применительно к Югославии. Повторив тезис об общенародном характере предстоящей революции в Югославии, он подчеркнул, что на ее первом этапе будут участвовать самые широкие демократические слои народа. Важнейшими составными частями ФНС, по его мнению, должны были стать: коммунистическая партия как руководящая сила, профсоюзы, крестьянские организации, национально-революционное движение, прогрессивные молодежные организации и, наконец, различные объединения — борцов за мир, общества врачей, ремесленников, деятелей науки и культуры¹³⁸.

В принятой на Пленуме резолюции говорилось, что создание и укрепление антифашистского народного фронта, объединяющего все силы, выступающие за свободу, мир и общественный прогресс, является магистраль-

¹³⁰ «Bilten za praksu Pokrajinskog. Komiteta za Hrvatsku i Slavoniju», VI 1935.

¹³¹ О сплитском Пленуме см. М. Ракић. Splitski plenum CK KPJ i stvaranje Narodnog fronta. «Pregled», 1963, № 4—5.

¹³² «Исторijski архив КПЈ», т. II, стр. 353—361.

¹³³ Там же, стр. 359.

¹³⁴ Там же, стр. 360.

¹³⁵ Там же, стр. 358—359.

¹³⁶ Там же, стр. 360.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ ARPJ, fond KI, 1935/316.

ным путем, ведущим рабочий класс, крестьянство и угнетенные народы Югославии к победе ¹³⁹.

Подводя итоги, можно утверждать, что к середине 1935 г. Коммунистическая партия Югославии сделала первые серьезные шаги к новой политической ориентации. Усилилась ее организующая и руководящая роль в революционном движении, окрепли связи с массами. Коммунисты стали активнее участвовать в борьбе за общедемократические и социально-экономические требования различных слоев народа. Благодаря их деятельности в массовых организациях, использованию разнообразных форм агитации и пропаганды, партия разрывала оковы нелегальности. Политика КПЮ, нацеленная на создание единого пролетарского фронта и организацию широкого антивоенного и антифашистского движения, способствовала сближению отдельных групп населения страны. В то же время она оказывала благотворное воздействие на процесс восстановления и укрепления организаций компартии.

Существенную помощь КПЮ в разработке и реализации новой политической линии оказали руководящие органы Коминтерна. «Коммунистический Интернационал, — подчеркивал в своем выступлении на VII конгрессе Коминтерна Б. Парович, — оказывал компартии Югославии в течение всего этого периода ¹⁴⁰ всестороннюю руководящую помощь не только в разработке программных вопросов и общей линии партии, но и в ее повседневной работе по проведению этой линии в жизнь» ¹⁴¹.

Идеи мобилизации широких масс трудящихся, всех демократических и миролюбивых сил против наступления капитала, реакции, фашизма и войны, прокладывавшие себе путь в теории и практике КПЮ, получили полное развитие под влиянием VII конгресса Коминтерна.

¹³⁹ «Исторически архив КПЈ», т. II, стр. 358—359.

¹⁴⁰ Имелся в виду период, прошедший после VI конгресса Коминтерна (1928 г.).

¹⁴¹ ЦПА ИМЛ. ф. 494, оп. 1, ед. хр. 175, л. 37.

И. С. ДОСТЯН

УЧАСТИЕ ДЕКАБРИСТОВ В ИЗУЧЕНИИ БАЛКАН И РУССКО-ТУРЕЦКИХ ВОЙН XVIII — НАЧАЛА XIX в.

В течение десятилетия, предшествовавшего восстанию декабристов, в просвещенных дворянских кругах России, среди образованного офицерства заметно возрос интерес к истории своей страны и, в частности, к ее военному прошлому. Большое значение в этом отношении имел выход в свет «Истории государства Российского» М. Н. Карамзина, которая вызвала оживленные споры и обсуждения. В журналах стало появляться много статей по историческим и военно-историческим проблемам, в том числе о Турции и балканских народах. Начали издаваться газеты и журналы, специально посвященные военной и военно-теоретической тематике («Русский инвалид», «Военный журнал»).

Среди «военных писателей» одним из первых выступил со своими произведениями граф Д. П. Бутурлин — реакционер и поборник крепостничества, целиком поддерживавший охранительную концепцию Карамзина. В 1819 г. он опубликовал на французском языке «Военную историю походов россиян в XVIII в.», в которой немалое место отводилось русско-турецким войнам, а три года спустя — «Описание всех походов против Порты Оттоманской с 1769 по 1812 г.»¹.

Флигель-адъютант царя, пользовавшийся покровительством высших чинов Главного штаба, Д. П. Бутурлин занимался этими исследованиями по поручению начальства и получил доступ к служебным архивным материалам, прежде никем не изучавшимся. Он писал свои книги по-французски, обращаясь более к иностранному, чем к русскому читателю, и как человек светский не слишком утруждал себя учеными занятиями, предпочитая пользоваться выписками, которые для него делались в архивах. Бутурлин был горячим последователем известного теоретика военного искусства Г. Жюмини, работы которого в то время пользовались популярностью. Излагая ход военных действий, он не пытался анализировать принципы военного искусства полководцев.

† Отношение прогрессивных русских деятелей к трудам Бутурлина было отрицательным, о чем свидетельствуют, например, два письма к нему

¹ Первая книга была переведена и издана на русском языке в 4-х томах в 1819—1823 гг. Вторая вышла тиражом в 50 экз. на французском языке. Выдержки из нее позднее печатались в «Сыне отечества», а в 1829 г. она появилась на русском языке под названием «Картина войн России с Турцией в царствования императрицы Екатерины II и императора Александра I». СПб., 1829 (с предисловием Н. И. Греча).

одного из ведущих идеологов дворянских революционеров М. Ф. Орлова. Разбирая книгу Бутурлина «Военная история походов россиян...», он дал меткую критику общественно-политического строя России, высказал мысль, что при существующем положении вещей необходимо решить внутренние вопросы, ликвидировать «жестокий удел рабства», а не вести завоевательные войны². Его письма получили широкое распространение в списках. Их общественный резонанс свидетельствовал, что проблемы военной истории служили поводом для обсуждения и осмысления современного положения и задач, стоявших перед страной.

В изучении истории русско-турецких войн у Бутурлина вскоре обнаружился сильный конкурент — быстро шедший в гору молодой и деятельный генерал П. Д. Киселев. Он был назначен в марте 1819 г. начальником штаба 2-й армии, стоявшей на юго-западных границах России.

Известно, что офицеры 2-й армии и в частности ее штаба составили основной костяк основанного в 1821 г. Южного общества декабристов. Умеренный либерал Киселев оказался в окружении членов тайных обществ. К нему близко стоял, пользовался полным доверием и исполнял ответственные поручения П. И. Пестель, генерал-интендантом армии был А. П. Юшневский, ведущий член Союза благоденствия И. Г. Бурцов являлся адъютантом начальника штаба, а затем правителем его канцелярии; другим же адъютантом с 1821 г. стал Н. В. Басаргин. Членами тайных обществ впоследствии оказались некоторые командиры войсковых частей, в их числе генералы М. Ф. Орлов и П. С. Пущин. В революционной деятельности участвовало немало офицеров квартирмейстерской части, состоявших при штабе армии (П. И. Фаленберг, Н. И. Комаров, Е. В. Фон-Руге, Н. И. Филипович и др.). Наконец, некоторые офицеры, хотя и не состояли в тайных организациях, но вращались в кругу дворянских революционеров и были настроены прогрессивно. В числе таковых можно назвать Н. В. Петрова³, М. Л. Фантона де Верайона⁴ и др.

Нами перечислены именно те офицеры 2-й армии — члены декабристских организаций, которые имели прямое или косвенное отношение к работам по изучению Балкан и русско-турецких войн.

О том, что такие работы проводились в штабе 2-й армии после назначения его начальником П. Д. Киселева, еще в прошлом столетии писали А. П. Заблоцкий-Десятовский и Н. П. Глиноецкий, основываясь на архиве штаба 2-й армии и личных бумагах Киселева. Однако они не дали достаточно полной картины хода этой работы и не упомянули о ее результатах. Изложение, особенно у Заблоцкого-Десятовского в связи с темой книги, концентрировалось на деятельности самого Киселева, о его сотрудниках говорилось сравнительно мало⁵.

Основываясь преимущественно на указанной выше дореволюционной литературе, лишь кратко касаются этой темы советские историки в общих трудах по истории военного дела и его историографии. Их описание также неполно и содержит некоторые неточности⁶.

² М. Ф. Орлов. Капитуляция Парижа. Политические сочинения. Письма. М., 1963, стр. 60—65.

³ Н. В. Басаргин. Записки. Пг., 1917, стр. 2.

⁴ Л. А. Черейский. Забытые знакомые Пушкина. «Прометей», т. 10. М., 1974, стр. 402—405.

⁵ А. П. Заблоцкий-Десятовский. Граф П. Д. Киселев и его время, т. I. СПб., 1882, стр. 65—66, 107, 206—209; Н. П. Глиноецкий. История русского Генерального штаба, т. I. СПб., 1883, стр. 359—365.

⁶ Е. А. Прокофьев. Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1957; С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М — Л., 1958, стр. 417—418; Л. Г. Бескровный. Очерк военной историографии России. М., 1962, стр. 79—80; Г. П. Мещеряков. Русская военная мысль в XIX в. М., 1973, стр. 38—39.

Между тем имеется возможность более детально проследить процесс изучения Балкан и русско-турецких войн в штабе 2-й армии, а главное, выявить самое активное участие в этой работе членов Союза благоденствия, Южного общества и идеологически близких к ним офицеров.

Мысль о написании истории русско-турецких войн, и прежде всего войны 1806—1812 гг., появилась у Киселева еще до вступления его в новую должность. При этом он рассчитывал использовать новые или забытые материалы, а особенно воспоминания и бумаги, сохранившиеся у самих участников последней войны с Турцией⁷. Возможно, что какое-то влияние здесь оказало издание книги Бутурлина, имевшей очевидные недостатки. Но главную роль сыграли личные представления Киселева о задачах российской политики в отношении Турции и балканских народов и его честолюбивые планы, связанные с новой должностью.

Считая войну с Турцией неизбежной, Киселев собирался хорошо подготовиться к ней 2-ю армию, которой фактически предстояло вести эту войну. Он задумал преобразовать работу штаба, усовершенствовать всю систему армейского управления. Кроме того, он хотел сделать штаб армии центром топографических и военно-теоретических изысканий, которые принесли бы пользу в будущей войне с Турцией.

Эти задачи, несомненно, учитывались при подборе штабных офицеров, и неслучайно выбор Киселева пал на И. Г. Бурцова — автора новаторского труда в области военной теории, противника взглядов Жюмини⁸.

Подготовка к работе над историей русско-турецких войн XVIII — начала XIX в. началась с весны 1819 г., когда Киселев очень энергично занялся организационной стороной дела. Была составлена программа труда и подан соответствующий рапорт начальнику Главного штаба П. М. Волконскому. Велась переписка с дежурным генералом Главного штаба А. А. Закревским о присылке им в Тульчин материалов о войне 1806—1812 гг. Киселев изложил свои замыслы ряду влиятельных лиц и военных авторитетов, в том числе И. И. Дибичу, Е. Ф. Канкрину, Д. П. Бутурлину.

В результате программа была одобрена Главным штабом, который решил использовать документы не только Военно-топографического депо, но и других архивов Петербурга и Москвы, а также обследовать материалы по теме, сохранившиеся в ряде южнорусских и бессарабских крепостей. Управляющий российским министерством иностранных дел К. В. Нессельроде согласился предоставить архивные дипломатические документы⁹.

В «Проекте составления исторического журнала военных действий русских против Оттоманской Порты со времени Петра Великого до мира 1812 г.» предусматривался не только сбор данных, касающихся хода войн, но и подробное статистическое и топографическое описание театра военных действий и «задунайской части». Такие сведения надеялись, в частности, почерпнуть в военных журналах и личных записках некоторых генералов 2-й армии. Кроме того, предполагалось рассказать о нравах

⁷ «Сборник Русского историографического общества» (далее — Сб. РИО), т. 78. СПб., 1891, стр. 4—5; А. П. Заблоцкий-Десятовский. Там же, стр. 66.

⁸ И. Г. Бурцов. Мысли о теории научных знаний. «Военный журнал», 1819, кн. 2. О Бурцове как военном теоретике см. Е. А. Прокофьев. Там же, стр. 182—190.

⁹ Вся переписка и документация, касающаяся подготовки труда по истории войн хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА), ф. ВУА, д. 652, ч. 1—3. См. также Н. П. Глиноецкий. Там же, стр. 359—361. (Глиноецкий ошибочно относит начало работы по составлению истории русско-турецких войн к 1816—1817 гг.); А. П. Заблоцкий-Десятовский. Там же, стр. 209.

и обычаях жителей, выступавших на стороне России в войнах с Турцией. Но по этой первоначальной программе в «Историческом журнале» хотели «без посторонних и критических размышлений... изложить все случившееся», т. е. не давать анализа развития русского военного искусства, успеха и неудач полководцев и т. д.¹⁰

В ноябре 1819 г. Киселев писал Закревскому, что хочет начать этот обширный труд с описания войны 1806—1812 гг., и в частности, с походов графа Каменского (1810 г.). Работу «разделил по статьям и лицам, — сообщал он далее, — например, статистику возложил на Юшневского; движение на Хоментовского и Комарова; осаду взял Засядко; переводы и дипломатическая часть поручены князьям Мещерскому и Трубецкому. Разбор мемуарий, планов кампаний и всех бумаг, в означенные статьи не входящих, — адъютанту Бурцову. Рецензию и замечания сочинять будет Лимон (Сабанев), а писать и рисовать — квартирмейстерские офицеры и кантонисты. Общую редакцию принял я на себя с комитетом избранных сотрудников»¹¹.

Когда писались эти строки, работа над историей русско-турецких войн в штабе 2-й армии лишь начиналась. Как мы видим, в ней собиралось принять участие несколько будущих декабристов. Кроме того, Киселев рассчитывал привлечь М. Ф. Орлова¹². Это не удалось, по-видимому, ничего не написал Юшневский, но зато в дальнейшем появились некоторые другие способные сотрудники, в том числе Н. В. Басаргин и Н. В. Петров.

При составлении истории русско-турецких войн хотели основываться не только на литературе, русской и иностранной, но прежде всего на выявлении и анализе широкого круга не известных ранее материалов. Для этого надо было собрать и использовать документы как чисто военные, так и дипломатические, «статистические» (т. е. экономические) и, наконец, личные материалы — воспоминания, записки участников и очевидцев последней войны с Турцией.

Это был коллективный труд, едва ли не первый в таком роде: работа распределялась между авторами по темам, затем «комитет избранных сотрудников» во главе с Киселевым должен был осуществить общую редакцию. Правда, история русско-турецких войн не предназначалась для печати, так как имела служебное и учебное назначение. Это все же не исключало возможности в случае успешного завершения труда поставить вопрос об его издании полностью или частично.

Осуществить интересный и чрезвычайно обширный замысел написания истории русско-турецких войн оказалось гораздо сложнее, чем представлялось вначале. Серьезные препятствия обнаружились, однако, не сразу, и в 1819—1820 гг. работа велась активно. Она началась с подбора литературы и выявления архивных материалов в южнорусских и бессарабских крепостях.

В конце 1819 — начале 1820 гг. Пестель вместе с главнокомандующим 2-й армии находился в Петербурге. Ему было поручено подобрать и закупить книги и карты для подготавливаемого труда. По сохранившейся переписке между Пестелем и Киселевым можно установить, что будущий вождь южных декабристов чрезвычайно добросовестно выполнил такое

¹⁰ Н. П. Глиноецкий. Там же, стр. 361; ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 9, 15, 16.

¹¹ Сб. РИО, т. 78, стр. 53.

¹² Сохранилось письмо Орлова к Киселеву от 23 июля 1819 г. «Твою мысль о составлении архива дел войн наших с турками я понимаю только поверхностно, — писал он. — Но какое ты мне тут хочешь дать занятие, вовсе не понимаю. Я турков в глаза не видал и тот образ войны мне неизвестен. Отпиши о сем подробно». Отдел рукописей Института русского языка и литературы АН СССР (Пушкинский дом) (далее — ИРЛИ), ф. 143, д. 29. 6. 99.

поручение. Он приобрел ряд иностранных книг, в том числе известные географические описания турецких владений Мальт-Брюна, историю Византийской империи, историю Молдавии Карра; при содействии книгопродавца Сен-Флорана составил список необходимых сочинений иностранных авторов о Турции и южных областях России, о русско-турецких войнах, о завоевании османами Византийской империи, а также карт и планов, который он рассчитывал в дальнейшем пополнить¹³. Затем Киселев просил его прислать подобный же список русских книг¹⁴.

Характерно, что Пестель очень одобрительно отнесся к самой идее составить подробную историю русско-турецких войн и писал по этому поводу Киселеву: «... Нахожу, что выбор этой работы превосходен во многих отношениях. Во-первых, нет занятия более почетного, более замечательного, более подходящего для военных в мирное время, как использовать время, остающееся свободным от службы, на такие ученые предметы, непосредственно касающиеся и интересные для их искусства, как история войн, а во-вторых, великолепно выполнить работу столь важную главным штабом армии, которая, кажется, по своему положению предназначена для войн с нацией, о которой идет дело, и в-третьих, большая польза от такой работы обеспечивает истинную славу за теми, кто в ней примет участие, и особенно за их главою»¹⁵. Столь высоко оценив значение и перспективы работы по изучению русско-турецких войн, Пестель, однако, более не принимал в ней личного участия, что, возможно, явилось следствием некоторых субъективных обстоятельств¹⁶.

Пожалуй, самым важным результатом работы в 1819—1821 гг. было разыскание ценнейших документов в трех крепостях — Перекопе, Хотине и Измаиле. В первой из них были обнаружены некоторые бумаги о войне 1768—1774 гг., во второй — приказы и распоряжения главнокомандующих в войне 1806—1812 гг. Но настоящий клад нашли в Измаиле. Об этой последней находке мы расскажем подробнее — она касается, в частности, документов о русско-сербских взаимоотношениях.

Архив измаильской крепости по просьбе Киселева обследовал командир бригады 16-й дивизии, стоявшей в Бессарабии, известный член Союза благоденствия генерал П. С. Пуштин. Вместе с гражданским чиновником Н. С. Алексеевым, приятелем А. С. Пушкина, он составил его опись, сделал выписки и копии, а затем выслал все документы в Тульчин¹⁷. Оттуда их в 1822 г. переправили в Главный штаб, который позднее все найденные документы передал в Военно-топографическое депо. В настоящее время они хранятся в Центральном государственном военно-историческом архиве.

В «Описи дел, до турецких походов касающихся, находящихся в Измаильском архиве и изъятых под расписку генерал-майором Пуштинным», указано «127 книг, состоящих из официальных входящих и исходящих бумаг графа Румянцева, графа Суворова, высочайших к ним рескриптов и пр. с 1767 по 1796 г.». 23 дела относятся к войне 1806—1812 гг. Это секретные документы о мирных переговорах с Турцией, дипломатическая переписка главнокомандующих, проекты и записки, в том числе, касающиеся

¹³ ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.100, л. 9—18.

¹⁴ Там же, д. 29.6.138.

¹⁵ ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.100, л. 13. См. также А. П. Заблоцкий-Десятовский. Там же, стр. 208.

¹⁶ В дальнейшем — об этом мы будем говорить ниже — составлением истории русско-турецких войн руководил Бурцов, с которым у Пестеля были недружелюбные отношения.

¹⁷ Переписку по этому вопросу Киселева с Пуштинным см. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 22—23, 38—39, 42, 44—45, 60, 61, 71.

балканских владений Порты. Это подлинные рескрипты Александра I Прозоровскому, Багратиону, Каменскому и денеши им военного министра. Специально выделен раздел «Дела о сербах», в котором 13 частей, или обширных дел, в которых документы расположены в хронологическом порядке¹⁸.

Пока у нас нет возможности установить, как секретный архив главнокомандующих во время войн с Турцией, состоявший из подлинников важнейших документов попал в Измаил, был там оставлен и надолго забыт. Можно лишь предположить, что это произошло в 1812 г., когда после нападения наполеоновских войск на Россию, Дунайская армия в спешке перебрасывалась на север. Но и после окончания Отечественной войны и заграничных походов никто из высших чинов военного ведомства не вспомнил об этих документах, не попытался их разыскать. Если бы офицеры 2-й армии, в частности П. С. Пущин, не «вырыли» их «из крепостных амбаров» — так определил место хранения материалов Киселев¹⁹, — они, возможно, погибли бы безвозвратно.

Это было бы значительной утратой для исторической науки и, в частности, для изучения русско-сербских связей. Ведь только «Дела о сербах», найденные в Измаиле, содержат более четырех тысяч листов документов о боевом содружестве русских и сербов во время войны 1806—1812 гг.²⁰

Киселев, приписывая, естественно, только себе честь обнаружения «манускриптов», хранящихся в крепостях, писал: «Случай помог мне их обнаружить; покрасневшие от пыли, забытые, эти памятники нашей славы и нашего невежества были приговорены к вечному забвению. Я их возвращаю истории или скорее историкам, которым стоит ими воспользоваться...»²¹.

Итак, на протяжении 1819—1821 гг. в штабе 2-й армии была проделана значительная работа по изучению русско-турецких войн: составлена программа труда и определен состав его участников, выявлено и переписано немало ценных документов, особенно из числа обнаруженных в крепостных архивах, а также некоторые личные воспоминания и записки. Но предстояло еще изучить документы из петербургских и московских архивов — без этого нельзя было приступать к написанию истории войн.

В начале 1822 г. выяснилось, что Главный штаб, ранее одобрявший план составления истории русско-турецких войн в штабе 2-й армии, теперь препятствует этой работе. Открыто отрицательную позицию заняли генерал-квартирмейстер К. Ф. Толь, начальник военно-топографического депо Н. И. Селявин, от которого зависело предоставление необходимых материалов. Было очевидно и скрытое противодействие Бутурлина²².

Все это затрудняло работу, расхолаживало ее участников. Все же в 1822—1823 гг. сбор материалов продолжался успешно, более того — шло написание труда.

Выше уже говорилось, что Киселев много сделал для организации работы над историей русско-турецких войн, но он, конечно, не собирался ею руководить непосредственно и искал подходящего редактора. «Я бы очень желал иметь редактора для настоящей работы, который мог бы заняться исключительно ею, у нас у всех слишком много дела нумерованного...», — писал он Пестелю в Петербург, как бы предлагая подыскать подходящую

¹⁸ Там же, л. 57—58, 64—65.

¹⁹ Сб. РИО, т. 78, стр. 85.

²⁰ Сейчас эти документы составляют ф. ВУА, д. 394, в 13 частях.

²¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ), ф. 323, л. 58.

²² Н. П. Глиноецкий. Там же, стр. 361—363.

кандидатуру²³. Но такого редактора, который занимался бы только трудом по истории войн, найти так и не удалось, и постепенно Киселев переложил все непосредственное руководство этой работой на своего помощника по штабным делам И. Г. Бурцова, имевшего много других обязанностей и поручений.

С самого начала Бурцов очень активно участвовал в сборе материалов, вел всю переписку, касавшуюся этой работы, и фактически руководил ею, в дальнейшем его обязанность в этом отношении была официально оформлена. В сентябре 1822 г., уезжая в отпуск и оставляя Бурцова своим заместителем по штабным делам, Киселев отдал ему такое распоряжение: «В рассуждении описания походов против турок, то сей труд поручен особенному попечению вашему. Чиновники, доселе на сие употребленные, имеют состоять под начальством вашим и по данному наставлению должны деятельно заниматься приведением сего к надлежащему окончанию. Адъютант мой поручик Басаргин, сколько здоровье ему позволит, будет также в числе сотрудников ваших»²⁴.

Это не было поручение временное — Бурцов руководил работой над историей русско-турецких войн по крайней мере до начала 1824 г., когда ушел из штаба и был назначен командиром полка. В «Отчете по квартирмейстерскому управлению 2-й армии за 1819—1823 гг.» говорилось, что труд по истории войн ведется «под надзором квартирмейстерской части полковника Бурцова», да и весь раздел «Отчета...», названный «Обозрение занятий по предметам описания походов россиян против турок», писался, по всей вероятности, самим Бурцовым и выражает его отношение к задачам этого труда²⁵.

Кроме И. Г. Бурцова в работе по истории войн в это время участвовали также Н. В. Басаргин и молодой подпоручик Н. В. Петров, близкий к декабристским кругам. Сбором и обработкой материалов занимались гражданские чиновники Н. И. Павлицев (будущий зять А. С. Пушкина) и И. Михайловский, офицеры Гастфорт, Ребиндер²⁶.

По переписке участников труда, материалам штаба 2-й армии, упомянутому выше «Отчету...» можно представить не только ход работы в этот период, но и значительные перемены в самом замысле.

Благодаря Бурцову — одному из передовых теоретиков военного дела своего времени — задачей «Описания русско-турецких войн» стало изучение истории военного искусства. «Словом, смысл сей состоял в том, — говорилось по этому поводу в „Отчете...“, — чтобы из прошедших опытов извлечь самое общее поучение для будущих действий». Поэтому описание «должно было иметь полноту, не свойственную прочим творениям, изданным военными писателями, и в коих обыкновенно обращается внимание только почти на тактику и стратегию»²⁷. Это был явный выпад против истории войн Бутурлина и ее теоретических основ.

Соответственно составленному плану описание русско-турецких войн делилось на четыре части (эпохи): ч. 1 посвящалась Прутскому походу Петра Великого, ч. 2 — войне в царствование императрицы Анны Ивановны 1735—1739 гг., ч. 3 — войнам в период управления Екатерины II — 1768—1774 гг. и 1787—1791 гг., ч. 4 — войне 1806—1812 гг. Участники труда, занимаясь каждый какой-либо частью, должны были «действовать по одному начертанию и в одном смысле». «По мере того, как собирался ма-

²³ ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.100.

²⁴ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 11/182а, св. 9; д. 86, ч. 2, л. 118.

²⁵ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 18—20.

²⁶ Н. П. Г л и н о е ц к и й. Там же, стр. 361.

²⁷ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 18. См. также А. П. З а б л о ц к и й-Д е с я т о в с к и й. Там же, стр. 206—207.

териал одними командированными чиновниками, другие приводили их в порядок и по возможности составляли в одно целое»²⁸.

В Петербурге и Москве в 1822—1823 гг. собирали материал и делали выписки Петров, Павлицев и Михайловский, получая конкретные указания от Бурцова²⁹. Петров должен был написать первую самую краткую часть, но до 1824 г. еще не приступил к этому. Зато он почти закончил описание войн в царствование Екатерины II. Над частью второй работал Басаргин, который почти завершил ее — осталось «присовокупить еще некоторые статьи по продовольственным и хозяйственным частям» — их должен был доставить из Петербурга Павлицев. Наконец, сам Бурцов «с точнейшими подробностями» начал описание последней войны с Турцией. «Первый год (1806), составляющий приурочивание к оной и начало военных действий, с величайшей точностью почти уже описан и сверх того предначертаны статьи для следующего 1807 г., а равно вкратце описан и поход ген. Каменского в 1810 г.», — говорилось в «Отчете...»³⁰.

Таким образом, к 1824 г. работа над историей русско-турецких войн была сделана более чем наполовину. Основными авторами ее являлись Бурцов, Басаргин и Петров.

Какова же дальнейшая судьба этого труда?

Предположение, что он так и остался незаконченным, не соответствует действительности. Правда, Бурцов и Басаргин в последние два года перед декабрьскими событиями 1825 г., вероятно, почти не работали над ним. Затем первый был сослан на Кавказ, а второй приговорен к каторжным работам. Поэтому труд завершал один Петров, и в 1827 г. он был сдан в Главный штаб.

Это четыре объемистые рукописные книги — четыре части «Описания походов россиян против турков»³¹. В Военно-топографическое депо сдали и немало томов с копиями документов, которые служили материалом для составления истории русско-турецких войн³².

Дать оценку научной значимости этого монументального произведения возможно лишь после его конкретного историографического анализа, что не входит в нашу задачу. Предварительно можно все же заключить, что это труд более значительный по своим теоретическим основам, концепции и фактической стороне, чем книги Бутурлина. Но первоначальный замысел инициатора и составителей «Описания...» осуществился далеко не полностью. К тому имелось немало причин — например, препятствия, чинимые в Главном штабе; меняющийся состав участников работы; тот факт, что руководитель ее Бурцов имел много других обязанностей в штабе и не смог лично завершить труд в соответствии со своими замыслами и военно-теоретическими взглядами. Главная же причина состояла в том, что на протяжении первой половины 20-х годов неуклонно нарастала реакционность общей атмосферы в стране, в армии. Это не могло создать благоприятных условий для научного творчества офицеров штаба 2-й армии.

Работа была окончена, но она не принесла ожидаемой славы честолюбивому Киселеву, а тем более ее непосредственным составителям. «Описа-

²⁸ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 18.

²⁹ См. письма к Бурцову Петрова, Павлицева, Михайловского из Петербурга и Москвы (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 129—180) и письма Бурцова Киселеву (ИРЛИ, ф. 143, д. 29.6.83, л. 26, 36, 41).

³⁰ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 19—20.

³¹ Там же, ф. ВУА, д. 1527, 1552, 1810, 2374, 2908. Черновой текст «Описания...» сохранился в делах штаба 2-й армии (ф. 14057, оп. 11/182а, св. 13, д. 68—71).

³² На основании заголовков и археографических особенностей дел фонда ВУА, их старой нумерации можно установить, что эти материалы составили около 40 дел, из них 31 о войне 1806—1812 гг.

ние...». Главный штаб как бы предал забвению, и оно попадало в руки лишь тех немногих, кто имел доступ к материалам Военно-ученого архива.

Несмотря на все это, теперь, через 150 лет, становится ясным, что работа, проделанная в штабе 2-й армии, в том числе декабристами, не пропала даром. Не столько само «Описание...», сколько материалы, для него разысканные и переписанные, воспоминания и записки очевидцев, которые после соответствующих просьб были доставлены в Тульчин — драгоценные исторические источники, значительная часть которых в настоящее время опубликована. Среди них немаловажное значение имеют документы, ценные для изучения балканских народов, русско-балканских связей, особенно в период войны с Турцией 1806—1812 гг. Они не раз использовались советскими историками в трудах по этой тематике. Некоторые из них несомненно войдут в подготавливаемую сейчас публикацию документов и материалов о сербских восстаниях 1804—1813 и 1815 гг.

В штабе 2-й армии велись работы по статистическому и географическому изучению Балкан, составлению соответствующих карт, предпринятые также по инициативе Киселева³³ и проводимые на столь же основательной базе, как и описание русско-турецких войн.

Были направлены просьбы к ряду лиц, которые могли оказать содействие в этом отношении, сообщить или прислать нужные материалы; приобретен ряд карт и описаний, в том числе в Одессе и Кишиневе, собраны описания «от греческих выходцев и уроженцев различных мест в Булгарии и Румелии об известных им частях...»³⁴.

В топографических работах, составлении карт и описаний к ним принимали участие декабристы П. И. Фаленберг, Н. И. Комаров, Е. В. Фон-Руге, Н. И. Филипович (возможно, серб по происхождению, умерший в 1824 г.) и др.³⁵. Семитопографическая карта Европейской Турции с сопредельными к ней областями Австрии и России была закончена подполковником Комаровым в 1821 г. Несколько позднее такая же карта составлялась подполковником Фаленбергом и капитаном Фон-Руге³⁶. К ней прилагалось «Краткое описание»³⁷.

Когда в начале 1821 г. в Молдавии и Валахии вспыхнуло восстание Тудора Владимиреску, а вслед за ним Александр Ипсиланти перешел границу и поднял на борьбу против Турции греков-этеристов, штаб 2-й армии стал центром сбора информации о балканских событиях. Она обрабатывалась, систематизировалась, и соответствующие записки направлялись в Петербург.

Во всей этой работе весной 1821 г. непосредственно участвовал Пестель, трижды ездивший в Кишинев и в Скулянский карантин на русско-турецкой границе. Основываясь на собранных там сведениях и информации, поступавшей в штаб армии, он написал несколько записок и рапортов о балканских событиях, которые содержали первые достоверные и подробные данные о революционных выступлениях греков, молдаван и валахов. Составленные умно, логично и четко, записки эти, несмотря на служебное назначение и секретность, вскоре стали распространяться в списках, удовлетворяя воз-

³³ Записка П. Д. Киселева «О необходимости и возможности в мирное время собрать топографические сведения о турецких владениях». 1820 г. (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18885).

³⁴ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13.

³⁵ См. Формулярные списки офицеров квартирмейстерской части штаба 2-й армии от 15 декабря 1823 г. ЦГВИА, ф. 489, оп. 1, д. 7067.

³⁶ ЦГВИА, ф. 14057, оп. 2, д. 13, л. 11.

³⁷ Там же, д. 12.

росший интерес русской общественности к революционному движению балканских народов³⁸.

Недавно писатель и литературовед Л. Большаков выдвинул версию о том, что именно Пестель написал первую историю этеристского восстания в Дунайских княжествах³⁹. Речь идет о рукописи под названием «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 г. и соприкосновенных оным обстоятельств», хранящейся в ЦГВИА. Список с нее Большаков обнаружил в Оренбургской библиотеке. Но доказательства, выдвинутые Большаковым в пользу такого предположения — главным из них является наличие в «Обозрении...» заимствований из упомянутых выше записок Пестеля — нельзя считать убедительными. Зато можно доказать документально, что первая история восстания этеристов в Молдавии и Валахии была написана в штабе 2-й армии на основании собранных там материалов (в том числе и записок Пестеля) в первой половине 1822 г. Работа эта, по своему типу и назначению близкая к «Описанию походов россиян против турков», велась под руководством того же Бурцова, который, по всей вероятности, был основным автором этой рукописной книги, очень интересной по своей концепции балканских событий и идейной направленности⁴⁰.

В наше время советские историки используют «Обозрение происшествий в Молдавии и Валахии 1821 г...» как ценный источник о восстании этеристов и о восстании Тудора Владимиреску. По этой тематике в рукописи содержатся очень подробные и достаточно достоверные сведения.

Пестель, Басаргин, Бурцов и другие названные выше декабристы занимались изучением Балкан, русско-турецких войн, сбором сведений о событиях в Дунайских княжествах по роду своей служебной деятельности, находясь вблизи турецких владений, часто непосредственно соприкасаясь с молдаванами, валахами, греками, болгарами, сербами. Все это, конечно, стимулировало их интерес к балканским делам.

Но те же научные проблемы занимали и некоторых декабристов, живших в Петербурге. Мы хотели бы остановиться на работах в этой области члена Союза благоденствия Н. И. Кутузова и активного деятеля Северного общества А. О. Корниловича.

Н. И. Кутузов — представитель правого умеренного крыла декабристского движения, близкий по своим взглядам к Никите Муравьеву⁴¹. После роспуска Союза благоденствия он не принимал непосредственного участия в движении и поэтому после ареста и допроса был освобожден от суда, но уволен с военной службы. Человек несомненно высокообразованный, он занимался изучением истории, философии, писал критические статьи о литературных произведениях. Известны некоторые из его историко-философских работ, опубликованных в различных журналах, преимущественно в «Сыне отечества»⁴². Но Кутузов печатался и анонимно или подписываясь лишь инициалами. Именно он был, по нашему мнению, автором статьи,

³⁸ См. об этом подробнее: Б. Е. Сыроечковский. Балканская проблема в политических планах декабристов. «Очерки из истории движения декабристов». М., 1954; И. С. Достян. Балканский вопрос во внешнеполитических планах Пестеля. «Исторические записки», т. 95. М., 1975.

³⁹ Л. Большаков. Отыскал я книгу славную... Поиски и исследования. Челябинск, 1971.

⁴⁰ По этому вопросу нами будет опубликована в ближайшее время специальная статья.

⁴¹ Об общественно-политических взглядах Кутузова см. В. П. Базанов. Вольное общество любителей российской словесности. Петрозаводск, 1949; е го же. Ученая республика. М.-Л., 1964; С. С. Волк. Там же.

⁴² Н. И. Кутузов. Обозрение царствования Людовика XIV. «Сын отечества», 1819, № 50, 51; е го же. О причинах благоденствия и величия народов. Там же, 1820, № 1; е го же. О причинах и следствиях заблуждения. «Журнал древней и новой словесности», 1819, № 4.

помещенной в «Сыне отечества» в 1822 г. под названием «Война турецкая (Отрывок из истории лейбгвардии Измаиловского полка, писанной бывшим поручиком Н. И. К.)»⁴³. Н. И. Кутузов до 1822 г. служил в Измаиловском полку и имел чин поручика, поэтому можно заключить, что он и написал историю этого полка, участвовавшего в войнах с Турцией в XVIII — начале XIX в. Сам факт составления такой истории полка характеризует возрастание в России внимания к изучению военной истории.

Мы не знаем, была ли написана полностью история Измаиловского полка, но Кутузов, работая над ней, видимо, заинтересовался историей русско-турецких войн и участием в них балканского населения, в частности сербов. В 1830 г. в «Сыне отечества» появилась рецензия на книгу В. Б. Броневского о русско-турецкой войне 1828—1829 гг., подписанная инициалами Н. К. Ее автором, был, конечно, Н. И. Кутузов, писавший: «Любопытство и самый род занятий по службе заставили меня заглянуть в книгу...». Рецензия была очень критичной, в ней доказывалась необходимость более полного и документированного описания истории русско-турецких войн⁴⁴.

В 1828 г., вскоре после начала войны с Турцией, Кутузов составил записку, адресованную Николаю I, высказав в ней предположение относительно плана военной кампании на балканском фронте, который мог бы привести без больших материальных и людских жертв к победе над Турцией. План этот состоял в привлечении к военным действиям не только местного христианского населения, но и недовольных турецким правлением мусульман. Особенно важная роль в этом отношении отводилась населению Сербии и Боснии, которые, по словам Кутузова, «замышляют приобрести полную независимость». Создание славянской державы на месте европейских владений Турции представлялось Кутузову наиболее целесообразным и выгодным для России решением балканского вопроса. Содержание этой записки свидетельствует, что ее автор хорошо знал об участии сербов в предыдущей русско-турецкой войне и считал необходимым использовать этот опыт привлечения на сторону России народов, борющихся за освобождение от власти Турции⁴⁵.

А. О. Корнилович — один из выдающихся деятелей декабристского движения. Воспитанник Ришельевского лицея в Одессе, а затем московской школы колонновожатых, он отличался исключительными способностями, любознательностью, был полиглотом. Именно Корниловича, поручика гвардейского генерального штаба, прикомандировали к Бутурлину для сбора архивных материалов по истории войн. Это была неблагодарная работа, но она пришлась по душе юноше, проявлявшему большой интерес к русской истории, особенно ко времени правления Петра.

В ходе архивных разысканий Корнилович встречался с Петровым, Павлицевым и Михайловским, которые с трудом получали необходимые им документы, и в какой-то мере помогал им⁴⁶. Он был в близких отношениях также с Басаргиным.

⁴³ «Сын отечества», 1822, № 42, 43.

⁴⁴ «Сын отечества», 1830, ч. 134, № 10.

⁴⁵ Записка коллежского советника Кутузова. АВПР, ф. 1—9, 1828 г., д. 1. А. В. Фадеев, не знаящий, что автором этой записки является член Союза благоденствия Н. И. Кутузов, дал не вполне точную интерпретацию ее содержания, приводил в качестве примера распространения в русском обществе реакционных идей «панславистского толка» именно предложение Кутузова о создании славянской державы (А. В. Фадеев. Россия и Восточный кризис 20-х годов XIX в. М., 1958, стр. 199—200). Для подобной характеристики нет оснований. Но в общественно-политических взглядах Кутузова имелись все же элементы национализма, которые впоследствии усилились. Об этом свидетельствуют некоторые записки и статьи Кутузова 40-х годов. Однако и тогда он резко критически относился к режиму Николая I.

⁴⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 652, ч. 2, л. 136.

Перед арестом у Корниловича накопилось два сундука архивных копий⁴⁷. И можно себе представить, сколь плодотворной была бы его дальнейшая работа в области истории. Вероятно, в какой-то мере она касалась бы и истории русско-турецких войн, ибо по этой тематике Корнилович собирал материал для Бутурлина.

Корниловичу не суждено было продолжить научную деятельность. Но его тяга к научным занятиям, к творчеству была так велика, что даже в Петропавловской крепости, куда он был заточен в 1828 г. в связи с вторичным расследованием его дела, декабрист не выпускал пера из рук. Он написал целый ряд записок по самым различным вопросам — политическим, историческим, экономическим⁴⁸.

Не было случайностью, что среди этих записок Корниловича встречались имевшие прямое отношение к интересующей нас тематике. Одна из них, написанная в начале 1828 г., касалась назревавшей войны с Турцией и политики России в отношении славянских народов. В ней говорилось о необходимости учета опыта дипломатической, политической и военной истории России со времени Петра I; доказывалась необходимость создать для служебного пользования описание такого рода на основе архивных материалов. Полезность этого Корнилович доказывал на примере плана экспедиции в Константинополь 1808 г. События войны 1806—1812 гг. он связывал с задачами и планами новой войны, говорил о недовольстве господством Австрии славянских народов, входивших в ее состав⁴⁹. Обо всех этих фактах, ставших известными в исторической науке лишь ряд десятилетий спустя, Корнилович, по всей вероятности, узнал в связи со сбором материалов по истории русско-турецких войн.

Другая записка Корниловича, написанная в следующем году, посвящалась вопросу о необходимости расширения торговли с Турцией. При заключении мира с Портой, полагал Корнилович, необходимо оговорить условия, которые бы благоприятствовали расширению торговли с Востоком, что явится надежным средством к «народному обогащению»⁵⁰.

В 1830 г. Корниловича освободили из крепости и сослали на Кавказ. Там, томясь от одиночества и бездеятельности, он занялся переводом случайно попавшей в его руки и заинтересовавшей его книги австрийского историка Леопольда Ранке «Die serbische Revolution». Свой перевод декабрист намеревался опубликовать в журнале «Московский телеграф», издававшемся Н. А. Полевым, которому он писал по этому поводу: «Случайно попало мне здесь немецкое сочинение Леопольда Ранке «Die serbische Revolution». Заглавие это я переименовал на другое — «Сербия в новейшее время». Оно состоит из 12 глав: первая заключает в себе подробное описание сербских нравов и обычаев, остальные одиннадцать — войны с турками в начале нынешнего столетия, сношения их с Россией, успехи, неудачи и, наконец, освобождение от турецкого ига Милошем. Книга эта меня чрезвычайно заняла, от нечего делать я перевел ее. Не прислать ли вам этот перевод? Можно напечатать ее почти всю отдельными статьями, ибо между главами мало связи. В таком случае, думаю, она заняла бы не последнее место в «Телеграфе»⁵¹. Но переведенная Корниловичем книга так и не была издана: в 1834 г. Корнилович скончался, в том же году было запрещено

⁴⁷ С. С. Волк. Там же, стр. 396—397.

⁴⁸ П. Е. Щеголев. Декабрист А. О. Корнилович. Благоразумные советы из крепости. В кн. П. Е. Щеголев. Декабристы. М., 1926.

⁴⁹ ЦГАОР, ф. III-го отделения, 1 экз., оп. 5, д. 61, ч. 79, л. 41—43; П. Е. Щеголев. Там же, стр. 312.

⁵⁰ А. О. Корнилович. Сочинения и письма. М.—Л., 1957, стр. 221—224.

⁵¹ Там же, стр. 388.

издание «Московского телеграфа». Книга Ранке на русском языке была опубликована лишь в 1876 г.

Таким образом, некоторые из членов тайных декабристских организаций, в особенности те из них, которые занимались в штабе 2-й армии историей русско-турецких войн, научно-теоретическими проблемами, статистическими и топографическими работами, сбором и обработкой информации о революционных событиях в Дунайских княжествах 1821 г., немало сделали для изучения владений Турции в Европе, балканских народов и их отношений с Россией. В наше время плодами их кропотливого труда, часто сами того не подозревая, пользуются советские историки.

Но случай с переводом книги Ранке Корниловичем и другие аналогичные факты свидетельствуют, что часть из того, что сделали декабристы, прогрессивные русские деятели 20-х годов в области изучения русско-турецких войн, балканских народов, их отношений с Россией, безвозвратно пропало, не дошло до русской общественности, не оказало на нее влияния. В том были повинны не они сами, а общественно-политические условия, существовавшие в России, поражение декабрьского восстания 1825 г.

А. А. ИЛЮШИН

ПОЭТЫ-ДЕКАБРИСТЫ В ИСТОРИИ РУССКО-ПОЛЬСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Вы — меня не забыли? Мне так часто снится
Круг друзей — кто погиб, кто в тюрьме, кто в изгнании.
И вы среди них: чужеземные ваши лица
Право гражданства в моем обрели сознаны...
Где ж вы теперь? Гордая шея Рылеева —
Та, что как брат обнимал я, — по царской воле
В петле висит под ветвью подлого дерева.
Проклят сброд, пророка смертной обрекший доле!
Руку, что мне протянул Бестужев как другу,
Бард и воин, — ту руку с пером и булатом
Царь разлучил, привязав ее к тачке туго:
В копях скован цепью одной с польским собратом.

А. Мицкевич. Русским друзьям (отрывок из III части «Дзядов»)

Три крупнейших поэта-декабриста: К. Ф. Рылеев, В. К. Кюхельбекер А. И. Одоевский — внесли немалый вклад в развитие русско-польских литературных отношений. Изучать этот вклад можно во многих аспектах. Прежде чем сосредоточиться на одном из них, наименее исследованном («русский и польский варианты поэтического мифа о Рылееве» — так сформулировали бы мы проблему, к которой предстоит обратиться), попытаемся в общих чертах охарактеризовать круг вопросов, возникающих в связи с затронутой темой.

«Русско-польские литературные взаимоотношения имеют давнюю и богатую традицию. Одна из самых ярких страниц этих связей, творческая дружба Пушкина и Мицкевича — величайших национальных поэтов, — до сих пор продолжает привлекать к себе внимание исследователей»¹. Этот тезис относится к числу бесспорных. Великие национальные поэты соизмеримы, их творческие контакты осуществлялись на главной магистрали литературного движения, а не где-нибудь на периферии (как то бывает, когда гений «контактирует» с величиной третьестепенной: Мицкевич и Туманский, Пушкин и граф Олизар). Как же в этом плане отнестись к декабристам и к их связям с Мицкевичем? Литературный авторитет, вес, репутация каждого из них, конечно, несоизмеримы с «весом» Мицкевича. Тем не менее проблема «Мицкевич и декабристы»² представляется не менее важной и существенной, чем «Мицкевич и Пушкин». Хотелось бы эту очевидную странность как-то пояснить.

¹ «Польско-русские литературные связи». М., 1970, стр. 5.

² Из многочисленных работ, так или иначе затрагивающих эту проблему, назовем основательное исследование Б. Ф. Сталева «Мицкевич и прогрессивная русская общественность», М., 1955.

В России XIX в. было много литературных содружеств и сообществ, но ни одно из них не персонифицировалось в виде обобщенно-монументальной фигуры единого поэта-коллектива. Например, отдельно взятый арзамасец (будь то Жуковский, или Батюшков, или Давыдов, или молодой Пушкин) интересен в гораздо большей степени сам по себе, нежели как арзамасец, как член определенного сообщества. И так же обстоит дело с другими коллективами. Декабристы в этом смысле едва ли не исключение. В нашем сознании давно сложился образ, так сказать, «собирабельного» поэта-декабриста, великого человека и героя, прожившего вместе со своей «музой» трудную, прекрасную жизнь, исполненную тревог, страданий, борьбы и творчества. Хорошо известна его биография: родился в конце (80—90-е годы) XVIII в.; был героем наполеоновских войн; искал истину в масонских ложах и затем в тайных обществах; 14 декабря был на Сенатской площади; перенес арест, допросы, тюремное заточение, потом сибирскую каторгу (куда к нему приехала «собирабельная» жена); дождался амнистии 1856 г. — и т. д., вплоть до смерти, которую встретил в преддверии своего столетнего юбилея, т. е. в самом конце 70-х годов. За эту долгую жизнь создал великое множество ценнейших поэтических произведений, в целом составляющих своеобразную художественную летопись декабризма. Литература обязана декабристам не десятками маленьких и скромных вкладов, а одним общим колоссальным вкладом. Потому-то «собирабельный» декабрист, будучи намного сильнее и масштабнее всякого отдельно взятого поэта-декабриста, — величина, соизмеримая с корифеями прошлого века, с Пушкиным и Мицкевичем, Гете и Байроном.

Мицкевич в послании к русским друзьям, упоминая имена Рылеева и Бестужева, называет *wieszczem* (поэтом-пророком) не первого из них, а второго; нужно бы наоборот (настоящим поэтом Бестужев стал только в Сибири), но так ли уж это важно? — Если существует единый поэт-декабрист, то все равно, в правой или в левой руке держит он исписанную стихами тетрадь. Далее, Бестужев не был в забайкальских коях, избежал каторги — вопреки тому, что пишет о нем Мицкевич, но это опять-таки не существенно, поскольку и здесь важен не конкретный Бестужев с его конкретной судьбой и отклонениями от общей нормы, а «собирабельный» декабрист, в жизни которого были и цепи и каторга.

К страсфе о Рылееве мы еще вернемся. Что касается его польских литературных связей — не «мифических», о чем речь впереди, а реальных, — то их можно рассматривать в двух аспектах. И на него влияли, и он влиял. Замысел рылевских «Дум» созрел в значительной степени благодаря знакомству с творчеством Ю.-У. Немцевича. Литературные отношения русского и польского поэтов привлекали внимание разных исследователей; пожалуй, эту тему следует считать исчерпанной³. Стихи Мицкевича Рылеев переводил — не очень, правда, удачно, но в историко-литературном отношении это факт небезынтесный. А впоследствии сам Мицкевич создавал некоторые свои произведения с учетом того опыта, который заключен в творчестве Рылеева, так что в данном случае литературное воздействие было взаимонаправленным. Наконец, и «Думы» и поэма «Войнаровский» переводились в прошлом веке на польский язык, причем перевод «Войнаровского», осуществленный В. Сырокомлей, представляет особый интерес⁴.

³ Итоги изучения данной темы подведены в работе Е. М. Двойченко-Марковой «Немцевич и Рылеев» («Польско-русские литературные связи», стр. 129—155).

⁴ Konrad Rylejew. Wojnarowski w przekładzie Władysława Syrokomli (Kondratowicza). Przekład uzupełnił Włodzimierz Słobodnik. Wstępem i komentarzem opatrzył Leon Gomolicki. Wrocław, 1955.

Сохранились некоторые сведения о польских связях другого видного поэта-декабриста — Кюхельбекера. Он живо интересовался творчеством Немцевича, Одынца, Мицкевича. Стихи последнего поначалу читал в нестихотворных переводах, интуитивно догадываясь, что в оригинале они прекрасны. Балладу Одынца «Лунатик», прочитанную Кюхельбекером в подлиннике, поэт-декабрист хотел перевести русскими стихами. Совершенствуясь в польском языке, Кюхельбекер достиг такого уровня, что мог свободно читать стихи Мицкевича в оригинале, но Немцевич с его более архаической манерой письма оставался для него «труден»⁵. Можно полагать, что поиски отзвуков и реминисценций из стихотворений Одынца в поэзии Кюхельбекера окажутся небезрезультатными.

Следует упомянуть о польских связях Одоевского. Свидетельствующие о них факты относятся и к сибирскому и к кавказскому периоду в жизни и творчестве декабриста. В Сибири состоялось его знакомство с польским поэтом А. Янушкевичем⁶, которому Одоевский, как известно, посвятил одно из своих стихотворений. Кавказ же был местом ссылки и русского поэта и так называемой кавказской группы польских поэтов (Т. Лада-Заблочкий, В. Стшельницкий, Л. Янишевский и др.), творчество которых кое в чем созвучно творчеству Одоевского⁷. Интересно, в частности, что на страницах «Библиотеки Варшавской» (1841, № 1) было опубликовано стихотворение поэта-декабриста «Бал», написанное им еще до 1825 г. Имеются также и до сих пор не опубликованные польские переводы стихов Одоевского: первая строфа послания «К отцу» на польском языке хранится в рукописном отделе Библиотеки им. Оссолинских во Вроцлаве, о чем нам известно благодаря Д. С. Прокофьевой. Наконец, польская тема, вошедшая в поэзию Одоевского как важная составная часть волновавшей его славянской темы, отчетливо звучит в ряде стихотворений декабриста, и ее обстоятельный обзор был бы уместен в специальной работе, посвященной соответствующей проблематике.

Из сказанного видно, что изыскания в области польских связей поэтов-декабристов можно вести в самых разных направлениях. Вполне правомерны узкие темы частного характера, касающиеся творческих контактов того или иного русского поэта с тем или иным польским (Рылеев и Сырокомля, Одынец и Кюхельбекер, Одоевский и Янушкевич и пр.). Возможен и более общий, даже самый общий подход: декабризм и Польша — тем более, что понятие «декабризм», как уже было выше отмечено, ассоциируется с образом «собирающего» поэта-декабриста. Возвышая его легендарную фигуру над уровнем творческих потенций каждого конкретного, отдельно взятого поэта-декабриста, мы пока не сказали достаточно внятно о том, что среди этих «конкретных» есть один, который сам по себе тоже намного выше среднего уровня, тоже по-своему «мифичен» и потому в некоторых отношениях соразмерен с великими поэтами и крупного плана литературными явлениями. Речь, конечно же, идет о Рылееве.

Рылеев — декабрист, поэт, мученик — легендарен, мифологизирован. Существуют, по крайней мере, русский и польский варианты единого поэтического мифа о нем, имеющие, конечно, главным образом сходные черты (поскольку это не *две*, а именно варианты *одной* легенды), но также

⁵ Л. И. Ровнякова. А. Э. Одынец в русской романтической литературе (1825—1840). В кн. Эпоха романтизма. Л., 1975, стр. 199—235.

⁶ Ф. И. Стеклова. А. И. Одоевский и Адольф Янушкевич. «Советское славяноведение», 1968, № 3, стр. 58—62.

⁷ Д. С. Прокофьева. Поэзия «кавказской группы» польских поэтов. В кн. Польский романтизм и восточнославянские литературы. М., 1973, стр. 220. См. также в этой же статье (стр. 218, 219) параллели между польскими литераторами и А. А. Бестужевым-Марлинским как прозаиком.

и свои различия, что не менее интересно. Прежде чем показать и то и другое, поясним, что имеется в виду.

Имя легендарного человека не просто популярно, общеизвестно, — в нем заключена некая скрытая таинственная энергия, однозначно предопределяющая реакцию тех, при ком его произнесут, зачастую требующая того или иного ритуального жеста, а может быть, той или иной формы изъяснения чувств. Ассоциативные связи такого имени с каким-то определенным кругом идей, представлений, образов прочно закреплены, причем соответствующие ассоциации возникают и подключаются автоматически, мгновенно, тут безотказно срабатывает неколебимая прочность надежно сложившейся репутации.

Мифологизируется и тело человека-легенды, — если не все в целом и не в виде мощей святого, то какая-то его часть, обретшая как бы новую жизнь в общественном сознании: Ахиллесова пята, Сократовский лоб и т. д. У легендарного мученика это, как правило, непосредственно пострадавшая при казни часть тела: «ладонь, пробитая гвоздем» у распятого, поруганная голова — обезглавленного, стянутая веревкой шея — повешенного.

Особому переосмыслению подлежит жизнь, земные дела мифологизируемого. Они насыщаются великим смыслом, исключаящим все случайное, мелкое, незначимое. «Обыкновенный» человек, допустим, может заболеть и потерять зрение, и о нем просто скажут, что он ослеп; о «необыкновенном» скажут иначе: зримый мир померк перед ним и открылся незримый. И так во всем, что известно о легендарной личности, обнаружится высшая целесообразность, вполне отвечающая легенде и достойная поклонения, а подчас обожествления.

Для того чтобы рассмотреть легенду о Рылееве, высказанных выше предварительных замечаний достаточно, хотя они далеко не исчерпывают тему легендарности вообще. Прибавим лишь одно. Если говорить не просто о мифе, а о литературно-поэтическом мифе, каковой интересует нас в связи с Рылеевым, то здесь есть еще одна особенность. Имя, фамилия, тело и поступки героя живут в определенном поэтическом контексте, обрастают специфическими литературными ассоциациями — начиная с того, что он, в прошлом все-таки реальный же человек (!), оказывается в одном ряду с некими вымысленными литературными персонажами, и кончая тем, что его имя, одушевляющее стихи в его честь, многозначительно рифмуется с избранными словами: вспомним хотя бы такие рифмы-мифологемы, как *Христа — креста, Ломоносов — россов, Багратион — бог рати он* и др. Случайные семантические соответствия подобного рода созвучий перестают быть случайными: видится «перст судьбы» в том, что гордостью *россов* стал не кто иной, а — в рифму — *Ломоносов*.

У Рылеева, кроме русского имени Кондратий, есть польское: *Konrad*. Вернее, в наше время по-польски пишут иногда *Kondrat*, иногда *Konrad*, но в прошлом веке господствовала форма *Konrad*, и сам Рылеев именно так подписывал свои письма Немцевичу. В такой огласовке это имя прогремело в Европе еще тогда, когда о Рылееве никто толком не знал, — как имя героя романтической поэмы Байрона «Корсар». Таким образом, Рылеев вступил на литературное поприще не только как поэт, но и как романтический герой, словно сошедший со страниц байроновской поэмы. Это «мифическое» обстоятельство легко увязывается с байронизмом Рылеева, столь отчетливо сказавшимся в его поэмах, и прежде всего в «Войнаровском».

Далее — Мицкевич (через несколько лет после восстания 1825 г.) напишет свою поэму «Конрад Валленрод», причудливейшим образом соотносимую с личностью и творчеством Рылеева. Во-первых: *Конрад Вал-*

ленрод — Конрад Рылеев, что уже само по себе совпадение многозначительное и красноречивое; во-вторых: Валленрод — и рылеевский Мазепа из «Войнаровского», фигура которого отбрасывает тень на героя поэмы Мицкевича. Обе параллели, кстати, давно находятся в поле зрения польского литературоведения⁸. Но самое любопытное, что и Рылеев как политический деятель еще в первую половину прошлого века был мифологизирован «под» Мазепу, своего же героя, отождествлен с ним, причем легенда эта тогда же проникла далеко за пределы и России и Польши⁹. Логика тут была такая. Герой «пророческой» поэмы Рылеева — гетман Мазепа, политический заговорщик — погибает; соблазненный (завербованный) им Войнаровский сослан в Якутск; точно так же погиб заговорщик Рылеев, а принятый им в Тайное общество Бестужев... сослан в тот же Якутск — словно, по насмешке судьбы, для того, чтобы искать там могилу своего литературного «двойника» — Войнаровского.

Мы видим, как ломаная линия замыкается в мифический треугольник. Не только от Валленрода протянута нить к Рылееву и другая нить к рылеевскому Мазепе, но и от Рылеева к рылеевскому Мазепе тоже тянется нить. При этом происходит примерно то, о чем в общей форме шла речь в наших предварительных замечаниях касательно легендарности. Во-первых, случайное и не претендующее ни на какое пророчество становится властно-закономерным и пророческим, как бы программирующим будущее. Реальный Кондратий Федорович не считал себя Мазепой, а Александр Бестужев — Войнаровским, и тем более не мог предполагать, что через год погибнет, а Бестужева сошлют, как когда-то Войнаровского, в Якутск. Легендарный же Конрад Рылеев, великий поэт-пророк, все предвидел заранее — и вдохновенно вещал. Во-вторых, миф уравнивал исторически существовавших людей с литературными героями. Исторический Мазепа и воссозданный Рылеевым, исторический Валленрод и воссозданный Мицкевичем, исторический Рылеев и мифологизированный, в ореоле романтической легенды — все смешалось.

А Конрад, как известно, не исчезает с завершением «Валленрода»: Мицкевич вернется к этому имени, к этому романтическому герою, соименнику Рылеева, в III части «Дядюв»; в отрывке же, прилагаемом к этой части и посвященном русским друзьям, Рылеев будет назван по фамилии. Но к этому мы вернемся несколько ниже.

Польский поэт следующего (после Мицкевича) поколения — Людвик Кондратович — избрал себе в качестве литературного псевдонима название своего шляхетского герба — Сырокомля, но и сам он, и его польские и русские друзья прекрасно помнили его настоящую фамилию, она же часто фигурировала и в печати. Что же такое «Кондратович»? Безусловно, наследник Рылеева, его чуть ли не сын, причем уже сын не Конрада, а Кондрата Рылеева, как бы Людвик Кондратович Сырокомля-Рылеев. И не случайно, разумеется, именно этот польский поэт взялся за перевод главного произведения своего русского «отца»: перевел поэму «Войнаровский» (как известно, это до сих пор единственный польский перевод рылеевской поэмы).

Мало того, можно указать на некоторые соответствия и переклички между оригинальными стихами Сырокомли и произведениями Рылеева. Сошлемся, в частности, на авторитет критика и публициста, равно принадлежащего русской и польской культурам — имеется в виду В. Д. Спасо-

⁸ L. G o m o l i c k i. «Wojnarowski» — «Walenrod» — «Połtawa». «Twórczość», 1949, № 6.

⁹ S c h n i t z l e r. Histoire intime de la Russie. I. 1854, p. 207; A. E r m a n. Reiseum die Erde. B. II. Berlin, 1838, S. 271—274.

вич (Włodzimierz Spasowicz), посвятивший Сырокомле критико-библиографический очерк. В этом очерке однажды упоминается Рылеев, причем отнюдь не по поводу осуществленного Сырокомлей перевода поэмы «Войнаровский», а в плане типологического сопоставления предсмертного стихотворения Сырокомли «*Curio dissolvi*» с предсмертным стихотворением Рылеева «Мне тошно здесь, как на чужбине». Критик пишет о «поразительном сходстве» этих произведений¹⁰, будучи в то же время уверенным, что Сырокомле не было известно опубликованное значительно позже последнее стихотворение Рылеева. Думается, здесь «сработала» запрограммированная логикой развития мифа ассоциация *Кондрат* Рылеев *Кондратович*-Сырокомля, тем более, что «поразительного сходства» между «*Curio dissolvi*» и «Мне тошно здесь, как на чужбине» нет: в лучшем случае можно было бы говорить об общем и приблизительном сходстве.

Соотечественники поэта-декабриста не связывали его имени с именем романтического героя Конрада. В их памяти жил Кондратий Рылеев: два слова — и каждое из них «волшебное». Оба не слишком удобно рифмовать с другими словами русского языка, круг возможных рифм узок, ограничен. Рылеев — злодеев, трофеев и т. п. (т. е. тут годится форма множественного числа родительного — винительного падежа существительных мужского рода, заканчивающихся на -еј, а таких у нас мало); Кондратий — за братьй (погиб за братьй!), проклятий и т. п. Это рифмы-раритеты и в то же время рифмы-мифологемы. Любопытно, что созвучия на -атий и -еев встречаются еще у самого Рылеева — явление, которое мы назвали бы усеченной сфрагидой, когда «эхо» рифмующихся строк звучит как напоминание об имени автора. Так, в поэме «Наливайко»:

Ты ненавидишь как злодеев	}	Рылеев
И дерзких ляхов и евреев...		
*		
Страдальца кровь и вопль проклятий!	}	Кондратий
Погиб, но он погиб за братьй... ¹¹		

В 1866 г. в «Колоколе» Герцена, издаваемом за границей, появилось стихотворение, автором которого назван В. С. Курочкин. Оно посвящено декабристам, и в нем встречаются те самые рифмы-мифологемы, о которых идет речь:

Поднялись в то время на злодеев
 Кондратий Рылеев...

 И сложили головы за братьй
 Пестель и Кондратий¹²

Подобные рифмы звучат как заклинания: Ломоносов гордость россов, Кондратий погиб за братьй, Рылеев (...?) злодеев. У Языкова есть стих «Рылеев умер как злодей», где «Рылеев» и «злодей», будучи в одной и той же строчке, не рифмуются, однако видно, что эти слова настолько «привыкли» друг к другу, что им удобно быть вместе и тогда, когда рифма этого не требует.

С еще более интересным явлением сталкиваемся у Пушкина. XXXVIII строфа главы VI «Онегина» не вошла в окончательный текст, известна по

¹⁰ В. Д. С п а с о в и ч. Владислав Сырокомля (Кондратович). В кн. Сочинения В. Д. Спасовича, т. I (Литературные очерки и портреты). СПб., 1889, стр. 18—19.

¹¹ К. Ф. Р ы л ь е в. Стихотворения. Статьи. Очерки. Докладные записки. Письма. М., 1956, стр. 212, 217.

¹² «Поэзия декабристов». Л., 1950, стр. 739.

сохранившейся копии. Поэт размышляет в ней о возможной дальнейшей судьбе Ленского, если бы тот не погиб внезапно на дуэли:

Уча людей, мороча братьий,
 При громе плесков и проклятий,
 Он совершить мог грозный путь,
 Дабы последний раз дохнуть
 В виду торжественных трофеев,
 Как наш Кутузов иль Нельсон,
 Иль в ссылке, как Наполеон,
 Иль быть повешен, как Рылеев ¹³.

Рифме *трофеев* — *Рылеев* фатально предшествует рифма *братьий* — *проклятий*, созвучная имени Кондратий. Логично: имя и фамилия человека оказались как бы рядом. Чтобы подчеркнуть значимость этого явления, отметим: на протяжении всего текста романа «Евгений Онегин» нет ни одной рифмы ни на -áтий, ни на -éев, а тут, в приведенном отрывке, обе столкнулись на маленьком — всего восемь строк — участке.

В честь покойного Рылеева назвал Кондратием своего родившегося в Сибири сына декабрист А. Е. Розен. Поэт Одоевский сочинил мальчику колыбельную песню:

Спи мой младенец,
 Милый мой Атий...

Как видим, здесь уменьшительная форма от имени Кондратий — не Кондрат и не Кондраша, как можно было бы ожидать, а Атий — форма, рифменно созвучная с полной формой. Одоевский обещает младенцу, что когда тот вырастет, ему явится хранитель, его «соименник в небесах». В этой строке прячется анаграмма, расшифровав которую, мы прочитаем имя Рылеева:

Тогда к тебе сойдет другой хранитель...

Здесь выделены те графемы (именно графемы, а не буквы, ибо по старому правописанию было: Кондратий — *i* вместо *и*), из которых состоит имя декабриста. Несколько ниже встретится стих, тоже скрывающий в себе анаграмму — графемы (опять-таки графемы, а не буквы, т. е. не учитывая разницу между *ѣ* и *е*), из которых складывается фамилия Рылеев:

Вкруг выи синий пламень вьется ¹⁴.

Эта строка даст нам повод перейти к следующему объекту мифологизации — т. е. от имени и фамилии Рылеева к поэтическому воспроизведению внешнего его облика (так и хочется сказать: к деталям, а еще «точнее» — к детали его портрета). Речь пойдет о мифологизированной части казненного тела. Применительно к Рылееву — это, конечно же, шея, или — торжественнее — «выя».

Одно пояснение. О повешенном человеке можно говорить по-разному. Он «сложил голову за братьий», он «запечатлел любовь к стране родимой кровью», «казнен», «погиб» и т. п. Такие выражения либо не объясняют, какую смертью умер мученик, либо, если понимать их буквально, могут даже ввести на этот счет в заблуждение, как, например, стихи Кюхель-

¹³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. V. М. — Л., 1950, стр. 537.

¹⁴ «Поэзия декабристов». Л., 1950, стр. 431, 432.

бекера, в которых упоминается кровь Рылеева (не проливал ведь кровь декабрист на самом-то деле, а задушен петлей!). Можно сказать: «повешен» — это будет конкретнее и яснее. А можно пойти дальше, сосредоточив главное внимание на шее казнимого. Ее когда-то кто-то обнимал, ее укутывал шарф, а теперь ее стянула веревка. Теперь упомянутый шарф перестает быть просто шарфом, а становится реликвией, а веревка — и та, которая порвалась при первой попытке повесить Рылеева, и та, вторая, которая не порвалась, — тоже не просто веревка, но атрибут страстей святого мученика. Излишне повторять, что соответствующей мифологизации подлежит и шея повешенного. Уточним: не только шея, но и странгуляционная борозда на ней, тот след от веревки, который неизбежно на ней запечатлевается. Об этой борозде, как мы убедились, можно сказать самым высоким романтическим слогом, как это у Одоевского: в одном стихотворении — «вкруг выи синий пламень вьется», и в другом — «вкруг выи вьется синий пламень».

О «вые» Рылеева пишет и Кюхельбекер:

Для славы и Рылеев был рожден,
Но юноша в свободу был влюблен,—
Стянула петля дерзостную выю ¹⁵.

Особенно же интересен в этом отношении Мицкевич:

Где ж вы теперь? Гордая шея Рылеева,—
Та, что как брат обнимал я, по царской воле
В петле висит под ветвью подлого дерева... ¹⁶

«Мифологичность» рылеевской шеи здесь, пожалуй, наиболее очевидна. Она словно обретает некое самостоятельное бытие, нарушающее привычные пропорции и связи ее с остальным телом героя. Шея висит (*szyja wisi*)! Так нельзя сказать ни по-русски, ни по-польски. Висит ведь не шея, а тело, повешенное за шею. Вешают не шею, а человека. Мицкевич прибегает здесь к заметному смысловому сдвигу, о «заурядной» шее «заурядного» человека он едва ли бы мог так сказать. Мифологизация же имеет свои особые права; смысловые и языковые сдвиги здесь вполне закономерны. Мицкевич помнит и о том, что когда-то он обнимал шею Рылеева. Таким образом, ее образ возникает дважды: вот она в объятиях друга, а вот она «висит», привязанная к позорному дереву (вытянутая, стало быть, не только в пространстве, а и во времени — от дружеских встреч до ужасной казни).

Рылеев не святой, разумеется, и тело его (шея в частности) — это не мощи святого. Но поэзия причисляет его к лику святых. К Кюхельбекеру его призрак является, спускаясь на облаке (стихотворение «Тень Рылеева»). В упоминавшейся уже «Колыбельной» Одоевского есть строки, относящиеся к Рылееву:

Сей сын земли был вечный небожитель,
Он сводит небо в чудных снах.

И Огарев, обращаясь к покойному декабристу и называя его своим «первым светом», «отцом», «путеводною звездой», обещает ему: «Восста-

¹⁵ В. К. Кюхельбекер. Избр. произв. в двух томах, т. I. М.—Л., 1967, стр. 314.

¹⁶ A. M i c k i e w i c z. Dzieła poetyckie, t. III. Warszawa, 1965, s. 307 (Перевод шна).

новим для поклоненья Твою страдальческую тень». Приведенных примеров, думается, достаточно для того, чтобы завершить предлагаемое рассмотрение поэтического мифа о Рылееве, сложившегося в России и Польше:

Осталось прибавить лишь одно. Не всякий миф долговечен, а память о легендарном человеке может длиться века. Рылеев не забыт, и помнят не «мифического», а реального человека. Помнят его дела и его стихи. Творчеству поэта посвящены фундаментальные исследования советских и польских ученых ¹⁷.

Думается, что наша попытка реконструировать миф о Рылееве, исследовать проблему поэтического воплощения его образа современниками — еще одна дань реальному и тем не менее легендарному Рылееву. Рылееву, который, судя по портретам, любил при жизни обернуть шею платком или шарфом, как бы пугаясь открыть, обнажить ее, уже обреченную петле.

¹⁷ А. Г. Цейтлин. Творчество Рылеева. М., 1955; B. Galster. Twórczość Rylejewa na tle prądów epoki. Warszawa, 1961.

И. КОСТЮШКО

РЕГУЛЯЦИЯ И ВЫКУП ФЕОДАЛЬНЫХ ПОВИННОСТЕЙ В СИЛЕЗИИ

В. И. Ленин, рассматривая процесс развития капитализма в сельском хозяйстве, указывал на два типа буржуазной аграрной эволюции. «Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития,— писал он,— мы назвали бы путем прусского и путем американского типа»¹. Характеризуя прусский путь развития капитализма в земледелии, В. И. Ленин отмечал, что в этом «случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства „гроссбауэров“ („крупных крестьян“)². «Основным содержанием» аграрной эволюции этого типа являлось «перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров»³.

Такой же характер имела буржуазная аграрная эволюция и в Силезии — польской области, находившейся с начала 40-х годов XVIII в. в составе Пруссии. В Силезии ярко проявились общие черты развития капитализма в сельском хозяйстве по прусскому пути и особенности этого процесса, обусловленные своеобразием ее социально-экономического положения.

Проблема буржуазных аграрных преобразований в Силезии привлекала и привлекает внимание историков и экономистов, однако до сих пор изучена недостаточно. Здесь мы хотели бы рассмотреть основные черты и особенности буржуазной аграрной эволюции в Силезии.

Силезия как провинция Пруссии в границах до 1795 г. занимала территорию немногим больше 37 тыс. кв. км⁴. В 1777 г. в ней насчитывалось 1,4 млн человек, в том числе 1126 тыс. человек сельского и 275 тыс. человек городского населения, проживавшего в 130 городах. К 1808 г. городское население увеличилось до 324 тыс. (на 17,8%), сельское — до 1580 тыс. (на 40%), а плотность населения возросла с 37 до 49 человек на 1 кв. км⁵. Польское население (в основной массе крестьяне и трудящиеся свои горожан) преобладало в Верхней Силезии (исключая Немодлинский и Ныский повяты), в Нижней Силезии по правому берегу и в отдельных местностях по левому берегу Одры. Нижняя Силезия вследствие переселения сюда немцев и германизации местного населения в большей части была онемечена. В 1787 г. поляки составляли 72% населения Верхней Силезии.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 216.

² Там же.

³ Там же.

⁴ «Historia Śląska», t. II, cz. II. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970, s. 84.

⁵ J. Z i e k u r s c h. Hundert Jahre schlesischer Agrargeschichte. Vom Hubertusburger Frieden zum Abschluss der Bauernbefreiung. Zw. Aufl. Breslau, 1927, S. 61.

зии, 29 % — в Нижней Силезии и 23 % всего населения Силезской провинции⁶. Господствующее положение в экономике провинции занимали немецкие помещики, промышленники и купцы, поэтому социальный гнет переплетался с национальным угнетением польского населения.

Силезия являлась одной из наиболее развитых в экономическом отношении провинций Пруссии. Весьма значительной была продукция льняных, шерстяных и шелковых изделий, в Верхней Силезии с большими залежами каменного угля, железной и цинковой руды важное значение имела горнометаллургическая промышленность.

В конце XVIII в. в Силезии было 4970 деревень. Из них две деревни считались вольными, 337,5 деревень принадлежали государству, королевской фамилии и учреждениям (Бжегской гимназии, Легницкой рыцарской академии и Берлинскому благотворительному обществу), 257,5 — городам, 847,5 — духовенству и 3525,5 — частным владельцам⁷. Владелец деревни являлся феодальным собственником земли, и проживавшее в деревне крестьянское население находилось в полной или частичной зависимости от него. Различались феодальные владения: рыцарское, ленное с рыцарским правом, солтыское с таким же правом, но без прав юрисдикции и патроната над церковью и школой, без патримониальной юрисдикции и т. п. Доминировало среднее и крупное феодальное землевладение, весьма значительным был удельный вес латифундий с майоратными правами владения в особенности в Верхней Силезии⁸.

Существовали два основных способа использования земли феодалами. Преобладало фольварочно-барщинная система хозяйства, при которой владелец имения на части земли, считавшейся доменальной, сам вел хозяйство с применением барщинного и наемного труда. Такое хозяйство называлось фольварком. Фольварки имелись в 3335 деревнях, которые составляли 67 % всех деревень. Всего числилось 4760 фольварков, из них 162 было в государственных имениях, 120 во владениях городов и 376 — в имениях духовенства, 3798 фольварков принадлежали дворянам, 304 — находились во владении мещан⁹. О размерах фольварков можно судить по данным середины XVIII в., относящимся к Тшебницкому повяту. Величина фольварков колебалась от 200 до 2400 моргов¹⁰. Многие фольварки сдавались в аренду лицам дворянского и мещанского сословий.

В повятах вдоль Судетских гор, с малопригодной землей для обработки, и в некоторых других местностях собственное хозяйство феодала было незначительным и часто ограничивалось приусадебной землей. Здесь основной статьей дохода владельца имения являлись взимаемые с крестьян чинши и сборы. Отсутствовали фольварки и в деревнях, возникших в процессе колонизации после присоединения Силезии к Пруссии.

Кроме фольварочных земель помещику принадлежали в деревне луг или выгон с прудами, необрабатываемые участки земли, улицы и дороги, межи трех локтей ширины, отделявшие поля одной деревни от другой, реки, ручьи и пруды с правом ловли рыбы, все деревья и кусты на лугу или выгоне, вдоль улиц, ручьев, меж и т. д. В случае разведения овец помещик имел право пасти их на крестьянской земле, причем крестьянам запрещалось держать овец и изменять систему обработки земли во избе-

⁶ K. P o p i o ł e k. Historia Śląska od pradziejów do 1945 roku. Katowice, 1972, s. 128.

⁷ J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 65.

⁸ J. M a r c h l e w s k i. Pisma wybrane, t. 1. Warszawa, 1952, s. 275; «Historia Śląska», t. II, cz. I, 1966, s. 122.

⁹ J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 65—66.

¹⁰ Ibid., S. 67; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 124. Морг магдебургский (далее — м.) = 0,2553 га.

жание сокращения размера пастбища. За ним сохранялись права охоты на крестьянской земле, пропинации, производства кирпича и извести, монополия на помол зерна и другие привилегии.

Соотношение между фольварочной землей и землей, находившейся в пользовании крестьян, так называемой рустикальной, в разных местностях было неодинаковым и с течением времени изменялось. По приблизительным данным в середине XVIII в. в Тшебницком повете на 138400 м. фольварочной земли приходилось 70100 м крестьянских земель, в Легницком — в фольварках высевалось 35148, в крестьянских хозяйствах — 44585, в Стшегомском — соответственно 25734 и 25400 шеффелей зерна¹¹, в Любинском — $\frac{3}{5}$ всего повеса производилось в фольварках¹².

Помещик обычно стремился увеличить фольварочное хозяйство. Оно расширялось частично путем разработки ранее не возделываемой земли, а главным образом за счет присоединения крестьянских земель. Правительство по соображениям военного и экономического характера¹³ считало необходимым сохранение существующего ареала рустикальной земли и увеличение числа крестьянских хозяйств. Эдиктом от 14 июля 1749 г. запрещалось присоединение крестьянской земли к фольваркам, при этом выражалась надежда, что опустевшие или включенные в фольварки крестьянские хозяйства будут восстановлены. Это постановление, имевшее главным образом формальное значение, стало исходным для правового разграничения крестьянской и фольварочной земли. Перемены, происшедшие в крестьянском землепользовании до 1756 г., были властями в общем санкционированы; позднее присоединенные к фольваркам земли были частично возвращены крестьянам, кроме того, у крестьян изымались земли сверх определенного размера для передачи другим лицам¹⁴. Владельцы имений мало считались с эдиктом и нередко по своему усмотрению или с ведома властей включали рустикальные земли в фольварки. Касаясь указов, изданных прусским правительством с целью приостановить обезземеливание крестьян, Ф. Энгельс отмечал, что «они так и оставались на бумаге; дворянство обращало на них мало внимания, и сгон крестьян с земли продолжался»¹⁵. Неприкосновенность крестьянской земли была упразднена частично в 1807 г. и полностью в 1811 г.

Крестьяне за исключением небольшой их части были прикреплены к земле и находились в личной зависимости от помещика. Крепостной не мог без разрешения помещика оставить свое хозяйство, передать по наследству, обременять долгами, закладывать и отчуждать его, избрать другой род занятий, переселиться в другое место, вступать в брак. Его дети должны были в течение трех лет служить в качестве челяди у помещика, а затем работать в фольварке за определенную плату. По достижении 24 лет сын крестьянина по требованию помещика обязан был принять рустикальное хозяйство с лежащими на нем повинностями¹⁶. С разрешения помещика крепостной мог покинуть деревню и в другом месте работать

¹¹ Шеффель (корец) прусской меры = 54,9 л, около 41 кг ржи.

¹² J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 68—69.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 743.

¹⁴ G. F. K n a p p. Die Bauernbefreiung und der Ursprung der Landarbeiter in den älteren Theilen Preussens. Leipzig, 1887, erst. Tl., S. 54—55; zw. Tl., S. 45—49; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 310.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 252.

¹⁶ C. G. W. D a n t z. Die agrarischen Gesetze des Preussischen Staats seit dem Jahre 1806... bis auf die heutige Zeit. Bd. 1. Leipzig, 1836, S. 159—160. Владелец имения мог и заставить крепостных вступить в брак вопреки их воле. A. K o n i e c z n y. Organizacja swobody w zawieraniu małżeństw wśród chłopów na Górnym Śląsku w połowie XVIII i na początku XIX wieku. «Studia Śląskie». Seria nowa, t. I. Opole, 1958, s. 104—111.

в качестве челядника или содержать себя иным способом. За такое разрешение крепостные должны были платить помещику так называемый подопечный сбор (Schutzgeld): мужчина — 1 талер¹⁷, женщина и девушка — по 16, мальчик — 12 грошей в год. На новом месте жительства они подлежали патримониальной юрисдикции местного феодала и за правовую «опеку» платили ему такую же сумму денег¹⁸.

В 1759 г. была запрещена продажа крепостных без земли, однако случаи такой продажи имели место и в последующие годы¹⁹. При согласии помещика крестьянин мог освободиться от крепостной зависимости, уплатив ему *lytrum personalae* и *realae*. По эдикту 1748 г. *lytrum personalae* устанавливался для крестьянина и его сыновей свыше 14 лет по 6 талеров, жены, сыновей до 14 лет и дочерей свыше 12 лет по 3 тал. и дочерей до 12 лет по 1 тал. 8 гр., *lytrum realae* составлял 10% крестьянского имущества; кроме того, крестьянин должен был уплатить 6 гр. штемпельного сбора и экспедиционный взнос за выкупное свидетельство²⁰. Помещик обязан был разрешить крепостному выкупиться, если последний намеревался поступить в учебное заведение или принять духовное звание, определялся на городскую или государственную службу, не имел достаточного содержания на месте, занимался торговлей, приобретал хозяйство в другой местности или когда девушка или вдова выходила замуж за крестьянина, проживавшего в другом имении. Освободившийся от крепостничества крестьянин, принимая рустикальное хозяйство, и лично свободная женщина, выходя замуж за крепостного, снова становились крепостными. Лица, вышедшие из крепостной зависимости, относились к категории так называемых подопечных подданных (*Schutzuntertanen*). Они подлежали патримониальной юрисдикции и за это были обязаны платить помещику сбор в размере 2 тал. или вместо него отбывать барщину, или изготавливать пряжу, или делать то и другое. Подопечные подданные работали по найму, занимались ремеслом, преимущественно ткачеством или другими промыслами. Получив жилье, они должны были по меньшей мере в течение трех лет работать за определенную плату. Без ведома или согласия помещика такие лица не могли сменить место работы. Их дети обязаны были служить в помещичьем дворе в качестве челяди²¹. По своему правовому положению подопечные подданные немногим отличались от крепостных.

В руках помещика как владельца имения сосредотачивалась низшая административная, полицейская и судебная власть над населением, проживавшим в его имении. Им назначались сельские старосты и члены сельского суда, которые действовали по его указанию. Он располагал всеми средствами, чтобы держать в повиновении зависимое от него население. Помещик мог неповинующегося крестьянина заковать в кандалы и посадить в тюрьму, заставить его с содержанием на хлебе и воде выполнять принудительные работы, принудить к продаже хозяйства и удалению из деревни.

Юрисдикция осуществлялась особым чиновником — юстициарием, который содержался за счет помещика, а если обслуживал несколько имений, то — нескольких помещиков. Находясь в зависимости от помещика,

¹⁷ Талер (далее — тал.) до 1821 г. = 30 грошам (гр.) по 12 пфеннигов (пф.), с 1821 г. = 30 серебряным грошам (сер. гр.) по 12 пф.

¹⁸ J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 103; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 64—65.

¹⁹ J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 100—101.

²⁰ Ibid., S. 100—102; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 65; S. M i c h a l k i e w i c z. Gospodarka magnacka na Śląsku w drugiej połowie XVIII wieku. Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, s. 77.

²¹ C. G. W. D a n t z. Op. cit., S. 160; J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 105—110.

получая от него дополнительное вознаграждение или взимая с его вedomа в свою пользу незаконные судебные сборы, юстициарий обычно решал спорные дела в интересах владельца имения. От помещика, обладавшего правом патроната над церковью и школой, зависели выбор, назначение и увольнение местного священника и учителя ²².

Различались две основные формы крестьянского (рустикального) землепользования: наследственное держание и ласситское наследственное и ненаследственное пользование. Наследственное держание трактовалось как ограниченная собственность или наследственночиншевое владение. Крестьянин, обладавший таким правом, мог свое хозяйство в неделимом виде передать наследнику, обменять или продать; при этом помещик имел право воспрепятствовать передаче хозяйства наследнику или продаже его покупателю, если эти лица по физическим недостаткам или подобным обстоятельствам оказывались непригодными для отбывания повинностей, лежащих на хозяйстве, и возражать против высокой оценки доли остальных наследников и обременения хозяйства другими долгами, ограничивавшими возможности выполнения повинностей. При смене хозяина уплачивалась ляудемия помещику, при продаже хозяйства она составляла помимо судебного сбора 10% покупной суммы ²³. Право наследственного пользования землей имели крестьяне государственных имений, находившихся в ведении Глоговской камеры. Такое же право было предоставлено и государственным крестьянам в Верхней Силезии кабинетным распоряжением 1777 г. и декларацией 1790 г. Хозяйство переходило к одному из детей крестьянина, при этом принималось во внимание пожелание бывшего хозяина, но выбор наследника зависел от местного управления, которое определяло, кто из наследников пригоден для ведения хозяйства ²⁴. Наследственное держание преобладало почти во всей левобережной и северной части правобережной Силезии, включая Миличский, Тшебницкий, Сыцовский и Намысловский повяты, в доменах Опольского округа, встречалось оно и в других повятах Верхней Силезии ²⁵.

Ласситское пользование землей основывалось главным образом на обычаях и юридические отношения между сторонами определялись провинциальным правом. Ласситское наследственное право предусматривало передачу хозяйства по наследству, причем помещик обязан был передать хозяйство одному из наследников бывшего хозяина, и за помещиком оставалось право выбора наследника. Ненаследственное ласситское пользование было временным, если помещик не удалял крестьянина с хозяйства, то последний пользовался им часто пожизненно. Помещик мог передать хозяйство одному из наследников по своему выбору или другому лицу. В случаях ласситского права пользования землей помещик обязан был предоставлять

²² «Śląsk w pierwszej połowie XIX wieku», t. I. Wrocław, 1957, s. 78—84; J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 121 ff.

²³ В таком виде поземельные права крестьян-«собственников», наследственных чиншевиков и наследственных арендаторов фиксировались во Всеобщем земском праве прусского государства. «Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten von 1794 (далее — ALR). Frankfurt am Main — Berlin, 1970, Tl. 2. Tit. 7, § 246—297; Tl. 1, Tit. 18, § 680—819; Tit. 21. § 187—226.

²⁴ G. F. K n a p p. Op. cit., erst. Tl., S. 90.

²⁵ J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 80; K. O r z e c h o w s k i. Prawa chłopskie do ziemi przed uwłaszczeniem. «Konferencja Śląska», t. I. Wrocław, 1954, s. 177—179; e r o ж e. Przekształcenia praw chłopów do ziemi na Górnym Śląsku w końcu XVIII i pierwszej połowie XIX wieku. «Czasopismo prawno-historyczne», 1954, VI/1, s. 243—244; О соотношении крестьянского наследственного владения и ласситского пользования землей в Козельском повяте в 1811 г. см. e r o ж e. Uwagi o przebiegu i rezultatach uwłaszczenia w powiecie Kozielskim na Górnym Śląsku. «Przegląd Zachodni», 1952, rocz. VIII, zesz. dodat. «Studia Śląskie», s. 136—137.

крестьянину пособие для содержания его хозяйства в исправном состоянии, пользоваться сервитутами на фольварочной земле и замещать его при уплате государственных податей. Повинности ненаследственного лассиста устанавливались в размере $\frac{2}{3}$ ценности хозяйства, поскольку считалось, что пособия помещика компенсируют $\frac{1}{3}$ повинностей. Ласситское ненаследственное пользование было широко распространено в Верхней Силезии и соседних повятах Нижней Силезии, в особенности по правому берегу Одры. Наследственные ласситы в Верхней Силезии встречались редко²⁶.

Постановлением от 8 июня 1756 г. и циркулярами от 15 мая и 13 июня 1763 г. предусматривалась в Верхней Силезии передача крестьянам их хозяйств в наследственное пользование за определенную плату. Большинство помещиков не соглашалось на это или требовало непомерную плату, с другой стороны, условия сделки для многих крестьян были невыгодными, тем более, что при этом прекращались пособия со стороны помещика. Там, где состоялись такие сделки, помещики нередко с согласия крестьян или вопреки их воле, восстанавливали прежний порядок. В результате замена ненаследственного землепользования наследственным была проведена в незначительных масштабах²⁷.

По величине хозяйства и положению в сельской общине крестьяне делились на несколько категорий. Крестьянином-кметом в узком смысле считался хозяин, пользовавшийся таким количеством земли, для обработки которой требовался рабочий скот. Крестьянин с полным земельным наделом назывался полным, с $\frac{3}{4}$ надела — трехчетвертным, с половиной — половинным, с $\frac{1}{4}$ — четвертным и т. д.; это наименование не всегда соответствовало фактическому положению, так как, например, половинный крестьянин мог иметь больше или меньше половины надела. Земельная площадь крестьянского хозяйства колебалась от нескольких моргов до нескольких ланов или гуф²⁸. По количеству рабочего скота различались большие и малые хозяйства с четырех-, трех- и двухконной упряжкой, более мелкие хозяйства располагали одной воловьей упряжкой.

Особую категорию составляли загородники, официально именовавшиеся огородниками (Gärtner). Различались загородники или барщинные загородники и загородники-молотильщики. Первые проживали главным образом в Верхней Силезии, прилегающих к ней повятах Нижней Силезии и в нижнесилезских повятах, расположенных на правом берегу Одры. В податном кадастре они числились мелкими земледельцами. Загородники пользовались своими хозяйствами на ласситском праве или считались арендаторами. Их земельный надел достигал иногда 30 м., при значительном размере хозяйства они содержали рабочий скот, главным образом волов. Загородник обязан был сам или с работником и женой три дня в неделю или ежедневно выполнять ручные работы в фольварке, а в некоторых местах отбывал и упряжную барщину. Он получал ординарию зерном от 8 метц²⁹ до 4 шеффелей, при молотье определенную долю на-

²⁶ ALR, Tl. 2, Tit. 7, § 298—307; G. F. K n a p p. Op. cit., erst. Tl., S. 17—18; J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 77—78; K. O r z e c h o w s k i. Przekształcenia praw..., s. 241—243.

²⁷ G. F. K n a p p. Op. cit., erst. Tl., S. 120—121.

²⁸ K. O r z e c h o w s k i. Przekształcenia praw..., s. 245; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 138—139; S. M i c h a l k i e w i c z. Gospodarka magnacka..., s. 36—41; «Historia chłopów polskich», t. I. Warszawa, 1970, s. 377. Силезская гуфа = 65,8 м. или 16,8 га земли.

²⁹ Метце (гарнец) = $\frac{1}{16}$ шеффеля.

молоченного зерна, мог пасти свой скот, собирать топливо и подстилку в помещицьем лесу, владелец имения предоставлял ему древесину для ремонта и возведения построек. В свободное время от барщины заградник часто занимался извозом³⁰.

Заградники-молотильщики или огородники-молотильщики находились преимущественно в Нижней Силезии, где ими выполнялись основные ручные работы в фольварках. Встречались такие заградники и на левобережной части Верхней Силезии. Заградник-молотильщик имел избу и несколько моргов земли, которыми пользовался на правах наследственного владения. Он выполнял небольшую пешую барщину и в остальное время или ежедневно, если не отбывал барщины, по контракту с помещиком обязан был со служанкой, а во время уборки урожая и с женой работать в фольварке за определенную плату. За уборку урожая он получал так называемый «Мандель» (10—14-й сноп), за сбор колосьев — половину обмолота, при молотье — «Гебе», составлявшее 15—25-ю долю намолоченного зерна, за другие работы — частично питание или соответствующее ему количество денег и зерна и частично небольшую навсегда установленную денежную плату (1—3 гр. в день) или ординарию³¹.

Выделялась категория халупников, которые располагали избой, часто огородом, иногда несколькими моргами земли и небольшим количеством скота. Они отбывали пешую барщину, платили чинш и работали по найму в фольварках и у состоятельных крестьян или занимались ремеслом³².

Разграничение между кметами и заградниками, заградниками и халупниками было относительным. Более обеспеченный заградник мало чем отличался от кмета с четвертным или половинным наделом. Халупник по своему положению был близок к бедному заграднику. Происходил переход лиц одной категории в другую. Имелись и переходные прослойки между категориями крестьянского населения. Так, в кадастре, помимо указанных категорий крестьян, числились «пешие барщинные» хозяйства и кроме того, часть заградников и халупников объединялась в одну категорию. Эти хозяйства с посевом от 1 до 50 шеффелей зерна или без посева, с одной — тремя коровами или без них составляли категорию так называемых прочих хозяйств³³.

В 1787 г. насчитывалось 220 101 крестьянское хозяйство, в том числе было хозяйств: солтыских 2761 (1,2%), кметских 45 299 (20,6%), заградничьих очиншеванных 28 980 (13,1%), заградничьих барщинных 48 759 (22,1%), очиншеванных халупничьих 17 712 (6,2%), халупничьих барщинных 27 878 (12,7%), прочих 48 712 (22,1%)³⁴. Эти данные свидетельствуют о значительной имущественной и частично социальной дифференциации крестьян, о преобладании малоземельных слоев крестьянства.

Наряду с крестьянами, пользовавшимися землей, существовала довольно многочисленная категория безземельных сельских работников —

³⁰ G. F. K n a p p. Op. cit., zw. Tl., S. 394—396; J. M a r c h l e w s k i. Op. cit., s. 277; J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 74—75, 93, 331; K. O r z e c h o w s k i. Przekształcenia praw..., s. 245—246; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 139—140; S. M i c h a l k i e w i c z. Gospodarka magnacka..., s. 42—45, 66—71; «Historia chłopów...», t. II. Warszawa, 1972, s. 53.

³¹ G. F. K n a p p. Op. cit., zw. Tl., S. 393—394, 396; J. M a r c h l e w s k i. Op. cit., s. 277; J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 91—93.

³² K. O r z e c h o w s k i. Przekształcenia praw..., s. 246; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 140—141; S. M i c h a l k i e w i c z. Gospodarka magnacka..., s. 45—46, 71—75; «Historia chłopów...», t. II, s. 53.

³³ S. M i c h a l k i e w i c z. Gospodarka magnacka..., s. 46—47.

³⁴ «Historia chłopów...», t. II, s. 49.

коморников и т. п. Они проживали у крестьян или в фольварках и работали по найму ³⁵.

Крестьяне-кметы, загородники и халупники, основные повинности которых составляли денежные и натуральные чинши, считались вольными, т. е. освобожденными от барщины. Наряду с уплатой чинша, они отбывали относительно небольшую и преимущественно определенную барщину. Вольный крестьянин в Стшелецком повете обязан был работать в фольварке один-два дня в неделю. Свободные загородники и халупники выполняли барщину обычно в размере от 6 до 24 дней в год, иногда частично или полностью возмещали ее уплатой чинша. Нередко чиншевая повинность обуславливалась правом наследственного пользования хозяйством ³⁶.

В отличие от вольных, т. е. чиншевых крестьян, основной повинностью так называемых обязанных крестьян являлась барщина. При неопределенной барщине крестьянин обязан был работать столько, сколько требовал от него помещик. Определенная барщина означала количество рабочих дней или род работы. В Нижней Силезии, в особенности в местностях с наследственным пользованием землей, барщина составляла один-два дня в неделю с хозяйства. В Верхней Силезии и некоторых поветах Нижней Силезии, где преобладало ласситское землепользование, размер упряжной барщины колебался от 3 до 6 дней в неделю ³⁷. Кроме упряжной барщины крестьянин должен был выполнять и пешую барщину (например, в Ратиборском повете — 3 пеших дня в неделю). Работы сверх определенной барщины и подводная повинность в некоторых местах оплачивались (за день работы с 4-конной упряжкой крестьянин в Пщинском повете получал 6 гр., при перевозке грузов выдавалось по 1 метце овса на лошадь или предоставлялось питание). Загородники, не имевшие упряжки, и халупники отбывали пешую барщину, во время работы они получали кусок хлеба или другое питание ³⁸. Чиншевые и барщинные крестьяне за некоторым исключением были обязаны давать помещику данины: гусей, уток, кур, яйца, масло, пряжу, полотно и т. п. и оказывать ему другие услуги.

Положение крестьян отягощалось различного рода привилегиями помещика. Если спиртные напитки производились в имении, то крестьяне могли приобретать их только в лавке помещика; они обязаны были молоть зерно на помещичьей мельнице, покупать строительные материалы у владельца имения. Крестьянин не имел права убивать дичь на своем поле, хотя бы она приносила ему ущерб. Он обязан был прислуживать помещику во время охоты, его поля вытаптывались, причем он не получал никакого возмещения за это. Охота помещика, малейшее нарушение его прав, по свидетельству очевидца, сопровождалось надругательствами и истязаниями крестьян ³⁹.

Жители деревни платили гминные сборы на содержание администрации, школы, бедных и больных, выполняли повинности: посыльную, сторожевую и дорожную. Ночью они несли сторожевую службу в деревне, а зимой — и на территории гмины и дорогах, в приграничных поветах в случае опасности занесения эпизоотии. Ремонт дорог и мостов на зем-

³⁵ S. Michalkiewicz. *Gospodarka magnacka...*, s. 47—48, 75—76.

³⁶ J. Ziekursch. *Op. cit.*, S. 84, 89, 93; K. Orzechowski. *Uwagi...*, s. 129—130, 132—133; S. Michalkiewicz. *Gospodarka magnacka...*, s. 63—65.

³⁷ J. Ziekursch. *Op. cit.*, S. 84, 86; ср. «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 145—146; «Historia chłopów...», t. II, s. 52.

³⁸ J. Ziekursch. *Op. cit.*, S. 85—86, 88—89; S. Michalkiewicz. *Gospodarka magnacka...*, s. 56—62.

³⁹ W. Wolff. *Wybór pism o Śląsku*. Warszawa, 1954, s. 222—227; «Śląsk...», t. I, s. 74—78.

лях гмины производился ею, если к дороге примыкала фольварочная земля, то часть расходов покрывалась помещиком. Весьма обременительными были подати и другие повинности в пользу государства, усугублявшие феодальное порабощение крестьян. По словам Ф. Энгельса, Силезия была той областью, «где имелся полный комплект всех разнообразных форм этого порабощения»⁴⁰.

Семилетняя война (1756—1763 гг.) нанесла большой урон сельскому хозяйству Силезии. Многие деревни были полностью или частично опустошены, а массы крестьян разорены. Восстановление хозяйства происходило медленно, причем помещики старались преодолеть свои затруднения путем усиления эксплуатации крестьян и фольварочных работников.

В последней трети XVIII в. в связи с развитием товарно-денежных отношений произошли заметные сдвиги в земледелии. Расширилась площадь возделываемых земель, была проведена мелиорация части угодий, возросло применение усовершенствованных орудий труда, улучшилась обработка почвы, увеличилось уваживание земель. Значительное распространение получили культуры клевера, люцерны, картофеля и льна, совершенствовались двухпольная и трехпольная и вводилась многопольная система земледелия, волы заменялись лошадьми, росла урожайность. Этот прогресс был в основном связан с переменами, происходившими в фольварках и в крупных крестьянских хозяйствах. Помещики заводили или увеличивали собственный сельскохозяйственный инвентарь и в более широких размерах использовали наемный труд в фольварках. Многие из них устраивали промышленные заведения, а в Верхней Силезии были владельцами горнопромышленных предприятий, на которых широко применялся барщинный труд⁴¹.

Расширение и интенсификация фольварочного хозяйства сопровождалось обезземеливанием крестьян, сокращением сервитутов, увеличением барщины и других повинностей⁴². Крестьяне в разных формах выражали свое недовольство, они плохо выполняли барщину, протестовали против гнета и насилий помещиков и властей, нередко их выступления приобретали острые формы. Они жаловались на обременительность повинностей, увеличение барщины, посылали депутации к королю, вели судебные процессы с помещиками, отказывались выполнять повинности, оказывали сопротивление помещикам и властям, бежали за границу. Такие выступления имели место в 1765 и 1779 гг. в имении Дзержислав Глубчицкого повята, в 1767 г. в имении Мешне Ныского повята, в 1780 г. в Прудникском (около 60 деревень), Пщинском (12 деревень), Ключборкском, Львовекском, Болеславицком, Зеленогурском (большинство имений), Кожуховском (34 деревни), Глоговском и Воловском, в 1782 г. в Прудникском (3 деревни) и Ныском повятах. Власти сурово расправлялись с неповиновущимися крестьянами, но подавить их сопротивление не могли⁴³.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 67.

⁴¹ «Śląsk...», t. I, s. 9; S. Michałkiewicz. Kilka epizodów z dziejów walk chłopskich na Śląsku w XVII i XVIII w. «Szkice z dziejów Śląska». Warszawa, 1953, s. 308; K. Orzechowski. Przekształcenia praw..., s. 229—331; его же. Kwestia chłopska na Śląsku w pierwszej połowie XIX w. «Szkice z dziejów Śląska». Warszawa, 1956, s. 42; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 90—117, cp. S. Wyślouch. Wiśł górnos Śląska od połowy XVIII do połowy XIX wieku. «Przegląd Zachodni», 1952, № 1/2, s. 20—22.

⁴² «Śląsk...», t. I, s. 3—5, 9—10; «Pisma Piotra Pampucha». Stalinogród, 1955, s. 50—51; K. M alec z y Ń s k i. Rola mas ludowych w dziejach Śląska w epoce feudalnej. «Konferencja Śląska», t. I. Wrocław, 1954, s. 97.

⁴³ J. Ziekursch. Op. cit., S. 202—204; S. Michałkiewicz. Kilka epizodów..., s. 314—319; O. S. P o p i o ł e k. Bunt chłopskie na Górnym Śląsku do 1811 roku. Warszawa, 1954, s. 63—66; «Historia chłopów...», t. I, s. 428—429.

9 ноября 1783 г. была издана инструкция для решения судами споров относительно повинностей. По инструкции крестьяне с правом наследственного пользования землей и владевшие хозяйствами с 1748 г. обязаны были выполнять неопределенную барщину в том размере, в котором она отбывалась ими в 1748 г. Работы сверх этого, если они не препятствовали ведению крестьянского хозяйства, должны были выполняться за плату. Если хозяйство было куплено после 1748 г., то за ним сохранялись повинности, существовавшие во время покупки. Для крестьян с ненаследственным правом пользования хозяйствами считались обязательными повинности, отбывавшиеся в 1765 г., поскольку тогда предписывалось превращение их в наследственных держателей. Таким образом неопределенная барщина подлежала превращению в определенную, причем предусматривалось в некоторых случаях и понижение повинностей. Действие инструкции не распространялось на заградников-молотильщиков. Инструкция не только не успокоила крестьян, но, напротив, усилила их волнение и сопротивление. В связи с этим последовало распоряжение о составлении в соответствии с инструкцией урбариев, в которых были бы точно обозначены повинности крестьян. Составление этих актов поручалось урбарияльным комиссиям, состоявшим из чиновников и помещиков. Помещики противились составлению урбариев или пытались зафиксировать в них увеличенные повинности или предусмотреть возможность повышения их в дальнейшем. Не доверяя комиссиям, крестьяне полагали, что с изданием распоряжения они освобождаются от повинностей, добивались уменьшения или отмены их, отказывались подписывать урбарии. Нередко власти силой заставляли крестьян подчиняться решениям урбарияльных комиссий. В связи с этим в июле 1785 г. произошли волнения крестьян в Валбжихском, Еленегурском и Глоговском, летом 1786 г. в Львувекском и Намысловском поветах. Распоряжением от 3 мая 1786 г. предписывалось снижение недельной барщины на 2 дня в тех случаях, когда стороны не могли договориться о ее размере. Однако власти утаили это постановление. К октябрю 1786 г. было составлено всего 195 урбариев, в ноябре того же года последовало указание составлять урбарии только в тех случаях, где возникали споры между крестьянами и помещиками, вскоре оно было отменено и деятельность урбарияльных комиссий ограничивалась. До 1797 г. было составлено 910 урбариев⁴⁴.

Выступления крестьян не прекращались. Отказывались выполнять феодальные повинности крестьяне в 1787 г. в Клодском повете, в 1788 г. в Опольском, в 1789 г. в Ныском, в 1790 г. в Сродском поветах. Сильное влияние на крестьян оказали французская революция и события 1791 г. в Польше. Крестьянские волнения, начавшиеся в 1792 г. в Львувекском и Болеславицком поветах, в 1793 г. охватили многие поветы Силезии. В том же году в Нижней Силезии вспыхнуло восстание ткачей, связанное с антифеодальным движением крестьянства, и произошло восстание цеховых подмастерьев во Вроцлаве. Волнения крестьян и выступления ткачей и цеховых подмастерьев были подавлены, активные участники движения подвергались наказанию шпирутенами и заключению в крепость. В связи с восстанием 1794 г. в Польше и обнародованием Всеобщего земского права произошли волнения крестьян в ряде поветов Ниж-

⁴⁴ «Śląsk...», t. I, s. 6; W. Wolff. Op. cit., s. 189—190; K. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, стр. 75; J. Ziekursch. Op. cit., S. 206—290; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 312.

ней и Верхней Силезии⁴⁵. Широкий размах приобрело крестьянское движение в 1798 г. в Зеленогурском, в 1799 г. в Тошецко-Гливецком и Бытомском, в 1800—1805 гг. — в Зомбковицком, Вроцлавском, Сродском, Олесницком, Миличском, Пщинском, Олесном, Ключборкском, Сыповском, Глоговском, Стшегомском, Жаганьском, Прудникском и Еленегурском повятах⁴⁶.

Развитие производительных сил, обезземеливание крестьян, применение наемного труда, усиливающийся феодальный гнет и растущее сопротивление крестьян свидетельствовали об углубляющемся кризисе феодально-крепостнической системы в Силезии как и в других провинциях Пруссии. Все более очевидной становилась необходимость существенных социально-политических преобразований, и прежде всего отмены крепостничества. Советник Вроцлавской камеры Пасхали в сентябре 1798 г. отмечал: «Отношения между силезскими помещиками и их крепостными находятся в таком напряженном состоянии, в каком долее оставаться не могут... Считаю, что положение силезского помещика теперь таково, что он должен кое-чем пожертвовать, чтобы остальное сохранить»⁴⁷. По сообщению канцлера Гольдбека (письмо от 23 апреля 1799 г.) такое мнение выражали «многие весьма благоразумные помещики» в Силезии и в других прусских провинциях⁴⁸.

Однако правительство и помещики стремились сохранить все по-старому. Начавшаяся в 1806 г. война Пруссии с Францией ярко показала отсталость общественно-политического строя и слабость прусского государства. Пруссия потерпела тяжелое поражение, ее армии были разгромлены под Йеной и Ауэрштедтом. Война до глубины потрясла прусскую монархию, в повестку дня стал вопрос о дальнейшем существовании крепостничества. «14 октября 1806 г., — писал Ф. Энгельс, — при Йене и Ауэрштедте все прусское государство было разбито в один день, и у прусского крестьянина имеются все основания праздновать этот день... Только теперь, наконец, отогнанное до самой русской границы прусское правительство начало смутно понимать, что сыновей свободных, прочно владеющих землей французских крестьян нельзя победить при помощи сыновей крепостных барщинников, находящихся под постоянной угрозой сгона со своих дворов; только теперь, наконец, оно заметило, что и крестьянин, между прочим, тоже человек. Теперь-то должны были быть приняты меры.

Но как только был заключен мир и двор с правительством вернулся в Берлин, благородные намерения снова растаяли, как лед под лучами мартовского солнца»⁴⁹.

Правительству, однако, вскоре пришлось заняться крестьянским вопросом. Помещики добивались отмены ограничений в распоряжении крестьянскими землями, издания проектируемого закона о челяди и принятия других мер для восстановления и расширения фольварочного хо-

⁴⁵ J. Ziekursch. Op. cit., S. 227—242; С. Б. Кан. Два восстания силезских ткачей. М., 1948; W. Długoborski. Walki klasowe na Śląsku w latach 1793—1799. «Szkice z dziejów Śląska». Warszawa, 1953, s. 341—356; O. S. Popiołek. Op. cit., s. 67—71; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 327—348; «Historia chłopów...», t. I, s. 429.

⁴⁶ J. Ziekursch. Op. cit., S. 244—250; W. Długoborski. Walki klasowe..., s. 357—360; O. S. Popiołek. Op. cit., s. 72—74; «Historia Śląska», t. II, cz. I, s. 348—352; «Historia chłopów...», t. II. Warszawa, 1972, s. 57—59.

⁴⁷ J. Ziekursch. Op. cit., S. 254.

⁴⁸ Ibid., S. 252.

⁴⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 252, ср. W. Wolff. Op. cit., S. 191.

зяйства. Силезские помещики, в частности, ходатайствовали об урегулировании их долгов, о разрешении присоединять крестьянские хозяйства к фольваркам, о расширении прав патримониальных властей и т. д.⁵⁰

Особенное беспокойство у властей и помещиков вызывали непрекращающиеся волнения крестьян. Летом 1807 г. отказывались выполнять повинности крестьяне в Намысловском, Свидницком и других поветах. По просьбе властей в некоторые неповинующиеся деревни были направлены французские войска⁵¹. В 1807 г. была отменена личная зависимость крестьян от помещиков в княжестве Варшавском и Вестфалии. В связи с этим власти опасались усиления крестьянских волнений и ухода крестьян в княжество⁵². В именном указе короля от 3 сентября 1807 г. говорилось: «Отмена крепостничества благодаря мерам соседних правительств становится делом настоятельной необходимости»⁵³. В конце августа — начале октября 1807 г. был подготовлен проект эдикта относительно облегчения владения и свободного пользования земельной собственностью, а также личных отношений сельских жителей. 9 октября 1807 г. он стал законом, действие которого распространялось и на Силезию.

Эдиктом⁵⁴ устанавливалось, что отныне не могло возникать крепостное состояние ни вследствие рождения, брака, принятия хозяйства, ни по договору. С обнародованием эдикта упразднялись полностью и взаимно крепостные отношения крестьян, пользовавшихся землями на правах «собственности», наследственночиншевым и наследственноарендным праве. Крепостное состояние остальных крестьян прекращалось с днем св. Мартина (11 ноября) 1810 г. Что же касается барщины, чиншей и других повинностей, отбывавшихся с крестьянского хозяйства, то они и впредь считались обязательными.

Разрешался переход крестьян в мещанское сословие, а мещан — в сословие крестьян; дворянин без ущерба для своего сословного положения мог заниматься мещанскими промыслами. Каждому жителю предоставлялось право владеть на правах собственности или залога землями всякого рода (дворянскими, крестьянскими, мещанскими и другими) без каких-либо ограничений со стороны государства. Для приобретения земли не требовалось никакого разрешения, необходимо было только сообщить властям о происшедшем изменении во владении. Отменялись преимущества, которыми пользовался дворянин по сравнению с мещанином при наследовании владения, а также ограничения в доминиальных правах, обусловленные сословной принадлежностью владельца. Преимущественное или ближайшее право на покупку ленного, наследственночиншевого и наследственноарендного владения сохранялось только за собственниками этих владений, а также в случаях, когда происходила продажа земли, расположенной чересполосно или среди других земель. Владелец участка земли или имения мог, не нарушая прав третьих лиц, делить их и продавать по частям. Совладельцам разрешалось делить общее имущество между собой. Помещик и владелец лена или майората имели право передавать в наследственную аренду крестьянские хозяй-

⁵⁰ J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 281—282; «Historia Śląska», t. II, cz. II, s. 58.

⁵¹ J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 280—281; «Historia chłopów...», t. II, s. 65.

⁵² G. F. К л а р р. Op. cit., zw. Tl., S. 152, 155.

⁵³ Ibid., S. 60. Касаясь положения в деревне, силезский наблюдатель отмечал, что «если бы не были изданы с 1807 г. законы, освобождающие крестьянина, то неизбежно, как во Франции, вспыхнула бы варварская революция, а помещики, как и там, были бы растерзаны разсвирепевшей народной бестией». J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 280; K. O r z e c h o w s k i. Kwestia chłopiska..., s. 48.

⁵⁴ C. G. W. D a n t z. Op. cit., S. 48 ff.

ства, трактиры, мельницы и другие принадлежности, а также фольварочные земли в целом или частями в любом размере, если ипотечные обязательства не препятствовали этому. Если владелец имения считал, что он не в состоянии восстановить или сохранить отдельные крестьянские или селские хозяйства, находившиеся не в наследственном пользовании, то мог с разрешения провинциальной камеры соединять несколько хозяйств в одно или присоединять их к фольварку, при условии, что крепостные отношения в имении уже прекратились. Крестьянские хозяйства, находившиеся в наследственном, наследственочиншевом и наследственноарендном пользовании, могли быть соединены или включены в фольварк лишь по прекращении прав крестьян посредством продажи помещику или другим законным путем.

Таким образом прокламировалась отмена личной зависимости крестьян от помещиков, в одних случаях — сразу, в других — через три года и разрешалось обезземеливание части крестьян. По словам Ф. Энгельса, «достолавный эдикт от 9 октября 1807 г. номинально отменял на бумаге крепостное право или наследственную зависимость (и то лишь со дня св. Мартина 1810 г.!), но в действительности почти все осталось по-старому»⁵⁵. При всем этом эдикт, упраздняя личную зависимость крестьян и некоторые ограничения в землевладении, создавал условия для дальнейшего преобразования аграрных отношений.

С отменой крепостного состояния наследственочиншевых и подобных крестьян в помещичьих имениях оказывалось невозможным далее сохранять крепостные отношения в государственных доменах. Постановлением от 28 октября 1807 г. во всех доменах с июня 1808 г. упразднилось крепостничество и связанные с ним обязанности и ограничения. Крестьянин освобождался от принудительной дворовой службы и уплаты выкупных денег при переселении на другое место⁵⁶.

Провинциальные власти и помещики были недовольны эдиктом, они стремились задержать обнародование и введение в жизнь закона, чтобы тем временем добиться его изменения или обеспечить благоприятные условия для ведения фольварочного хозяйства. Хотя 31 октября эдикт был перепечатан в «Силезской газете» из берлинской прессы, генеральный комиссар Массов, ссылаясь на отсутствие распоряжения, запретил обнародование его и постановления от 28 октября. По его мнению, следовало бы предварительно рассмотреть вопрос о применении эдикта в Силезии, кроме того, он полагал, что обнародование эдикта должно последовать после ухода французских войск из провинции, чтобы разуверить крестьян в том, что благодаря приходу этих войск они освободились от крепостничества. Его предположение, что такое намерение было и у правительства, не соответствовало действительности, так как он уже получил распоряжение из Берлина о публикации эдикта. В письме, направленном королю 11 ноября, помещики просили отложить обнародование эдикта на год, чтобы принять меры для устранения «роковых» последствий этого закона. Их просьба не была удовлетворена, и 19 декабря эдикт и постановление от 28 октября были опубликованы в «Силезской газете». В результате этого еще на год сохранилась принудительная служба для детей крестьян с наследственным пользованием землей, был ограничен уход

⁵⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 251, ср. W. Wolff. Op. cit., s. 143; J. Marchlewski. Op. cit., s. 250.

⁵⁶ C. G. W. Dantz. Op. cit., S. 47. 20 января 1810 г. была отменена плата за разрешение на вступление в брак. G. F. Knapp. Op. cit., zw. Tl., S. 173.

крестьян из имений, помещики смогли осуществить наем работников на новый срок на выгодных для себя условиях⁵⁷.

В эдикте не было определено, какие права и обязанности, вытекавшие из крепостничества, подлежали отмене. Это вызвало большие недоразумения. В постановлении от 8 апреля 1809 г., относившемся к Силезии, указывалось, что с отменой крепостничества упразднились: право помещика требовать от крестьянина за освобождение от крепостной зависимости особую плату; обязанность всех детей крестьянина в течение трех лет служить в помещичьем дворе за установленную для крепостной челяди плату; денежное возмещение помещику в тех случаях, когда дети крестьянина лично не исполняли принудительную работу во дворе; право помещика заставлять детей крестьянина и подопечных родственников, после окончания принудительной службы работать в фольварке за плату для посторонних работников; плата помещику за разрешение крестьянину работать вне имения; права помещика: а) требовать, чтобы подопечные подданные выполняли отдельные работы и преимущественно работали в его имении, б) заставлять подданного по достижении им 24 лет принять рустикальное хозяйство, в) определять, кому из детей крестьянина должно было перейти по наследству хозяйство, г) возражать против высокой оценки хозяйства при передаче его по наследству; не требовалось разрешение помещика на отчуждение, залог и обременение долгами хозяйств, находившихся в пользовании крестьян на правах «собственности», наследственным, наследственночиншевым или наследственноарендным праве, на вступление крестьянина в брак и его обучение горному ремеслу⁵⁸. Таким образом упразднялась только личная зависимость крестьян от помещиков. Поскольку, однако, за владельцем имения сохранялась патримониальная юрисдикация, то личная свобода крестьянина была в значительной мере ограничена⁵⁹.

Условия соединения крестьянских земель или присоединение их к фольваркам были определены в постановлении от 27 марта 1809 г. Право такого распоряжения крестьянскими землями в отличие от предписания эдикта, предоставлялось помещикам независимо от их состоятельности. С отменой крепостничества помещик мог с разрешения реентии земли, находившиеся у крестьян с 14 июля 1749 г. без права наследственного пользования ими, по истечении права нынешнего держателя, соединять или превращать в фольварочную землю. Таким же образом он мог поступать с землями, состоявшими в пользовании крестьян с 14 июля 1749 г. и находившимися во владении на наследственном, наследственночиншевом или наследственноарендном праве, после отказа владельца от этого права судебным порядком. С прекращением права пользования нынешних владельцев разрешалось соединение и присоединение к фольварку земель, находившихся у крестьян до 14 июля 1749 г. и относившихся к категории ненаследственных. При этом новое хозяйство не могло превышать с учетом качества земли 6—12 магдебургских гуф, а в случае превращения таких земель в фольварочную, помещик обязан был передать не менее половины их в собственность или наследственночиншевое или наследственноарендное владение свободными от мельничной и проинационной повинности (если они не принадлежали третьему лицу) и от пастбищных сервитутов участками от 6 до 12 гуф в соответствии с

⁵⁷ W. Wolff. Op. cit., s. 191; J. Ziekursch. Op. cit., S. 283—285; S. Bowerski. Kształtowanie się rolniczego rynku pracy w Wielkopolsce w okresie wielkich reform agrarnych. 1807—1810. Poznań, 1963, s. 243; «Historia Śląska», t. II, cz. II, s. 58—60, 159.

⁵⁸ C. G. W. Dantz. Op. cit., S. 158—162.

⁵⁹ Cp. W. Wolff. Op. cit., s. 205—207; «Historia Śląska», t. II, cz. II, s. 130—131, 138.

качеством земли. В случае невыполнения помещиком этого постановления он подвергался штрафу в размере от 50 до 100 тал⁶⁰. Это постановление разрешало помещикам захват части крестьянской земли⁶¹.

Используя эдикт или толкуя его по-своему, помещики требовали выполнения отбывавшихся крестьянами повинностей и нередко таких, которые уже были отменены, прекращали оказывать пособие крестьянам, ограничивали их землепользование. В результате положение крестьян почти не изменилось, а в некоторых местах даже ухудшилось. Многие крестьяне, полагая, что с изданием эдикта прекращаются и их повинности или стремясь воспользоваться эдиктом для освобождения от них, требовали отмены или отказывались выполнять эти повинности. В 1808—1810 гг. такие выступления крестьян имели место в Львувекском, Сродском, Больковском, Каменогурском, Свидницком, Немчанском, Держоневском, Любинском, Гуровском, Стшегомском, Зомбковицком, Намысловском, Зеленогурском, Клодском, Быстпицком, Жмигродском поветах Нижней Силезии. Некоторые из этих выступлений были подавлены лишь с помощью вооруженной силы⁶².

В феврале 1811 г. произошло восстание крестьян в Верхней Силезии. Начавшись в Творкове Ратиборского повета, оно охватило 69 деревень этого повета, 27 — в Глубчицком и 74 деревни в Пщинском поветах. Выступления крестьян в 74 деревнях имели довольно острый характер. В некоторых местах они требовали от помещиков, управляющих и ксендзов письменных удостоверений об освобождении от повинностей, угрожали им расправой, прогнали с работы людей, громили помещичьи дворы, избивали неповиновавшихся им. В 96 деревнях крестьяне ограничились только отказом от выполнения барщины. Восстание было подавлено с помощью войск, были убиты и ранены, многие крестьяне на месте подверглись телесным наказаниям. После расследования 93 крестьянина были приговорены к заключению в крепость и тюрьму, 582 — к телесному наказанию⁶³.

Восстание 1811 г. в Верхней Силезии и волнения крестьян в других местах побудили правительство ускорить решение вопроса о регуляции (или регулировании) отношений между помещиками и крестьянами, пользовавшимися землей на ласситском праве.

При обсуждении проекта эдикта о регуляции аграрных отношений мнения земских депутатов от Силезии резко разделились. В отзыве рустикальных владельцев, датированным 1 марта 1811 г., говорилось о настоятельной необходимости отмены упряжной барщины. Они указывали, что после упразднения барщины количество лошадей у крестьянина не уменьшится, поскольку расширилось бы возделывание земли под паром и увеличилась бы заготовка кормов. По их мнению, отмена ручной барщины также была необходима и возможна. Можно было легко найти работников или заключить новые контракты с освободившимися от барщины крестьянами относительно работы. Помещики, напротив, высказывались за сохранение барщины. В заключении, составленном, по видимому, в феврале того же года, граф Рейхенбах и другие владельцы

⁶⁰ C. G. W. D a n t z. Op. cit., S. 97—100.

⁶¹ Оценка этого постановления в «Historia Śląska», t. II, cz. II, s. 150 представляется спорной.

⁶² W. W o l f f. Op. cit., s. 148—149, 192; K. O r z e c h o w s k i. Kwestia chłopska..., s. 50; «Historia Śląska», t. II, cz. II, s. 47—48; «Historia chłopów...», t. II, s. 65.

⁶³ «Śląsk...», t. I, s. 124—128; O. S. Popiołek. Op. cit., s. 82—85; E. K l e i n. Der Bauernaufstand in Schlesien im Februar 1811. «Zeitschrift für Geschichtswissenschaft», 1955, H. 1, S. 29—45; K. O r z e c h o w s k i. Kwestia chłopska..., s. 51—52; S. M i c h a l k i e w i c z. Powstanie chłopskie na Górnym Śląsku w 1811 roku. Wrocław — Kraków, 1967; «Historia Śląska», t. II, cz. II, s. 49—54; «Historia chłopów...», t. II, s. 65—70.

имений заявляли, что в Верхней Силезии отмена упряжной барщины была бы весьма трудным делом, а пешей — почти невозможной; упразднение последней повлекло бы за собой запустение всех фольварочных земель. Граф Генкель фон Доннерсмарк в отзыве, датированным 20 февраля 1811 г., выражал пожелание, чтобы временные арендаторы Верхней Силезии были превращены в таких же загородников-молотильщиков, которые имелись в Нижней Силезии. В другом его отзыве (16 июля 1811 г.) говорилось, что в Верхней Силезии загородники, располагая значительным хозяйством и предпочитая заработка на стороне, плохо выполняют барщинные повинности и не обеспечивают потребностей помещичьего хозяйства в рабочей силе. Вместе с тем большой спрос на рабочие руки предъявляет промышленное производство. С передачей крестьянами при регуляции части своих земель помещикам увеличится площадь фольварков. При нехватке работников большая часть фольварочных земель осталась бы необработанной. Поэтому он считал целесообразным разделение хозяйств загородников на мелкие хозяйства, которые были бы переданы работникам. Кроме того, он выражал недовольство лесными сервитутами. По предложению силезских помещиков в проект закона было включено сформулированное ими в письме от 31 июля 1811 г. постановление о силезских загородниках ⁶⁴.

14 сентября 1811 г. эдикт был подписан королем. «Только, когда уже надвигалась война Наполеона с Россией,— отмечал Ф. Энгельс,— снова вспомнили, что понадобятся крестьяне, и тогда был издан эдикт от 14 сентября 1811 г.» ⁶⁵.

Эдикт о регуляции отношений между помещиками и крестьянами ⁶⁶ предусматривал передачу крестьянам в собственность хозяйств, находящихся в их пользовании на ласситском наследственном и ненаследственном праве, отмену их повинностей в пользу помещиков и обязательств помещиков в отношении крестьян за соответствующее вознаграждение. Регуляция проводилась по добровольному соглашению сторон. Если в течение двух лет со дня обнародования эдикта такое соглашение не состоялось, то она осуществлялась по правилам эдикта и при отсутствии ходатайства сторон — в обязательном порядке специальной комиссией.

При регуляции в расчет принимались со стороны помещика: право собственности на землю, повинности в его пользу (барщина, денежные платежи и данины), переданный им крестьянину хозяйственный инвентарь и сервитуты на крестьянской земле, со стороны крестьянина: право на пособие в несчастных случаях, сервитуты на фольварочной земле, обязанность помещика ремонтировать и возводить постройки для крестьянина и замещать его при уплате податей.

Считалось, что при наследственном пользовании хозяйством повинности крестьянина помещику составляли $\frac{1}{3}$, а при ненаследственном держании — $\frac{1}{2}$ всех хозяйственных угодий (Gutsnutzungen). Стороны могли договориться о возмещении повинностей уступкой земли или уплатой капитала, денежной или продуктовой рентой; в случае разногласия за помещиком оставалось право получить вознаграждение зерном; если помещик требовал передачи земли, а крестьянин не соглашался на это, то способ возмещения определялся властями. При регуляции хозяйств размером свыше 50 м. земли среднего качества признавалось наиболее соответствующим

⁶⁴ G. F. K n a p p. Op. cit., zw. Tl., S. 262—264; J. M a r c h l e w s k i. Op. cit., s. 278.

⁶⁵ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 21, стр. 252, ср. J. M a r c h l e w s k i. Op. cit., s. 250.

⁶⁶ «Gesetzsammlung für die Königlichen Preussischen Staaten» (далее — GS), 1811., S. 281—299.

щим возмещение земель и, если не встречалось каких-либо препятствий, то это должно было быть правилом, а при регуляции меньших хозяйств — вознаграждение зерном.

Наследственный лассит за предоставление ему хозяйства в «собственность» и отмену его повинностей обязан был передать помещику $\frac{1}{3}$, а ненаследственный лассит — $\frac{1}{2}$ или $\frac{2}{6}$ своей земли и за $\frac{1}{6}$ вносить ренту зерном. Вместе с тем упразднялись обязательства помещика предоставлять крестьянину хозяйственный инвентарь и оказывать ему помощь при ремонте и возведении построек, в несчастных случаях и при уплате податей.

Двор с прилегающим к нему огородом, а также лесной участок, обеспечивавший нужды крестьянина в топливе, не подлежали разделу. На земле, перешедшей к помещику, прекращался выпас крестьянского скота, а вместе с тем помещик терял право выпаса своего скота на соответствующей части крестьянской земли. Право крестьянина на получение топлива от помещика могло быть сохранено при условии выполнения крестьянином работ и повинностей, связанных с этим правом, и особого вознаграждения за топливо. Выпас крестьянского скота в помещичьем лесу сокращался соответственно на $\frac{1}{3}$ или половину. Крестьянин должен был возратить помещику хозяйственный инвентарь или возместить его стоимость. За предоставленные крестьянину семена для посева вознаграждение не полагалось. Государственные подати за землю, перешедшую к помещику, уплачивались последним.

Поскольку двор с огородом оставались за крестьянином, то за ним сохранялись и все гминные платежи и повинности. Кроме того, за передачу двора с огородом крестьянину и отмену выпаса помещичьего скота на части его земли и предоставление ему топлива, он обязан был выполнять вспомогательные работы. Эти работы для крестьянина с упряжкой не должны были превышать 10 дней с 3-х конной упряжкой и 10 мужских пеших дней, а для крестьянина, отбывавшего пешую барщину — 10 мужских и 10 женских пеших дней в год, причем нельзя было без согласия крестьянина требовать более двух дней работы в неделю, а рабочие дни не могли следовать один за другим за исключением особых случаев.

По соглашению сторон могло быть оставлено и большее количество вспомогательной работы, но только на 12 лет, по истечении которых эта повинность изменялась или сохранялась на последующие 12 лет. С отказом помещика от вспомогательных работ могли быть упразднены и лесные сервитуты. Помещик имел право на вспомогательные работы и тогда, когда крестьянину не предоставлялось топливо, в этом случае он должен был платить за рабочий день 3-х конной упряжки 6 берлинских метц ржи, за день мужской ручной работы — 2 и женский пеший день — 1,5 метце ржи. При высокой цене зерна разрешалась оплата деньгами. Вспомогательные работы, выполнявшиеся крестьянином, не имевшим наследственного права пользования хозяйством, не оплачивались, поскольку его земля полностью освобождалась от пастбищного сервитута. По истечении 12 лет вспомогательные работы могли быть выкуплены.

Если стороны не договорились о возмещении повинностей посредством уплаты капитала или денежной ренты, вознаграждение производилось зерном. Рента зерном при наследственном пользовании хозяйством составляла $\frac{1}{3}$, при ненаследственном пользовании — $\frac{1}{2}$ чистого дохода от земельных угодий, исключая огороды и лесные участки, обеспечивавшие нужды крестьянина в топливе; при меньших хозяйствах в расчет принимались и огороды, имевшие в таких случаях существенное значение. Задолженность по ренте зерном возмещалась отработками по ценам вспомогательных работ или деньгами по цене зерна на ближайшем городском

рынке, но не свыше 1 тал. 12 гр. за берлинский шеффель ржи и 18 гр. за шеффель овса. В случаях регуляции с уплатой капитала или ренты, без уступки земли, государственные подати не подлежали перераспределению.

Разрешались ходатайства об установлении возмещения в большем или меньшем размере, чем нормальное вознаграждение. Если одна из сторон возражала против такого возмещения, то решение принималось властями, занимавшимися регуляцией.

При регуляции крестьянин мог быть переселен на другое место, расходы связанные с переносом двора покрывались помещиком. Если разверстанию угодий препятствовали частнособственнические земли, то производился их обмен на другие при условии соответствующего вознаграждения. Чтобы ипотечные долги не затрудняли проведение регуляции, не разрешалось обременять ими крестьянское хозяйство свыше $\frac{1}{4}$ его ценности. При небольшой задолженности можно было провести парцелляцию в пределах до $\frac{1}{4}$ имевшейся до регуляции и оставшейся после нее земли в хозяйстве, если при лицитации $\frac{1}{4}$, а при свободной продаже — половина вырученной суммы обращалась на покрытие первого ипотечного долга. С изданием эдикта помещик освобождался от обязательства производить капитальный ремонт крестьянских построек и возводить новые постройки для крестьянина. Если крестьянин отказывался сам это делать, то мог быть удален с хозяйства.

Хозяйство, опустевшее во время последней войны или позднее, но до дня св. Троицы 1809 г., если не предъявлялись законные права на него и при выставлении на публичную продажу не находилось покупателя, могло быть присоединено к фольварку.

Регуляция должна была быть проведена в течение 4-х лет, начиная с первого срока окончания контрактов по найму фольварочных работников в 1812 г. При проведении регуляции в более короткий срок помещик имел право сохранить барщину в течение 4-х лет, за исключением случаев, когда по возвращении ему хозяйственного инвентаря не требовалось приобретение нового инвентаря и устройство помещений для скота или полученное им возмещение в деньгах позволяло обеспечить себя необходимым инвентарем. Ранее установленного срока могла быть отменена и пешая барщина, если оказывалась возможной ее замена. По требованию помещика обязательные отношения могли быть прекращены немедленно после регуляции, но тогда он должен был согласиться с приемлемыми для крестьянина сроками уплаты вознаграждения.

После проведения регуляции крестьянин становился «полным» собственником своего хозяйства. Он мог, не нарушая прав третьих лиц, увеличивать или уменьшать хозяйство, обменивать, подарить, передать его одному или нескольким наследникам или иначе распорядиться им без особого на то разрешения. Долги, обременявшие крестьянское хозяйство, оставались за ним, поскольку вследствие уступки земли или отмены повинностей его ценность не уменьшалась, а, напротив, увеличивалась. За помещиком сохранялось право охоты на крестьянской земле, возникавшие в связи с этим убытки крестьянина помещик обязан был возместить.

Регуляции не подлежали мелкие хозяйства, заключавшие в себе несколько моргов земли, с которых отбывалась пешая барщина. Лица, пользовавшиеся такими хозяйствами, относились к категории фольварочных работников. Их положение могло быть изменено только по взаимному согласию сторон. Что же касается силезских заградников и заградников-молотильщиков, то устанавливалось следующее. Поскольку отношение, существовавшее между заградником, отбывавшим барщину за предоставленную в его пользование землю, и помещиком, счи-

талось невыгодным для обеих сторон, то помещик мог хозяйство заградника перенести на другое место, раздробить или присоединить к фольварку; при этом, однако, в деревне должно было оставаться столько хозяйств заградников, сколько числилось их в податном кадастре; эти хозяйства должны были заключать в себе не менее трех и не более четырех моргов земли, включая двор и огород; они вместе с жилищем передавались в собственность заградника; права заградника на получение ординарии, строевого дерева и топлива, сбор подстилки в лесу и пользование лесным пастбищем, связанные с отбыванием барщины, упразднялись; он мог получать топливо от помещика за соответствующее вознаграждение; заградник обязан был начиная с марта 1812 г. в течение 4-х лет работать в имении за обычную в местности плату или возместить деньгами или зерном расходы помещика, связанные с заменой его другим работником; хозяйства заградников устраивались таким образом, чтобы нежилые старые дворы могли бы быть использованы для размещения новых работников; если передача хозяйства в собственность заграднику оказывалась невозможной, то существующие обязательные отношения сохранялись в течение 4-х лет; хозяйства заградников,⁶⁷ устроенные помещиком на его земле и не включенные в кадастр, рассматривались как хозяйства фольварочных работников.

Заградники-молотильщики, владевшие своими хозяйствами на правах ограниченной собственности и получавшие за барщинные работы вознаграждение зерном, деньгами или снопами, считались фольварочными работниками. При согласии помещика барщина могла быть заменена денежной платой, помещику предоставлялось право требовать замены платы снопами вознаграждением другого рода. Если заградник не хотел оставаться в таком положении, то мог продать свое хозяйство. Небольшая определенная пешая барщина, выполнявшаяся наряду с уплатой чинша вольными заградниками и другими свободными хозяевами-собственниками, подлежала выкупу. Если при взаимном расчете оказывалось, что их повинность превышала обязательства помещика, то они не имели права требовать возмещения разницы, поскольку с отменой крепостничества взаимные повинности уравнивались.

Таким образом, по эдикту крестьяне, пользовавшиеся землей на ласситском праве, могли приобрести на нее право собственности, уплатив большой выкуп помещику, причем могли временно сохраняться некоторые феодальные повинности. «Но даже и этот выкуп, предоставлявший такие огромные выгоды дворянству, — писал Ф. Энгельс, — оставался музыкой будущего. Ибо дворянство тормозило дело, чтобы добиться еще большего»⁶⁷.

В записке заведующего отделением по делам сельского хозяйства и регуляции МВД Кунта, датированной 16 июня 1814 г., говорилось об успешном ходе регуляции в Силезии. От крестьян поступало много ходатайств о проведении регуляции, часто больше, чем от помещиков. Почти везде помещики вознаграждались уступкой земли по нормальным ставкам, причем это вознаграждение признавалось достаточным. В некоторых местах помещики полностью или частично отказывались от вспомогательной работы. После регуляции крестьяне производили улучшения в своем хозяйстве.

По сообщению Генеральной комиссии в Силезии (письмо Иордана к министру внутренних дел от 12 октября 1814 г.) число ходатайств о проведении регуляции увеличивалось. Такие ходатайства поступали не толь-

⁶⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 253, ср. J. Marchlewski. Op. cit., s. 251.

ко от хозяев, подлежащих регуляции, но и от крестьян-«собственников», обремененных барщиной, причем их просьбы становились все более настойчивыми. Касаясь положения крестьян, комиссия отмечала, что с 1811 г. оно в связи с увеличением податей и повинностей, сокращением поголовья скота, застоєм в промышленном производстве и снижением цен на сельскохозяйственные продукты значительно ухудшилось. Комиссия считала необходимым дальнейшее проведение регуляции по правилам эдикта ⁶⁸.

24 апреля 1815 г. последовало распоряжение министра внутренних дел, в котором указывалось, что до окончания регуляции отношения между крестьянами и помещиками должны оставаться неизменными. Это распоряжение затормозило регуляцию и фактически приостановило действие эдикта ⁶⁹.

Эдикт 1811 г. вызвал возражения со стороны помещиков. Одни, заявляя, что эдикт нарушает их права и угрожает им разорением, требовали его отмены, другие — указывая, что постановления эдикта относительно сроков регуляции, подлежащих ей хозяйств, нормы вознаграждения существенно ущемляют их интересы, ходатайствовали об изменении этих постановлений. По сообщению представителей местной администрации встречались затруднения при применении эдикта ⁷⁰. Правительство занялось пересмотром закона. Дальнейший ход реформы будет рассмотрен в другой статье.

⁶⁸ G. F. K n a p p. Op. cit., zw. Tl., S. 268—269, 349—351; ср. J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 336.

⁶⁹ G. F. K n a p p. Op. cit., zw. Tl., S. 352; J. Z i e k u r s c h. Op. cit., S. 330.

⁷⁰ G. F. K n a p p. Op. cit., zw. Tl., S. 273—286, 353—355.

ОТИЛЬДА ВЫШОМИРСКАЯ-КУЗЬМИНСКАЯ

ПОЛЬСКО-СОВЕТСКИЕ НАУЧНЫЕ КОНТАКТЫ

Установление и развитие польско-советского научного сотрудничества имело большое значение для восстановления народного хозяйства Польши, для подъема ее науки и культуры.

В первые годы существования народной Польши Советский Союз оказал ей большую помощь в организации высшего образования, разработке программ и планов обучения. Проводились совместные конференции, семинары, курсы, а также обучение научных сотрудников и аспирантов в советских учебных заведениях.

6 февраля 1946 г. в Москве во Всесоюзном обществе культурных связей с зарубежными странами (ВОКС) состоялась научная сессия, посвященная проблемам польско-советского сближения в области науки¹.

5 марта 1947 г. в Москве было подписано первое соглашение о научном и техническом сотрудничестве между СССР и народной Польшей. Проблемы, связанные с его реализацией, были обсуждены 26 января 1948 г. в Москве во время подписания основного соглашения о взаимных поставках товаров на 1948—1952 гг.² В связи с 25-летием Польской академии искусств в октябре 1948 г. в Кракове и Варшаве советские ученые выступили с рядом докладов³.

Укреплению научных связей между польскими и советскими учеными способствовали проводимые в Польше в рамках месячников польско-советской дружбы мероприятия типа «Недели советского образования», «Декады советской техники и рационализации», Мичуринской недели, а также многие другие⁴.

В 1950 г. был принят шестилетний план хозяйственного развития и строительства основ социализма (1950—1955), в котором ставились новые конкретные задачи и перед польской наукой. С 29 июня по 2 июля 1951 г. проходил I Конгресс польской науки. В письме Болеслава Берута к участникам Конгресса подчеркивалась роль национальных традиций и науки в развитии народной Польши. Конгресс подвел итоги этого развития, продемонстрировал тесную связь национальной культуры с общественным прогрессом. Был создан Организационный комитет Польской академии наук⁵.

¹ «Głos Ludu», № 38, 7 II 1946.

² Архив Министерства иностранных дел. Индекс 51/65.

³ «Głos Ludu», № 283, 23 X 1948; № 295, 25 X 1948; № 296, 26 X 1948; № 302, 2 XI 1948.

⁴ W. K r a u z e, T. W u j e k. Współpraca naukowa Polski Ludowej z zagranicą. Warszawa, 1974, s. 73.

⁵ E. B a s i Ń s k i. Polska—ZSRR. Kronika faktów i wydarzeń 1944—1971. Warszawa, 1973, s. 140.

Организованная 31 октября 1951 г. Польская академия наук сразу же наладила контакты и сотрудничество с крупнейшим научным учреждением в Советском Союзе — Академией наук СССР.

На первом этапе научного сотрудничества основное внимание было уделено передаче опыта советских ученых и их помощи в создании научных центров, обучении польских специалистов в СССР, организации конгрессов, научных сессий, семинаров и курсов, встреч польских и советских ученых, во время которых стороны взаимно информировали друг друга о проводимых исследованиях и планах будущего сотрудничества⁶.

В связи с Годом Коперника Академия наук СССР организовала юбилейную научную сессию⁷. В июле 1955 г. польские ученые проф. П. Шулькин и проф. Н. Неводничаньский приняли участие в сессии, посвященной мирному использованию атомной энергии⁸.

В сентябре 1955 г. в Москве пребывала группа молодых польских биологов.

Перечисленные формы контактов стали основой для расширения научного сотрудничества. Были учтены возможности связей с научными учреждениями, высшими учебными заведениями на основе договоров и соглашений, непосредственно касающихся избранной тематики.

В результате переговоров, состоявшихся 25—27 марта 1957 г. в Варшаве, было подписано первое соглашение о сотрудничестве между ПАН и Академией наук СССР на 1957 г. 21 декабря 1957 г. в соответствии с договором между ПНР и СССР о культурном сотрудничестве от 30 июня 1956 г. было подписано соглашение о научном сотрудничестве между ПАН и АН СССР. На основе этого соглашения, продленного в 1960 г. на неопределенный срок, устанавливались и устанавливаются ежегодные и пятилетние планы научного сотрудничества между ПАН и АН СССР.

Для новой отрасли науки — ядерных исследований — Польша получила от СССР ядерные установки и аппаратуру, а также реактор для Главного центра ядерных исследований в Сверке и циклотрон для Института ядерной физики в Кракове. Польские ученые знакомились с достижениями советской науки в таких знаменитых центрах ядерных исследований, как Москва, Ленинград, Рига и Ереван. В исследовательской работе самого крупного в мире Института ядерных исследований в Дубне активно участвовала группа польских ученых.

В апреле 1956 г. советские геофизики совместно с польскими учеными определили программу исследований в связи с приближающимся Международным геофизическим годом.

В мае 1958 г. в Москве были подведены итоги научного сотрудничества за рассматриваемый период и намечен план сотрудничества на 1958—1959 гг.⁹. Предусматривались совместные исследования в области естественных и технических наук, подготовка публикации документов, посвященных 100-летию Январского восстания, и разработка других проблем общественных наук.

В соответствии с соглашениями между академиями наук начиная с 1950 г. на учебу в СССР ежегодно выезжало от 200 до 400 студентов, в аспирантуру с 1952 по 1956 г. — ежегодно от 30 до 40 человек. Дипломы об окончании советских учебных заведений в 1955—1964 гг. получили 2204 студента и прошли обучение в аспирантуре 256 человек. В 1958 г.

⁶ «Trybuna Ludu», № 66, 16 VI 1953; № 182, 2 VII 1953; № 186, 6 VII 1953; № 198, 18 VII 1953.

⁷ «Życie szkoły wyższej», 1953, № 10, s. 78.

⁸ «Trybuna Ludu», № 180, 1 VII 1955.

⁹ Е. В а с и н с к и, Ibid., s. 207; «Życie szkoły wyższej», 1958, № 1, s. 165; 1958, № 6, s. 153.

из СССР в Польшу прибыло 208 ученых, которые принимали участие в научных конференциях, выступали с лекциями, проводили консультации. В том же году Министерством высшего образования ПНР было направлено в СССР для обучения и стажировки 215 человек. В советских научных учреждениях побывало 62 человека в целях установления контактов и обмена опытом¹⁰.

Научное сотрудничество с СССР позволяло польским ученым в те годы расширять и увеличивать эффективность исследовательских работ, давало возможность быстрее использовать новые достижения науки и техники при меньших затратах.

Подписанный 26 января 1959 г. план культурного и научного сотрудничества между Польшей и СССР охватывал такие области, как наука, культура, искусство, просвещение, здравоохранение, издательское дело и спорт. Наиболее обширным в этом плане был раздел, посвященный научному сотрудничеству и обмену¹¹. В том же году советские ученые передали польским ученым станцию Оазис Бунгера в Антарктиде, которой было присвоено имя полярного исследователя, польского ученого Антония Болеслава Добровольского. 23 января 1959 г. со станции поступило первое метеорологическое сообщение.

Во время пребывания делегации советских ученых на праздновании 15-летия народной Польши была подчеркнута необходимость углубления научно-технического сотрудничества. Были положительно оценены развивающиеся с каждым годом всесторонние контакты между учеными обеих стран и принято решение продолжать недавно начатое сотрудничество научных центров, основанное на совместной разработке важнейших научных проблем.

В начале 1963 г. в Варшаве вышел I том издания «Документы и материалы по истории польско-советских отношений», где опубликованы документы, относящиеся к периоду от марта 1917 г. до ноября 1918 г. Том был подготовлен Отделом истории польско-советских отношений ПАН и Институтом славяноведения АН СССР при участии Института истории партии при ЦК ПОРП и Управления государственными архивами, Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Главного архивного управления при Совете Министров СССР и Историко-дипломатического управления МИД.

В последующие годы научное сотрудничество обеих академий продолжало развиваться, проводились совместные длительные и кратковременные исследования. Ежегодно подписываемые планы сотрудничества между ПАН и АН СССР систематически реализовались. Взаимные визиты ученых способствовали углублению контактов.

На основании подписанного 12 января 1963 г. в Москве протокола о научном сотрудничестве между ПАН и АН СССР в 1964 г. Академия наук СССР приняла 338 польских ученых, из них 153 ученых участвовали в научных съездах и конференциях, 29 получили стипендии, 23 прошли кратковременную специализацию, 96 проводили исследования в учреждениях АН СССР. Польшу посетили 256 ученых из СССР — 51 человек принимал участие в научных съездах и сессиях, 14 получили стипендии, 88 проводили научные исследования, 24 прочитали доклады и лекции.

В октябре 1965 г. АН СССР организовала научную сессию, посвященную тысячелетию польского государства, на которой выступили с докладами видные польские ученые. Советские ученые принимали также участие

¹⁰ Archiwum Ministerstwa Oświaty i Wychowania, akta b. Ministerstwa Oświaty i Szkolnictwa Wyższego. Wydz. Zagraniczny, sygn. 175/106—II; W. Krauze, Z. Wujek. Ibid., s. 74, 75 i inne.

¹¹ «Życie szkoły wyższej», 1959, № 3, s. 137.

в научной сессии, организованной ПАН и Ягеллонским университетом, на которой в связи с тысячелетием польского государства обсуждались достижения польской науки. В целях дальнейшего углубления польско-советских научных связей 6 ноября 1965 г. была создана Комиссия историков ПНР и СССР.

В 1965 г. ПАН направила в Советский Союз 240 человек, в 1966 г. — 367. Из них 124 человека принимали участие в конференциях и съездах, 26 получили стипендии, 161 проходил кратковременную специализацию, 2 читали лекции, 49 повышали свои знания русского языка на курсах.

Из учебных заведений и учреждений, подчиняющихся Министерству высшего образования, в 1965 г. в СССР выехали 288 человек. В 1966 г. 43 студента из СССР закончили образование в Польше. В рамках обмена студентами-практикантами в 1967 г. в Советский Союз выехали 1120 человек. На длительную учебно-исследовательскую стажировку, продолжающуюся свыше трех месяцев, в 1966 г. из Польши в СССР прибыли 9 человек, на кратковременную — 108 человек. В 1967 г. в СССР завершили образование 46 студентов. В этом же году в Польше учились 72 студента из СССР¹².

Планом культурного и научного сотрудничества на 1966—1967 гг. было предусмотрено, что ПАН и АН СССР осуществят взаимный эквивалентный обмен научными сотрудниками на 300 недель ежегодно с каждой стороны и будут проводить совместные работы, а также координировать научные исследования по темам, установленным академиями наук.

В июне 1968 г. Комиссия историков ПНР и СССР организовала первый симпозиум. Он был посвящен проблемам, связанным с оценкой историографии Польши и СССР в области взаимных отношений. В ноябре этого года состоялась научная сессия, посвященная 50-летию независимости Польши.

Особенно широкими научными контактами в связи с 25-летием народной Польши характеризовался 1969 г. На 1969—1974 гг. пришелся ряд важных юбилеев и научных событий. Например, 100-летие основания Польской академии искусств в Кракове, 250-летие Академии наук в Советском Союзе, 100-я годовщина со дня рождения В. И. Ленина, 25-летие научно-технического сотрудничества, 500-летие со дня рождения Н. Коперника.

В феврале 1969 г. в Варшаве проходила сессия по теме «Революционное рабочее движение в борьбе за польско-советскую дружбу»; в Киеве был проведен симпозиум, на котором обсуждались результаты новейших исследований раннесредневековых славянских государств. В июле в Минске состоялся научный симпозиум по проблеме боевого советско-польского содружества в войне с гитлеровской Германией.

Польско-советские контакты в области геологии и географии были обсуждены на симпозиуме в Варшаве (29 сентября — 1 октября). Педагогическим концепциям В. И. Ленина была посвящена научная конференция, подготовленная Комитетом педагогических и психологических наук ПАН¹³.

Были организованы также сессия в Кракове (март 1970 г.), посвященная 100-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина; симпозиум в Москве (ноябрь 1971 г.) на тему «Общие черты и специфика развития Польши и Руси в XII и XIV веках», сессия (ноябрь 1972 г.) по проблемам польско-советских отношений в межвоенный период; симпозиум в Ленинграде (сентябрь 1973 г.), посвященный культурным связям народов Польши, Рос-

¹² E. Basiński. Ibid., s. 322.

¹³ Ibid., s. 374—378.

сии, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения. Составной частью программы празднования 30-летия народной Польши стал научный симпозиум польских и советских историков в Катовицах (март 1974 г.) по теме «Социалистическая индустриализация в СССР и народной Польше».

Польско-советское научное сотрудничество приобретает все более широкий размах. Возникла необходимость определения рамок сотрудничества и контактов по ведомствам. Особое значение для польской науки имели мероприятия, связанные с юбилейными датами: годовщинами заключения договора о дружбе, взаимопомощи и сотрудничестве между Польшей и СССР, II Конгрессом польской науки, 200-летием создания Национальной комиссии просвещения.

В 1974 г. были подписаны соглашения о расширении сотрудничества Польши и СССР в области высшего образования. В мае этого года в Польской академии наук состоялась научная сессия, посвященная 250-летию образования Академии наук СССР. Во всех юбилейных мероприятиях в Польше и в СССР участвовали ученые из обеих стран.

Историей польско-советских отношений занимается Институт социалистических стран ПАН, который совместно с советскими научными учреждениями продолжает серийное издание «Документы и материалы по истории польско-советских отношений». В 1974 г. в Варшаве вышел IX том этого издания. Подготавливается двухтомный сборник статей и очерков, посвященных истории польско-советских отношений в 1917—1975 гг.

Непрерывно возрастает число взаимных научных командировок. Если в 1969 г. в научные учреждения СССР выехало 466 человек, то в 1973 г. — уже 782 человека. Польшу в 1969 г. в научных целях посетили 317 ученых из Академии наук СССР; в 1973 г. — 590 представителей советской науки.

В заключение следует подчеркнуть, что сформировавшееся, особенно в 60-е годы, научное сотрудничество народной Польши и СССР в реализации важных научных исследований развивалось и развивается на основе принципов партнерства, взаимовыгодности.

Расширение этого сотрудничества положительно влияет на развитие всех областей науки.

С. М. БЛАГОЕВ

К ВОПРОСУ О КОНСТИТУИРОВАНИИ ФЕДЕРАТИВНОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ЮГОСЛАВИИ

30 лет назад — 29 ноября 1945 г. — Учредительная скупщина, собравшаяся в Белграде, провозгласила рождение нового народного государства — Федеративной Народной Республики Югославии. Навсегда было покончено с ненавистной народу монархией. Перед трудящимися Югославии открылась перспектива развития по социалистическому пути.

Четырехлетняя Народно-освободительная война, которую трудящиеся Югославии вели под руководством Коммунистической партии, слилась с народной революцией, и в ходе ее власть перешла из рук буржуазии в руки широких трудящихся масс во главе с рабочим классом.

В настоящем сообщении рассматриваются некоторые аспекты народной революции в Югославии, преимущественно — решение национального вопроса ¹.

В условиях оккупации Югославии и потери ею независимости югославская буржуазия не только не сдала свои позиции, а, наоборот, с помощью оккупационных властей нашла новые формы эксплуатации и сохранения своей власти, открыто стала на службу фашистам.

Единственной политической организацией, способной сплотить трудящихся различных национальностей на борьбу против общего врага, оказалась Коммунистическая партия. Этому в огромной степени способствовала правильная национальная политика партии, учитывавшая тот факт, что ни один югославский народ отнюдь не желал восстановления прежнего государства с его режимом угнетения всех несербских национальностей. Возглавив борьбу югославских народов за национальное освобождение и социальное освобождение трудящихся, КПЮ продолжала отстаивать идею равноправия наций на основе признания их права на самоопределение и создания на этой базе нового государственного единства ².

Начавшееся в июле 1941 г. народное восстание под руководством КПЮ в качестве основной стратегической цели ставило освобождение страны от оккупантов и параллельно с этим разгром остатков буржуазной власти. При определении целей народно-освободительной борьбы КПЮ опиралась на революционный опыт народов Югославии, а также на опыт Октябрьской революции, на теоретическое наследство К. Маркса, Ф. Энгельса и

¹ В советской литературе рассмотрен ряд общих вопросов данной проблемы. См. «История Югославии», т. II. М., 1963; Г. М. С л а в и н. Освободительная война в Югославии. 1941—1945. М., 1965; В. В. З е л е н и н. Важная историческая веха (К 30-й годовщине Второй сессии АВНОЮ). «Советское славяноведение», 1973, № 6.

² «История Югославии», т. II, стр. 193.

В. И. Ленина. Как известно, В. И. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость создания революционной армии, указывал на способы ее формирования, определял ее характерные черты и т. д. В. И. Ленин писал, что «... для победы нужна материальная сила революционной армии, кроме моральной силы общественного мнения, народного блага и т. п.»³.

Вероломное нападение гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г. и начало Великой Отечественной войны советского народа против фашистских захватчиков коренным образом изменили политическую и военную обстановку в Югославии. Весть о том, что народы СССР поднялись на борьбу против гитлеровских захватчиков, ободрила народы Югославии, вселила в них веру в освобождение. Центральный Комитет КПЮ пришел к выводу, что наступил благоприятный момент для развертывания борьбы с оккупантами. 22 июня 1941 г. ЦК КПЮ выпустил воззвание. «Пробил решающий час, — говорилось в этом воззвании, — начался решающий бой против злейших врагов рабочего класса, бой, который фашистские преступники навязали вероломным нападением на Советский Союз — надежду трудящихся всего мира. Драгоценная кровь героического советского народа проливается не только во имя защиты страны социализма, но и во имя окончательного социального и национального освобождения всего трудового человечества. Поэтому это также и наша борьба, и мы должны поддержать ее всеми силами вплоть до наших жизней»⁴.

Это воззвание ясно говорит о тесной связи борьбы югославских народов с борьбой народов Советского Союза, о том, что, защищая первое в мире социалистическое государство — Советский Союз, сражаясь плечом к плечу вместе с ним, опираясь на его силу и мощь, трудящиеся Югославии смогут добиться национального и социального освобождения.

Задача эффективной борьбы за освобождение страны объективно требовала объединения всех югославских народов. Такое объединение, естественно, могло основываться только на платформе, принципиально отличной от великосербской шовинистической концепции довоенной монархии, на принципах братского содружества равноправных югославских народов.

Еще весной 1941 г. наряду с общеюгославским Военным комитетом, КПЮ учредила военные комитеты в большинстве национальных земель — в Словении, Хорватии, Сербии, Боснии и Герцеговине, Черногории.

Так начала складываться новая межнациональная организация, практически противостоявшая государственной структуре старой Югославии, а также концепции четнического руководства и объединявшегося вокруг него буржуазного лагеря.

Еще большее значение имело то, что, хотя КПЮ, поднимая массы на восстание, не ставила в выдвинутой платформе народно-освободительного движения вопроса о власти⁵, размах вооруженного сопротивления привел уже скоро к образованию свободных партизанских территорий, а это требовало создания там определенной системы управления. И было совершенно очевидно, что от того, какой будет эта система, в огромной мере зависело государственно-политическое устройство страны после изгнания оккупантов.

Народно-освободительная война имела своей целью не только изгнание оккупантов из страны, но и изменение государственно-правового положения всех национальностей. Выдвигая платформу борьбы за национальное освобождение, КПЮ не отказывалась от своей принципиальной

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 364.

⁴ Цит. по: «История Югославии», т. II. М., 1963, стр. 193.

⁵ D. Ž i v k o v i ć. Postanak i razvitak narodne vlasti u Jugoslaviji 1941—1942. Beograd, 1969, s. 62.

классовой программы, от основной стратегической цели. Но и сам путь к этой цели, как и любой аспект национального развития, также лежал лишь через достижение национального освобождения⁶.

Успешное развитие освободительной борьбы в Югославии побудило руководство движением проанализировать накопленный опыт и определить перспективы дальнейшей борьбы народа. 26 сентября 1941 г. состоялось совещание военно-политических представителей освободительного движения из всех областей страны (за исключением Македонии) в освобожденной деревне Столицы (близ местечка Крупань). На совещании был обсужден вопрос о возможности создания освобожденных территорий во всех краях Югославии, как это уже было сделано в Сербии. Одновременно совещание подчеркнуло значение народно-освободительных комитетов для расширения базы восстания, для успеха освободительного движения. Опыт партизанской борьбы в Сербии указывал на необходимость перехода к организации регулярных воинских частей. Решено было взять курс на их создание. Совещание решило также преобразовать Главный штаб народно-освободительных партизанских отрядов Югославии (НОПОЮ) в Верховный штаб НОПОЮ, а штабы в Сербии, Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговине и Черногории — в главные штабы.

Совещание в Столицах имело большое значение для дальнейшего роста партизанского движения, а также для укрепления народно-освободительных комитетов⁷.

Комитеты выполняли самые различные функции, связанные с нуждами партизанского движения и населения освобожденных районов. Жизнь требовала более четкого определения их состава, задач и функций. В феврале 1942 г. Верховным штабом в Фоче были изданы два документа, так называемые «Фочинские правила»: «Задачи и устройство народно-освободительных комитетов» и «Инструкция о работе народно-освободительных комитетов в освобожденных районах»⁸. «Народно-освободительные комитеты являются боевыми органами народно-освободительной борьбы», — говорилось в первом из этих документов. В «Фочинских правилах» подчеркивалось, что народно-освободительные комитеты не являются и не должны быть органами отдельных политических партий и организаций. Они избираются демократическим путем, и в них должны входить все честные патриоты, независимо от политических убеждений, вероисповедания и национальности, своим примером на деле показавшие, что они — верные сыны своего народа и непоколебимы в борьбе против фашистских оккупантов и их слуг.

Далее определялись задачи народно-освободительных комитетов. В первую очередь комитеты должны были принимать меры по активизации и объединению всего народа в борьбе против оккупантов, по регулярному снабжению народно-освободительных войск продовольствием, одеждой и всем необходимым, по предотвращению краж и грабежей, разбоя и беспорядков; решать все споры между отдельными гражданами; укреплять тыл и поднимать боевой дух народа; организовывать снабжение продовольствием населения, особенно беднейшего, а также семей погибших и мобилизованных воинов, беженцев и погорельцев; препятствовать вывозу продуктов, скота и топлива в неосвобожденные районы; управлять всем производством и торговлей; создавать народно-освободительные фонды из пожертвований народа; проводить реквизиции у отдельных зажиточных

⁶ Л. Я. Г и б л а н с к и й. Проблемы исследования революции и становления народной власти в Югославии. «Советское славяноведение», 1972, № 6, стр. 36.

⁷ Д. Ж и в к о в и ч. Некоторые вопросы создания нового югославского государства. «Советское славяноведение», 1971, № 3, стр. 25.

⁸ Там же, стр. 28—30.

лиц в пользу народно-освободительной борьбы; принимать в народно-освободительные фонды имущество врагов народа, конфискованное по решению военных властей и народного суда.

«Инструкция о работе народно-освободительных комитетов в освобожденных районах» определяла порядок выборов в сельские, общинные и уездные комитеты, указывала на необходимость проведения собраний граждан с постановкой отчета о работе комитета. Если отдельные члены или весь комитет работали плохо, народ имел право их сменить, указывалось в Инструкции⁹.

Выборность и ответственность перед народом — таковы были основные принципы, на которых строились народно-освободительные комитеты. «Фочинские правила» способствовали улучшению деятельности народно-освободительных комитетов, укреплению связи между партизанами и населением.

Трудящиеся на собственном опыте убеждались, что органы новой, демократической власти защищают их интересы, что они не имеют ничего общего со старым государственным аппаратом королевской Югославии. Это имело большое значение для дальнейшего развития освободительной борьбы югославского народа. По мере расширения освобожденных районов создавались общинные, уездные и окружные народно-освободительные комитеты. В ряде национальных земель уже в 1941—1942 гг. были созданы Главные народно-освободительные комитеты. Политическая активность руководства национальными и краевыми организациями КПЮ и массовых политических организаций, формирование главных штабов национальной военной организации, основание главных народно-освободительных комитетов во всех национальных землях Югославии явились исходными элементами в строительстве основных институтов политической самостоятельности каждого народа. Вместе с тем происходит формирование национальных военных, политических и культурных кадров; издается целый ряд газет и журналов на национальных языках, на которых ведется активная массовая культурно-просветительная работа и осуществляется школьное образование¹⁰.

Возникавшая в ходе освободительного движения, руководимого КПЮ, новая, повстанческая власть представляла собой своеобразную революционную диктатуру антифашистских национально-демократических сил народа, где главную роль играли трудовые массы, а пролетариат, возглавляемый компартией, был не только гегемоном, но и безраздельным руководителем всей системы власти¹¹.

В 1941—1942 гг. политическое представительство освободительного движения в стране и за границей осуществляли Центральный Комитет КПЮ и Верховный штаб Народно-освободительной армии и партизанских отрядов Югославии.

Дальнейшее развитие борьбы делало необходимым неотложное решение ряда крупных политических проблем в стране, создание унифицированной организации народной власти, важнейших политических институтов совместной жизни народов Югославии и новой государственной организации в целом. Эти проблемы обусловили основание Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) как высшего политического представительного органа народов Югославии в освободительной борьбе.

⁹ Там же, стр. 29.

¹⁰ D. Ž i v k o v i ć. Ibid., s. 213—231.

¹¹ Л. Я. Г и б и а н с к и й. Там же, стр. 39, 45.

По инициативе Верховного штаба в освобожденном городе Бихаче 26—27 ноября 1942 г. состоялась Первая сессия АВНОЮ. На учредительном собрании были представлены все антифашистские политические группы. В присутствии 54 делегатов из всех краев Югославии, кроме Словении и Македонии, АВНОЮ было провозглашено общенародным политическим представительным органом. По функциям, которые этот представительный орган выполнял и должен был выполнять, он являлся первым парламентом новой Югославии. В этом и заключается большое историческое значение Первой сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии. Из представителей всех антифашистских организаций и групп был избран Исполнительный комитет АВНОЮ, председателем которого стал И. Рибар.

Основной задачей АВНОЮ, как указывалось в резолюции, принятой на Первой сессии, было укрепление единства всех народов Югославии в борьбе за свое освобождение и создание условий для их полного равноправия. Одним из первых актов Исполнительного комитета АВНОЮ было проведение выборов в народно-освободительные комитеты в ряде освобожденных районов (Боснийская Крайна, Лика, Кордун).

15 января 1943 г. в Бихаче была проведена конференция представителей 30 народно-освободительных комитетов. Делегаты обменялись опытом и обсудили пути решения многочисленных социально-политических задач, стоящих перед органами народной власти.

Кроме мер внутреннего характера, Исполнительный комитет АВНОЮ совместно с Верховным штабом Народно-освободительной армии принял важный внешнеполитический шаг. В начале января 1943 г. он направил ноту союзным правительствам, в которой констатировал, что Дража Михайлович, будучи военным министром эмигрантского правительства, сотрудничает с немецкими и итальянскими оккупантами, а также с усташами. Нота требовала признать заслуги народно-освободительного движения и прекратить обманывать мировое общественное мнение, изображая Михайловича руководителем антифашистской борьбы.

В заявлении для заграницы, опубликованном АВНОЮ совместно с Верховным штабом Народно-освободительной армии 8 февраля 1943 г., говорилось: «Народно-освободительное движение полностью признает национальные права хорватов, сербов, черногорцев, как и македонцев и других. Это движение в той же мере хорватское, как и сербское и словенское. Кроме того, оно представляет гарантию, что национальные права будут завоеваны для всех народов Югославии»¹².

Возникновение НОАЮ и АВНОЮ положило начало новому этапу в развитии освободительного движения: был сделан серьезный шаг вперед в создании аппарата новой государственной власти.

Сокрушительное поражение гитлеровцев под Сталинградом вселило в югославский народ уверенность в окончательной победе над общим врагом. Победоносное наступление Красной Армии летом 1943 г. способствовало дальнейшему развертыванию антифашистского движения в Югославии. После капитуляции Италии НОАЮ значительно расширила освобожденную территорию и пополнилась десятками тысяч новых бойцов. К концу 1943 г. в ее рядах насчитывалось 300 тыс. человек; была освобождена половина территории страны. Эти успехи в борьбе с фашизмом позволили сделать новый шаг в строительстве народной власти. Борясь за справедливое решение национального вопроса, укрепляя братство и единство всех

¹² F. Čulinović. Razvitak jugoslavenskog federalizma. Zagreb, 1952, s. 133—134.

народов страны, КПЮ последовательно выступала за федеративный принцип построения будущего государства.

Особое значение представляет работа Исполнительного комитета АВНОЮ по оказанию помощи в основании и развитии политико-представительных органов во всех национальных землях страны¹³. В 1943 г. были созданы антифашистские вече народного освобождения в Хорватии — Антифашистское вече народного освобождения земли Хорватии (ЗАВНОХ)¹⁴, в Словении — Словенский народно-освободительный комитет из 120 членов¹⁵, в освобожденном Колашице 15—16 ноября 1943 г. состоялось учредительное собрание Антифашистского вече народного освобождения земли Черногории и Боки¹⁶, Антифашистское вече народного освобождения земли Боснии и Герцеговины было основано 26—27 ноября 1943 г.¹⁷, в Македонии в городе Кичево 26 сентября 1943 г. состоялась конференция представителей народно-освободительных комитетов освобожденных округов. На этой конференции был сформирован Народно-освободительный комитет освобожденной территории, как высший орган власти этого района¹⁸.

Теперь Исполнительный комитет АВНОЮ мог уже почти во всех национальных землях опереться на национальные политические народные представительства и координировать усилия во всей стране по строительству нового демократического югославского государства.

29—30 ноября 1943 г. в городе Яйце состоялась Вторая сессия Антифашистского вече народного освобождения Югославии. Из 250 делегатов, приглашенных на сессию, смогли принять участия только 146¹⁹.

Сессия приняла первые конституционные документы нового государства: декларацию и решения о верховном законодательном и исполнительном народном представительном органе Югославии и национальном комитете освобождения Югославии и о лишении так называемого югославского эмигрантского правительства прав законного правительства Югославии и запрещении возвращаться в страну королю Петру II Карагеоргиевичу; о строительстве Югославии на федеративной основе²⁰. В декларации, одобренной сессией, отмечалось, что в народно-освободительной борьбе под руководством КПЮ объединились все политические группы и подлинные патриотические силы Югославии. В ходе этой борьбы сложилось новое соотношение политических сил в стране, потерпели крах попытки разжечь национальную вражду, были созданы условия для образования будущего демократического федеративного содружества народов Югославии, основанного на их равноправии²¹. В декларации отмечалось, что Антифашистское вече народного освобождения Югославии лишает эмигрантское правительство всякой законной власти²². Декларация предложила пересмотреть все международные договоры и другие обязательства, которые были заключены с иностранными государствами от имени Югославии эмигрантским правительством²³.

¹³ См. «Bihaćka republika», knj. 2. Zbornik dokumenata. Bihać, 1965.

¹⁴ V. Strugar. Jugoslavija 1941—1945. Beograd, 1969, s. 204.

¹⁵ Ibid., s. 205—206.

¹⁶ Ibid., s. 207.

¹⁷ Ibid., s. 206.

¹⁸ Ibid., s. 207.

¹⁹ Ibid., s. 211. Делегация Македонии полностью и ряд делегатов из других национальных земель не смогли прибыть в Яйце.

²⁰ «Конституция и основные законодательные акты ФНРЮ». М., 1956, стр. 91—104.

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же.

Сессия определила, что Югославия должна быть построена на демократических федеративных принципах, как государственное объединение равноправных народов²⁴. Это решение было принято «на основании права каждого народа на самоопределение, в том числе и права на отделение или объединение с другими народами, и в соответствии с подлинным желанием всех народов Югославии, утвердившимся в ходе трехлетней совместной народно-освободительной борьбы, выковавшей неразрывное братство народов Югославии»²⁵. «Народы Югославии никогда не признавали и не признают разделение Югославии фашистскими империалистами, — говорилось в решении, — и доказали в совместной вооруженной борьбе свою твердую волю и в дальнейшем оставаться в составе Югославии»²⁶.

«Чтобы был осуществлен принцип суверенности народов Югославии, — указывалось в решении, — чтобы Югославия стала подлинной родиной для всех своих народов и чтобы она никогда больше не стала вотчиной какой бы то ни было гегемонистической клики, Югославия строится и будет построена на федеративном принципе, который обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев и черногорцев, соответственно народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины»²⁷.

Решениями сессии устанавливалось, что Югославия будет представлять собой добровольное и равноправное объединение шести федеральных единиц, образованных на национальной основе.

АВНОЮ было провозглашено высшим законодательным и исполнительным представительным органом народов Югославии и верховным представителем суверенитета народа и государства Югославии в целом. В период между сессиями его функции осуществлял избираемый им и ответственный перед ним Президиум.

Высшим исполнительным и административным органом народной власти, народным правительством являлся Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ), который назначался Президиумом АВНОЮ и был ответствен перед АВНОЮ. Национальный комитет освобождения был первым правительством новой Югославии. В первый состав Президиума АВНОЮ и НКОЮ вошли представители всех народов страны и всех общественных слоев, борющихся за национальное освобождение. Председателем НКОЮ был назначен главнокомандующий Народно-освободительной армией Югославии И. Броз Тито²⁸.

Решениями Второй сессии АВНОЮ были заложены основы государственного организма новой Югославии. В решениях Второй сессии АВНОЮ нашли свое отражение глубокие революционные изменения, которые произошли в Югославии со времени после капитуляции монархии в 1941 г. в ходе вооруженной борьбы против оккупантов, возглавляемой Коммунистической партией Югославии.

После проведения Второй сессии АВНОЮ во всех федеральных единицах были созваны национальные сессии, на которых также были провозглашены принципы равноправия и выражено желание крепить единство всех народов Югославии.

Так, на Третьей сессии ЗАВНОХ, состоявшейся в Топуско 9 мая 1944 г.,

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ «История Югославии», т. II, стр. 227.

в соответствии с решениями Второй сессии АВНОЮ ЗАВНОХ было реорганизовано в сабор Хорватии, который становится высшим законодательным и исполнительным органом власти демократической Хорватии, как составной части демократической федеративной Югославии²⁹.

Из решений, принятых на Третьей сессии ЗАВНОХ, важнейшими были: решение об Антифашистском вече народного освобождения земли Хорватии как верховном законодательном и исполнительном органе и высшем органе государственной власти демократической Хорватии; решение об одобрении деятельности представителей Хорватии на Второй сессии АВНОЮ и Декларация об основных правах народа и граждан демократической Хорватии.

Поскольку все эти решения не могли быть осуществлены сразу, функции народного правительства временно взял на себя Президиум ЗАВНОХ. При Президиуме были образованы отделы по различным отраслям управления.

Основой народной власти в демократической Хорватии являлись народно-освободительные комитеты, которые должны были не менее одного раза в два месяца созывать собрания избирателей, перед которыми они отчитывались за свою работу. Депутаты могли быть отозваны по требованию большинства избирателей. При Президиуме ЗАВНОХ была создана законодательная комиссия, в обязанность которой входила разработка законодательных предложений, внесенных по инициативе Президиума ЗАВНОХ, народного правительства или отдельных членов ЗАВНОХ. Было провозглашено полное равноправие хорватского и сербского народов в демократической Хорватии, а национальным меньшинствам были обеспечены все права национальной жизни; гарантировалось равенство всех граждан независимо от народности, расы и вероисповедания; женщинам обеспечивались все права наравне с мужчинами.

Избирательное право осуществлялось тайным голосованием на основании всеобщего, равного и прямого избирательного права. Долгом и честью для каждого гражданина, способного носить оружие, являлись служба в рядах Народно-освободительной армии и партизанских отрядов, активное участие в освободительной войне. Гражданам гарантировалась правовая защита перед судом. Народная власть брала на себя заботу о ликвидации неграмотности и поднятии народной культуры, всем гражданам обеспечивалось бесплатное образование. Таковы были основные принципы построения новой демократической Хорватии как федеральной части в составе демократической федеративной Югославии³⁰.

19—20 февраля 1944 г. в Черномеле состоялась Первая сессия Словенского народно-освободительного совета, на которой были приняты: декларация, одобрявшая деятельность словенских делегатов на Второй сессии АВНОЮ; декларация о правах и обязанностях словенского народа; декларация об образовании Национального комитета освобождения Словении и временного правительства Словении; некоторые законы о строительстве народной власти в Словении и ряд мер в области народного хозяйства, финансов, правосудия, просвещения и др.³¹. Словенский народ вновь подтвердил свою решимость жить в содружестве с другими народами Югославии, создать демократическую Словению на основе подлинной народной демократии, являющееся составной частью демократической федеративной Югославии.

²⁹ Там же, стр. 236.

³⁰ См. «Zemaljsko antifašističko vijeće narodnog oslobođenja Hrvatske». Zbornik dokumenata. Zagreb, 1964.

³¹ См. «Dokumenti ljudske revolucije v Sloveniji», knj. II. Ljubljana, 1964.

После освобождения Сербии, 9 ноября 1944 г., состоялась сессия Антифашистской скупщины народного освобождения Сербии (АСНОС). На ней была одобрена деятельность Главного народно-освободительного комитета Сербии. Антифашистская скупщина народного освобождения Сербии наряду с другими решениями приняла и Решение о превращении АСНОС в верховный законодательный и исполнительный орган власти демократической Сербии как равноправной составной части демократической федеративной Югославии. На этом заседании была осуждена антинародная деятельность реакционной великосербской гегемонистической клики в прошлом ³².

С 30 июня по 1 июля 1944 г. в городе Сански Мост состоялась Вторая сессия Антифашистского веча народного освобождения земли Боснии и Герцеговины (ЗАВНОБиГ). ЗАВНОБиГ приняло решение о превращении веча в высший законодательный и исполнительный орган Боснии и Герцеговины. Важнейшими решениями, принятыми на Второй сессии ЗАВНОБиГ, были: решение об одобрении деятельности боснийско-герцеговинской делегации на Второй сессии АВНОЮ, декларация о правах граждан Боснии и Герцеговины, решение о выборах в народно-освободительные комитеты, решение об устройстве и деятельности народно-освободительных комитетов ³³.

13—14 июля 1944 г. состоялась Третья сессия Черногорской антифашистской скупщины народного освобождения (ЧАСНО). В соответствии с решениями Второй сессии АВНОЮ Черногорская антифашистская скупщина народного освобождения была провозглашена высшим законодательным и исполнительным органом Черногории. Этим историческим решением была заложена основа демократической Черногории как равноправного члена демократической федеративной Югославии. Сессия одобрила деятельность черногорской делегации на Второй сессии АВНОЮ; на ней был принят ряд важнейших решений о развитии [народной Черногории] ³⁴.

2 августа 1944 г. в монастыре «Прохор Пчински» состоялась Первая сессия Антифашистского собрания народного освобождения Македонии, на которой Инициативный комитет, созданный Главным штабом НОА и ПО Македонии, представил три документа: доклад Инициативного комитета, отчетный доклад о борьбе македонского народа против оккупантов и отчетный доклад о народно-демократической власти в Македонии ³⁵. АСНОМ обратился к македонскому народу с двумя воззваниями. В первом из них — «Манифесте» ³⁶ провозглашалось национальное освобождение Македонии. Во втором говорилось о том, что заложены основы федеральной Македонии в новой демократической федеративной Югославии и содержалось политическое и правовое обоснование законодательных актов, принятых на Первой сессии АСНОМ ³⁷. Важнейшим решением АСНОМ было решение о превращении его в высший законодательный и исполнительный орган македонского народа, о провозглашении Македонии полноправным членом демократической федеративной Югославии ³⁸. На сессии АСНОМ была принята декларация об основных правах гражд-

³² См. «Велика антифашистичка скупштина Србије 9—12 новембра 1944». Београд, 1945.

³³ См. «Друго засједање ЗАВНОБиХ-а». Сарајево, 1954.

³⁴ См. «ЗАВНО Црне Горе и Боке». Збирка докумената. Титоград, 1963.

³⁵ См. «Зборник на документи од АСНОМ», Скопје, 1964, стр. 159—167.

³⁶ Там же, 259—270.

³⁷ Там же, 271—273.

³⁸ Там же, 235—238.

дан, гарантировавшая всем гражданам право на участие в строительстве нового государства, право на бесплатное образование и др.³⁹.

В течение 1944 г. народно-освободительные комитеты всех национальных земель Югославии конституировались во временные народные правительства. Решениями высших органов народной власти было закреплено правовое положение каждой земли как равноправного субъекта в составе демократической федеративной Югославии. Последовательное осуществление права на самоопределение югославских народов привело к возникновению народного федеративного государства.

Еще до окончания Народно-освободительной войны страна вступила в новый этап революционных преобразований. Перед НКОЮ и Президиумом АВНОЮ стояли большие и неотложные задачи, связанные с организацией работы новых органов власти, восстановлением промышленности и сельского хозяйства, налаживанием культурной жизни. Требовалось урегулировать и важные для новой Югославии внешнеполитические проблемы.

Уже после освобождения значительной части страны и столицы Югославии Белграда НКОЮ и Президиум АВНОЮ приступили к решению этих задач. В Сербии, Воеводине, Косово и Метохии началась подготовка к выборам в общинные и уездные народные комитеты. Народная власть приняла постановление о конфискации собственности, принадлежащей врагам, и о секвестре имущества, насильственно отчужденного оккупационными властями. Эта мера явилась важным шагом на пути к национализации средств производства. Была введена новая система заработной платы, отвечающая интересам трудящихся, уравниена оплата мужского и женского труда, учреждены органы социального страхования, проявлявшие заботу об инвалидах, семьях погибших партизан, сиротах. Одновременно принимались меры по ликвидации неграмотности, по организации работы школ, университетов и других культурных учреждений.

7 марта 1945 г. было сформировано правительство Демократической Федеративной Югославии, в состав которого вошли представители компартии, беспартийные активные участники народно-освободительной борьбы и некоторые деятели эмигрантского правительства. Главой правительства и министром обороны был назначен И. Броз Тито. Ведущая роль в этом правительстве принадлежала представителям КПЮ⁴⁰.

Народные правительства были сформированы и во всех федеральных частях новой Югославии: 9 апреля 1945 г. было сформировано народное правительство Сербии, 14 апреля — Хорватии, 16 апреля — Македонии, 17 апреля — Черногории, 28 апреля — Боснии и Герцеговины, 5 мая — Словении. Югославия вышла из войны с новым государственным аппаратом — от низовых звеньев до высших органов власти⁴¹.

Народная власть приступила к проведению мероприятий, обеспечивающих переход основных средств производства в общественную собственность. Военные прибыли югославских капиталистов, а также имущество предателей были конфискованы. Так как большая часть югославской буржуазии сотрудничала с оккупантами, то и большинство промышленных предприятий, а также банки подверглись конфискации. На собственность иностранных капиталистов был наложен секвестр. Так постепенно фактически осуществлялась национализация промышленности и банков. Коммунистическая партия Югославии выступила инициатором мероприятий по экспроприации буржуазии. КПЮ при этом подчеркивала, что будет ре-

³⁹ Там же, 239—240.

⁴⁰ «Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне». М., 1972, стр. 289.

⁴¹ «История Югославии», т. II, стр. 254.

шитительно продолжать борьбу за ликвидацию эксплуатации человека человеком и создание условий для организации производства на социалистических началах.

Сразу же после окончания военных действий развернулась подготовка аграрной реформы, узаконенной в августе 1945 г. Земля у крупных землевладельцев и пособников оккупантов была отобрана и передана тем, кто ее обрабатывал⁴².

Большое значение в жизни югославского народа имела Третья сессия АВНОЮ, проходившая в августе 1945 г. в Белграде. К этому времени повсеместно укрепились новые органы власти — народно-освободительные комитеты, были достигнуты успехи в восстановлении экономики страны, в культурном строительстве.

Сессия одобрила все акты, принятые Президиумом АВНОЮ в период между Второй и Третьей сессиями; была одобрена резолюция АВНОЮ о Санджаке от 29 марта 1945 г. — о присоединении частей Санджака к Сербии и Черногории и резолюция областного собрания Косово и Метохии, состоявшегося в Призрене 8—10 июля 1945 г., на основании которой Косово и Метохия присоединились к Сербии. Сессия также одобрила решение Первого собрания народных представителей Воеводины о присоединении к Сербии автономной территории Воеводины.

В числе важных решений Третьей сессии было решение о переименовании АВНОЮ во Временную народную скупщину. Временная народная скупщина приняла законы о выборах в Учредительное собрание, о свободе печати, объединений и собраний, закон об аграрной реформе⁴³.

Временная народная скупщина выполнила сложную законодательную работу, в результате которой стало возможным назначить дату проведения и провести всенародные выборы в Учредительную скупщину. За время до созыва Учредительной скупщины были изданы законы об избирательных списках, об Учредительном собрании, о выборе народных представителей в Учредительное собрание и другие.

Во время кампании по выборам в Учредительную скупщину югославская реакция активизировалась, стремясь расколоть Народно-освободительный фронт, подорвать позиции народной власти, спровоцировать вмешательство западных держав. Но защитники старого строя не имели опоры в массах и потерпели поражение. Заместитель премьер-министра М. Грол, а затем министры И. Шубашич и Ю. Шутей ушли в отставку.

Выборы в Учредительную скупщину состоялись 11 ноября 1945 г. В их ходе избирались депутаты в Союзное вече и Вече народов. Для выбора депутатов обеих палат в списки избирателей было внесено 8 383 455 человек. В выборах депутатов в Союзное вече приняли участие 7 432 469 (88,66%) избирателей. Список Народного фронта Югославии получил 6 725 047 (90,48%) голосов, а оппозиция получила 707 422 голоса (9,52%). При выборах депутатов в Вече народов приняли участие 7 413 214 избирателей (88,43%). За список Народного фронта Югославии голосовало 6 574 975 (88,69%) избирателей, а за оппозицию — всего 838 239 (11,30%).

Согласно свободно выраженной воле всех народов Югославии Учредительная скупщина на совместном заседании Союзного веча и Веча народов на основании законных решений обеих палат постановила провозгла-

⁴² «Службени лист ДФЈ», 1945, № 64.

⁴³ Нами не рассматриваются вопросы, связанные с борьбой возглавляемого КПЮ Народного фронта с внутренними буржуазными силами, опиравшимися на поддержку реакционных кругов Англии и США, за утверждение завоеваний революции в 1944—1945 гг. Эти проблемы детально исследованы в статьях Л. Я. Г и б и а н с к о г о (см. «Советское славяноведение», 1967, № 1 и 1968, № 6).

сить Демократическую Федеративную Югославию народной Республикой под названием: Федеративная Народная Республика Югославия. Этим решением от имени всего народа Югославии окончательно была упразднена монархия в Югославии, а Петр II Карагеоргиевич лишился всех принадлежавших ему и династии Карагеоргиевичей прав.

1 декабря 1945 г. скупщина приняла решение об утверждении всех актов АВНОЮ, а 31 января 1946 г. после всенародного обсуждения была принята первая Конституция Федеративной Народной Республики Югославии, закрепившая политические и социально-экономические завоевания трудящихся. Конституция законодательно закрепила переход государственной власти в руки народных масс в лице народных комитетов, народных собраний республик и Народной скупщины ФНРЮ.

Югославская народная революция победила. Она одержала победу благодаря союзу рабочего класса и трудового крестьянства, который сложился в годы народно-освободительной войны. Под руководством Коммунистической партии Югославии рабоче-крестьянский союз стал мощной силой, обеспечивающей национальное и социальное освобождение народов Югославии. В ходе этой войны решались не только задачи национального освобождения, но и осуществлялись социально-экономические преобразования социалистического характера. Эти преобразования свидетельствовали о том, что в Югославии развивалась социалистическая революция, в ходе которой проявились общие закономерности революционного преобразования мира, начатого Великой Октябрьской революцией.

Великая победа Советского Союза, изменившая соотношение сил на мировой арене в пользу демократии и социализма, создала благоприятные условия для победы революции в Югославии. Советский Союз оказал всемерную поддержку освободительной борьбе югославского народа.

Принятием конституции 1946 г. завершился важный этап в строительстве новой Югославии как народно-демократического государства. Конституция стала правовой основой для дальнейшего развития социалистических отношений в стране.

М. ИЛЯХИН

РАБОЧИЙ КЛАСС БОЛГАРИИ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ И ПРОВЕДЕНИЯ ВООРУЖЕННОГО ВОССТАНИЯ 9 СЕНТЯБРЯ 1944 ГОДА

9 сентября 1944 г. болгарский народ под руководством своей коммунистической партии, используя благоприятную обстановку, сложившуюся в результате разгрома Советской Армией гитлеровских войск на Балканах, сверг ненавистный монархо-фашистский режим и приступил к строительству нового, народно-демократического государства.

Всенародное вооруженное восстание 9 сентября 1944 г. является одной из славных страниц истории Болгарии. С его победой впервые болгарский народ стал хозяином своей страны.

Победа, одержанная в сентябре 1944 г., была подготовлена многолетней борьбой болгарского народа за свободу и независимость. Болгарский рабочий класс шел в первых рядах борцов против монархо-фашистского режима. «Победа эта является закономерным результатом революционной борьбы болгарского рабочего класса в союзе с трудящимися города и села под руководством партии против фашизма и капитализма, при решающей помощи Советской Армии»¹, — говорится в Отчетном докладе ЦК БКП VII съезду партии.

Развитие капитализма приводило к росту промышленного пролетариата². Рабочий класс Болгарии начал складываться позднее, чем пролетариат Западной Европы. Численность его рядов неизменно возрастала, за два десятилетия между первой и второй мировыми войнами — почти на 80 тыс. человек³. Наиболее высокая концентрация рабочих была в угольной промышленности. Накануне второй мировой войны на 75 шахтах страны было занято 19 742 рабочих, то есть в среднем по 270 человек на каждой шахте⁴. Сравнительно высокая их концентрация наблюдалась в текстильной, металлообрабатывающей и бумажной промышленности.

При рассмотрении вопроса о концентрации рабочего класса Болгарии следует учитывать и то обстоятельство, что накануне революции Болгария располагала сравнительно широкой сетью промышленных центров, являвшихся и центрами революционной борьбы пролетариата. Всего по переписи 1934 г. в Болгарии было зарегистрировано 97 городов, в том

¹ «VII конгрес на Българската комунистическа партия, 2—7 VI 1958 г.». Стенографски протоколи. София, 1958, стр. 109.

² См. Л. Б. В а л е в. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период второй мировой войны). М., 1964, стр. 45—47.

³ Л. Б е р о в. Положението на работническата класа в България при капитализма. София, 1968, стр. 114.

⁴ Т. П о л я к о в. Планиране на народното стопанство в НР България. София, 1949, стр. 86.

числе пять городов с населением от 30 до 100 тыс., один — с населением свыше 100 тыс. и один (София) — 287 тыс. Причем, накануне второй мировой войны в 1939 г. численность жителей столицы достигла 375 тыс.⁵

В 1944 г. в городах Болгарии было сосредоточено 53,8% промышленных предприятий, причем наиболее крупных. В восьми городах страны сосредоточено было 50% промышленных рабочих⁶.

«Большие города, — писал Ф. Энгельс в 1845 г., — очаги рабочего движения: в них рабочие впервые начали задумываться над своим положением и бороться за его изменение, в них впервые выявилась противоположность интересов пролетариата и буржуазии...»⁷.

Анализируя причины и предпосылки победы российского пролетариата в 1917 г., В. И. Ленин отмечал, что победы эти были предрешиены в значительной степени тем обстоятельством, что большевики завоевали прочные политические позиции в крупных городах. «Деревня не может быть равна городу в исторических условиях этой эпохи, — писал он в этой связи. — Город неизбежно *ведет за собой* деревню... Вопрос только в том, *какой класс* из „городских“ классов сумеет вести за собой деревню...»⁸.

Промышленный пролетариат Болгарии являлся не только мощной силой, что было обусловлено его численностью и концентрацией, но и высокоорганизованной силой. Для того чтобы пролетариат в решающий момент оказался достаточно сильным и мог победить, необходимо, подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс, чтобы он образовал особую партию, отдельную от всех других и противостоящую им, сознающую себя как классовая партия⁹.

Болгарский промышленный пролетариат располагал такой организацией. Болгарская коммунистическая партия — одна из старейших в Европе. Ее влияние и популярность среди рабочего класса были значительно шире и сильнее, чем других политических партий и течений, не исключая и социал-демократов, авторитет которых был весьма невысок. Влияние коммунистов особенно прочным было в крупных промышленных центрах — Софии, Пловдиве, Сливене, Русе, Варне.

Поскольку в дореволюционной Болгарии почти полностью отсутствовала тяжелая индустрия, за исключением угольной промышленности, а была развита легкая промышленность, «наиболее многочисленными и боевыми отрядами рабочего класса были текстильщики и табачники»¹⁰. Именно в таких отрядах рабочего класса как текстильщики, шахтеры, табачники, Болгарская коммунистическая партия обрела твердую опору.

В годы второй мировой войны Болгарская коммунистическая партия — тогда БРП(к) — работала в исключительно сложных условиях. «Несмотря на то, что среди всех запрещенных партий БРП(к) была самой гонимой, она сумела сохранить свои основные организации, кадры, влияние и продолжала функционировать как организованная политическая сила»¹¹. Все же другие партии, в том числе и Болгарский земледельческий народный союз, в организационном отношении были слабы.

Основной формой борьбы как против немецко-фашистских войск, так и против монархо-фашистской диктатуры в этот период являлась борьба

⁵ К. Л а з а р о в. Кратък очерк по икономическа география на България. София, 1949, стр. 86.

⁶ В. Г е о р г и е в. Общият работнически професионален съюз в България (1944—1947). София, 1967, стр. 9.

⁷ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 2, стр. 354.

⁸ В. И. Л е н и н. Полн. собр. соч., т. 40, стр. 5.

⁹ См. К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч., т. 37, стр. 275.

¹⁰ Р. П. Г р и ш и н а. Отечественный фронт Болгарии после победы восстания 9 сентября 1944 года. «Советское славяноведение», 1973, № 3, стр. 4.

¹¹ Там же, стр. 5.

вооруженная. Промышленный пролетариат Болгарии обладал немалым опытом вооруженной борьбы, который он успешно использовал в период всенародного восстания 9 сентября 1944 г.

По призыву ЦК партии тысячи коммунистов, перейдя на нелегальное положение, выступили организаторами первых партизанских отрядов и боевых групп. Среди партизан было много партийных, профсоюзных и комсомольских (ремсисы) работников. Так, в 1-й Родопской бригаде 59,5% партизан были коммунистами, причем 25,6% из них вступили в партию до 1936 г., были и коммунисты, вступившие в партию до 1923 г.¹² Коммунисты являлись ядром партизанской бригады, которая выделялась дисциплиной и высокой боеспособностью.

Непосредственное участие в партизанском движении принимал Тодор Живков, один из руководителей Софийской городской и окружной партийных организаций. В 1943 г. ЦК партии направил его уполномоченным в Ботевградский край для организации и руководства партизанским движением. В июле 1944 г. его назначают заместителем командира 1-й военной оперативной зоны с центром в Софии. Он непосредственно участвует в руководстве боевыми акциями прославленной партизанской бригады «Чавдар» против немецких и болгарских фашистов¹³.

Рабочие составили основной костяк партизанских отрядов¹⁴. В некоторых партизанских подразделениях прослойка рабочих-партизан была довольно значительна. Так, социальный состав партизан II повстанческой оперативной зоны (Пловдив) характеризуется следующими данными¹⁵:

Социальный состав	Количество человек	%
Рабочие	736	40,3
Крестьяне	645	35,32
Студенты и школьники	286	15,6
Ремесленники	65	3,55
Служащие	45	2,3
Другие категории	49	2,93
Всего	1826	100,0

Доля рабочих в партизанском отряде «А. Иванов» 1-й Родопской бригады составила 63,5%. В частях 3-й Народно-освободительной бригады «Г. Димитров» она была равна 32,1%.

Об авангардной, ведущей роли рабочих в партизанском движении говорил Георгий Димитров на XXVII съезде БЗНС (декабрь 1947 г.). «Случаен ли факт, — отмечал он, — что до 9 сентября в развивающемся партизанском движении, в партизанской борьбе против немецких оккупантов

¹² Д. Д о ч е в. Социально-классовая характеристика на Първата Родопска бригада «Георги Димитров». «Исторически преглед», 1969, № 2—3, стр. 46—47.

¹³ «Стенографски дъвници на Великото Народно събрание. Открито на 7 ноември. Дял 1, книга II». София, 1947, стр. 783.

¹⁴ Некоторые данные о социальном составе частей Народно-освободительной повстанческой армии, подразделений партизанского движения и боевых групп содержатся в следующих работах и документах: Стенографски протокол на Първи Национален конгрес на ОРПС. Центр. архив ВЦСПС, ф. 1, оп. 10, ед. хр. 30, л. 167; оп. 10-а, ед. хр. 59, л. 187, 202; Ст. В е л и к о в. Организации и борби на кожаро-обущарските и каучуковите работници в България. 1878—1944. София, 1963, стр. 150—157; «Трудове на Военната академия „Г. С. Раковски“». София, 1960, стр. 216—233; В. И в а н о в. Социалистическата революция и работническата класа в България. София, 1969, стр. 48; М. Е р е л и й с к а. Въръжената борба във Втора въстаническа оперативна зона 1941—1944. София, 1965, стр. 347—348; Д. Д о ч е в. Социально-классовая характеристика на Първата Родопска бригада «Георги Димитров». «Исторически преглед», 1969, № 2—3.

¹⁵ М. Е р е л и й с к а. Въръжената борба..., стр. 347—348.

и против монархо-фашистской диктатуры в Болгарии наиболее активно участвовали люди из рабочего класса, а члены Земледельческого союза, хотя и не стояли в стороне, но лишь помогали этой борьбе как сочувствующие, снабжали партизан продовольствием, выполняли большую полезную работу, но играли лишь вспомогательную роль? Случайно ли это? Нет. Это отнюдь не случайно»¹⁶.

Наряду с вооруженной борьбой, несмотря на массовый террор и жестокое преследования революционных сил, существовали и другие формы борьбы болгарского пролетариата: стачки, манифестации, демонстрации, обращения от имени рабочих с петициями и требованиями к правительственным органам и т. д.¹⁷.

Профессиональные союзы Болгарии имели большой опыт организации и ведения стачечной борьбы, в том числе в условиях военного времени, в условиях нелегального положения. Показательна в этом отношении стачка табачников, текстильщиков и рабочих других отраслей промышленности в июне 1940 г.¹⁸.

Летом 1941 г. текстильщики Софии, Пловдива и других городов снова провели несколько забастовок. Стачки состоялись на шахтах, на железнодорожном транспорте и в других отраслях промышленности. В ноябре 1941 г. стачки произошли на ряде текстильных предприятий.

В 1942 г. в Болгарии было 70 стачек, в которых участвовало около 20 тыс. трудящихся¹⁹. Наиболее массовой из них была стачка табачников Асеновграда, состоявшаяся в сентябре того же года. В 1941—1942 гг. стачечная борьба велась за улучшение экономического положения трудящихся. Тем не менее эта борьба носила явно выраженный политический характер. Наряду с экономическими требованиями все чаще и чаще выдвигались лозунги об изгнании немецких войск из страны, за дружбу с Советским Союзом.

Борьба болгарского пролетариата вступила в новую фазу летом 1942 г., когда по инициативе коммунистов был создан Отечественный фронт. В Болгарии основой Отечественного фронта, единства антифашистских сил в годы второй мировой войны явился союз партии коммунистов и Земледельческого народного союза.

Рабочему классу Болгарии принадлежит решающая роль в создании народного фронта. Он смог сплотить вокруг себя всех трудящихся, все демократические и антифашистские силы. Несмотря на многопартийный состав Отечественного фронта, в его комитетах преобладали коммунисты, поскольку «единственно организованной и активной силой в стране была Рабочая партия, организации же ее союзников только что начали создаваться, и их влияние среди трудящихся было слабым»²⁰.

¹⁶ Г. Димитров. Съч., т. 13, стр. 346.

¹⁷ Л. Б. Валева. Болгарский народ в борьбе против фашизма (Накануне и в начальный период второй мировой войны), стр. 223—242; Н. Горпенски. Взоружената борба на българския народ за освобождение от хитлерската окупация и монархо-фашистката диктатура, 1941—1944. София, 1958, стр. 46—47; В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби на работническата класа в България. София, 1960, стр. 537—538.

¹⁸ Вопрос о роли нелегальных революционных профессиональных союзов в организации июньской забастовки 1940 г. обстоятельно освещен в вышеназванной работе Л. Б. Валева, см. стр. 224—236, 241—242. Некоторый фактический материал по этому же вопросу имеется в работах: В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби..., стр. 540—546; «История на профсъюзното движение в България». Второ преработено и допълнено издание. София, 1973, стр. 529—530.

¹⁹ «Работническата класа, профсъюзите, социализмът». Сб. София, 1971, стр. 123.

²⁰ Г. Димитров. Съч., т. II, стр. 303.

Сплочению сил рабочего класса, всех трудящихся Болгарии в период подготовки вооруженного восстания содействовала разработанная в 1942 г. по инициативе Загранбюро ЦК БРП(к) и лично Георгия Димитрова программа Отечественного фронта, предусматривавшая освобождение страны от гитлеровского ига и свержение ненавистной народным массам монархо-фашистской диктатуры.

В движении Отечественного фронта нашло свое отражение своеобразное слияние в годы второй мировой войны «революционной борьбы болгарского рабочего класса и трудящихся масс против капитализма с борьбой всего народа против фашизма и империализма, за социальное и национальное освобождение на широкой демократической платформе»²¹.

Массовая борьба болгарского рабочего класса против фашизма достигла наивысшего подъема в августе 1944 г., когда Советская Армия стремительно приближалась к болгарской границе. В Болгарии созревала революционная ситуация, складывались условия для массового народного антифашистского восстания.

Исходя из достигнутых результатов массовой борьбы рабочего класса, партия взяла курс на подготовку к вооруженному восстанию, которую она осуществляла в строгом соответствии с марксистско-ленинским учением о восстании как наивысшем, кульминационном моменте революционной борьбы, как истинном искусстве. Болгарские коммунисты использовали богатый опыт вооруженного восстания в России в 1905—1907 гг., опыт КПСС.

В деле революционизирования и организации масс в период подготовки и проведения восстания 9 сентября 1944 г. важную роль сыграло Заграничное бюро ЦК БРП(к). Исходящие из этого органа партии директивные указания, призывы, пропагандистские и информационные материалы передавались для Болгарии двумя радиостанциями — «Христо Ботев» и «Народен глас», расположенными на территории Советского Союза²².

Г. Димитров, являвшийся в то время одним из руководителей Коминтерна и возглавлявший Загранбюро ЦК БРП(к), уделял большое внимание работе этих радиостанций и вообще организации антифашистской борьбы в Болгарии.

В канун вооруженного восстания в Болгарии 8 сентября 1944 г. Г. Димитров передал радиограмму ЦК БРП(к), в которой высказал свое отношение к правительству К. Муравиева, определившее стратегию партии в тот самый сложный исторический момент²³. Сразу же после победы восстания и установления власти правительства Отечественного фронта Г. Димитров направил в адрес ЦК БРП(к) ряд директивных указаний.

В общем арсенале средств вооруженного восстания партия коммунистов большое значение придавала массовым формам борьбы промышленного пролетариата и особенно всеобщей политической стачке, рассматривая ее как важную форму борьбы. В своем циркуляре от 26 августа 1944 г. Центральный комитет БРП(к) призвал всех членов партии незамедлительно приступить к организации всенародной борьбы «путем проведения собраний, митингов, демонстраций, путем организации и вовлечения рабочих, железнодорожников и всех государственных служащих в политические стачки, путем организации всеобщей политической стачки»²⁴.

²¹ Т. Ж и в к о в. Избранные речи, доклады, статьи. 1942—1959. София, 1965, стр. 492.

²² См. В. Р. С о ш е н к о. К истории деятельности радиостанций «Христо Ботев» и «Народен глас». «Советское славяноведение», 1974, № 1, стр. 27—39.

²³ «Известия на Института по история на БКП», 1972, № 27, стр. 10.

²⁴ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт. Септември 1944 — май 1945 г.». Сб. документи. София, 1969, стр. 16.

Историческое значение этого документа состоит в том, что в нем были сформулированы конкретные практические задачи партии, Отечественного фронта, Народно-освободительной повстанческой армии, всего болгарского народа в деле подготовки решающего штурма фашизма — вооруженного народного восстания.

Оценку революционной ситуации и выработку курса на вооруженное восстание партии коммунистов приходилось производить в сложной обстановке.

В начале сентября 1944 г. монархо-фашистские силы предприняли еще одну попытку спасти монархию и сохранить союз с фашистской Германией. С этой целью 2 сентября правительство И. Багрянова было заменено правительством так называемой «легальной оппозиции». Новое правительство возглавил К. Муравиев, предложивший Отечественному фронту выделить двух-трех своих представителей в состав правительства.

Однако партия коммунистов и Национальный комитет Отечественного фронта разоблачили этот провокационный маневр и отклонили предложение. Несмотря на то, что правительство К. Муравиева формально заявило о разрыве с Германией и о переходе на сторону союзников, взятый партией коммунистов курс на вооруженное восстание остался неизменным. В день образования нового, коалиционного правительства, 2 сентября 1944 г., на совместном заседании Политбюро ЦК БРП(к) и членов Главного штаба Народно-освободительной повстанческой армии было выработано решение, в котором говорилось, что новое правительство не способно извлечь необходимые выводы из внутреннего и внешнего положения страны и еще раз был подтвержден курс на вооруженное восстание. Руководящие органы партии коммунистов и революционных вооруженных сил обязали боевые отряды «вступить в крупные города и принять участие в демонстрациях и во всеобщих стачках»²⁵.

В первые дни сентября крупная волна стачек прокатилась по таким городам как София, Перник, Пловдив, Асеновград²⁶. Вспыхнувшая 3 сентября стачка на цементном заводе «Гранитоид» продолжалась четыре дня²⁷.

Софийский пролетариат одним из первых в стране начал подготовку к всеобщей политической стачке. В тот же день, когда была получена директива ЦК БРП(к) от 26 августа, Софийский городской комитет партии обсудил на своем заседании вопрос о политической мобилизации трудящихся масс столицы. Решено было незамедлительно приступить к организации массовых акций и начать подготовку к всеобщей политической стачке рабочих софийских фабрик и заводов. Партийная организация столицы привлекла к этой работе профсоюзные комиссии и профсоюзный актив, деятельность которых в тот период значительно активизировалась²⁸.

Была издана и распространена листовка, в которой софийский пролетариат призывался выступить во главе политической стачки. Листовка была распространена на всех предприятиях столицы²⁹.

С помощью районных боевых групп на ряде предприятий: «Кабо», «Мушанов», «Елбека», «Пепеде», «Котва», «Люлин», «България», «Н. Рачев» и других фабриках и заводах столицы были проведены массовые собрания рабочих, на которых докладчики от Софийской профсоюзной

²⁵ «Девети септември (спомени)». София, 1957, стр. 12.

²⁶ В. Хаджиниколов, Д. Младенов, М. Исусов, А. Георгиев, В. Василев. Стачните борби..., стр. 571.

²⁷ «Работническата класа...», стр. 125.

²⁸ «В бой с фашизма. 1941—1944». Сб. София, 1964, стр. 222.

²⁹ «Девети септември...», стр. 75, 76, 89—91.

комиссии разъясняли внутреннее и международное положение страны, а также цели и задачи всеобщей политической стачки³⁰.

На заседании от 26 августа 1944 г. Софийский городской комитет партии принял решение о том, что сигналом для начала всеобщей политической стачки в столице послужит забастовка работников трамвая. Подготовка ее началась с проведения совещания работников трамвайного парка, на котором были определены предстоящие задачи и избран стачечный комитет. Были изданы и распространены призывы партийной организации столицы, профсоюзной комиссии, комитета Отечественного фронта. В одном из воззваний было сказано: «Мы, трамвайщики, послужим примером для рабочих всей страны»³¹.

Работники столичного трамвая намеревались провести стачку 4 сентября. Однако о подготовке к стачке стало известно полиции, которая напала на след организаторов стачки. Она предприняла срочные меры для разгрома организаций, занимавшихся подготовкой стачки. Центральное трамвайное депо было окружено полицейскими; начались массовые репрессии и гонения. Были арестованы члены только что избранного стачечного комитета, коммунисты, профсоюзные активисты³². Правительство сделало заявление о том, что на трамвайщиков столицы будет распространен закон о гражданской мобилизации³³.

Однако предотвратить стачку ни правительству, ни полиции, перед которой была поставлена задача любыми средствами не допустить выступления столичных трамвайщиков, не удалось. Она была лишь перенесена с 4 на 6 сентября, и подготовка к ней стала проводиться с еще большей осторожностью, но и более энергично. Были выделены ответственные организаторы. Несмотря на свирепый полицейский террор, трамвайщики столицы утром 6 сентября организованно прекратили работу, более 80% трамваев Софии не вышли на линию³⁴. Задача, поставленная городским комитетом партии коммунистов перед рабочими-трамвайщиками, была выполнена. Население столицы не скрывало своих симпатий к бастующим трамвайщикам и, несмотря на возникшие в связи со стачкой трудностями, поддерживало их. Нередко жители освобождали арестованных или препятствовали полиции при проведении арестов. Стачка работников трамвая явилась одним из ярких выступлений пролетариата Софии против монархии. Она проводилась под политическими лозунгами: Долой монархо-фашистскую диктатуру! Вон немецких оккупантов! Власть Отечественному фронту!³⁵.

Выступление трамвайщиков подхватили другие отряды софийского пролетариата. В тот же день, 6 сентября, стачки вспыхнули на ряде предприятий столицы. Стачечные выступления сопровождались митингами и рабочими собраниями. Все попытки полиции предотвратить стачки не имели успеха. Движение трудящихся масс столицы остановить было невозможно. По инициативе ЦК БРП(к) было созвано совещание, в работе которого приняли участие члены Политбюро, представители Главного штаба Народно-освободительной повстанческой армии, Софийского городского комитета партии, Областного комитета Отечественного фронта и Штаба вооруженных революционных сил столицы. Было принято решение о проведении во второй половине дня массовой демонстрации³⁶. По призыву городского комитета партии во второй половине дня 6 сентября со-

³⁰ «История на профсъюзното движение в България». София, 1973, стр. 558.

³¹ «В бой с фашизма. 1941—1944», стр. 222.

³² «История на профсъюзното движение в България», стр. 559.

³³ «Работническата класа...», стр. 126.

³⁴ «История на профсъюзното движение в България», стр. 559.

³⁵ «Отечествен фронт», 7 IX 1944.

³⁶ «Девети септември...», стр. 77.

стоялись массовые митинги перед гостиницей «Славянская беседа», на площадях «Святая неделя» (ныне площадь им. В. И. Ленина) и «Возрождение»³⁷.

Правительство отдало распоряжение о разгоне демонстрантов с помощью оружия. И оно было применено. Было убито и ранено несколько человек. Однако участники массовых манифестаций совместно с боевыми группами и партизанскими подразделениями дали решительный отпор полицейским и разогнали их³⁸.

На другой день, 7 сентября, произошли выступления на ряде других предприятий столицы. Митинги были проведены на заводах «Кабо», «Пенеде», «Фурнир», «Декало» и др.³⁹. Состоявшийся в тот же день митинг на столичном вокзале проходил под охраной партизан, которые тайно вступили в Софию накануне. Некоторые полицейские, пытавшиеся открыть огонь по участникам митинга, были расстреляны партизанами⁴⁰. Митинг состоялся и в городском парке перед зданием «Дома матери»⁴¹.

На призыв Центрального комитета партии к болгарскому народу об организации массовых политических стачек и демонстраций откликнулись шахтеры Перника, крупнейшего в стране угольного бассейна. Городской партийный комитет на своем заседании от 2 сентября 1944 г. обсудил вопрос о подготовке к всеобщей политической стачке. Коммунисты Перника держались курса на перерастание всеобщей политической стачки в вооруженное восстание. Рано утром 7 сентября 1944 г. объявили политическую стачку рабочие шахты «Куциян» (ныне шахта «7 сентября»). Местная боевая группа с помощью партизан Радомирского отряда разоружила стражу трудового концлагеря при шахте. Затем горняки двух смен после митинга двухтысячной колонной отправились к дирекции шахты с тем, чтобы предъявить свои требования. По пути к ним присоединились рабочие других шахт⁴².

Во время стачки на шахте «Куциян» погибло шесть шахтеров и 23 были ранены⁴³.

Шахтеров Перника поддерживали рабочие других отраслей промышленности. Забастовка охватила буквально все предприятия и учреждения города, включая железнодорожников и работников магазинов. Стачка шахтеров переросла в мощную политическую демонстрацию трудящихся Перника⁴⁴. Выступление пролетариата Перника, закончившееся полной победой, положило начало массовому штурму монархо-фашистского режима. «Стачка горняков Перника послужила сигналом для проведения массовых политических стачек в Софии, Пловдиве и других городах, сигналом к всеобщему восстанию»⁴⁵, — говорилось в письме ЦК БРП(к) Георгию Димитрову.

Волна манифестаций и политических выступлений прокатилась и в таком крупном промышленном центре, как Плевен. В этом городе выступление

³⁷ «Исторически преглед», 1959, № 4, стр. 50; 1969, № 2—3, стр. 95.

³⁸ Н. Г о р н е н с к и. Въръжената борба..., стр. 289.

³⁹ Д. К о д ж е й к о в, В. Х а д ж и н и к о л о в, Я. Й о ц о в. Революционното профсъюзно движение в България. София, 1957, стр. 266.

⁴⁰ «Девети септември...», стр. 353.

⁴¹ «Исторически преглед», 1969, № 2—3, стр. 95.

⁴² «История на профсъюзното движение в България», стр. 560—561.

⁴³ «Първи свободен конгрес на профсъюза на рудничарите в България, състоял се на 16 IX 1945. във гр. Перник». Издава профсъюза на рудничарите в България, 1945, г., стр. 12.

⁴⁴ «Девети септември...», стр. 96—99; «Исторически преглед», 1959, № 4, стр. 98, 99; 1969, № 2—3, стр. 92; Н. Г о р н е н с к и. Въръжената борба..., стр. 290.

⁴⁵ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт», стр. 166.

пролетариата сразу же приняло характер вооруженного столкновения. В Плевене в то время был расквартирован весьма многочисленный гарнизон, который перешел на сторону восставших. 7 сентября 1944 г. рабочие Плевена овладели тюрьмой и освободили политических заключенных, которые присоединились к восставшим. Несколько человек было убито и ранено⁴⁶. На помощь рабочим пришли солдаты, не подчинившиеся своему командованию. Наиболее фашиствующие офицеры были убиты, многие арестованы⁴⁷. В ряде районов города комитеты Отечественного фронта взяли власть в свои руки и разогнали полицию⁴⁸.

Всеобщая стачка в портовом городе Варна началась рано утром 7 сентября. Восставшие освободили из тюрем политических заключенных, захватили городскую комендатуру, здание полиции. Рабочие боевые группы, партизаны, солдаты и матросы арестовали фашиствующих офицеров, а палача болгарского народа генерала Христова приговорили к смертной казни⁴⁹. Городской комитет обратился к населению с призывом о немедленном захвате власти комитетам Отечественного фронта⁵⁰. Переход власти в руки рабочих этого города имел очень важное значение. Варна представляла собой сильно укрепленный военный порт на побережье Черного моря, один из главных опорных пунктов гитлеровской Германии на Балканах. Восстание охватило и другие города Варненского округа, такие как Провадия, Добрич, Балчик и другие⁵¹.

Большое значение имела политическая стачка в Пловдиве. Подготовка к всеобщей политической стачке в этом промышленном центре началась по решению Пловдивского комитета БРП(к). По времени она должна была совпасть с наступлением партизанских бригад зоны. Первыми объявили стачку работники табачной промышленности. Их поддержали рабочие всех промышленных предприятий, транспорта, торговли. В результате массовых выступлений пловдивского пролетариата фашистская власть была здесь ликвидирована еще накануне всеобщего национального вооруженного восстания⁵².

8 сентября вспыхнула стачка и в таком крупном промышленном центре, как Габрово. Вооруженный пролетариат совместно с многочисленными политическими заключенными и партизанами разгромил силы местной полиции. Под руководством Окружного комитета БРП(к) была установлена власть Отечественного фронта⁵³.

6—8 сентября 1944 г. антифашистские выступления приняли широкий размах и в других промышленных центрах страны. Политические выступления пролетариата сливались с вооруженными действиями парти-

⁴⁶ «Исторически преглед», 1959, № 4, стр. 50, 51.

⁴⁷ «Девети септември...», стр. 453.

⁴⁸ «Исторически преглед», 1945, № 4, стр. 281.

⁴⁹ Там же, 1959, № 4, стр. 51.

⁵⁰ «Работническата класа...», стр. 124; «Девети септември...», стр. 211.

⁵¹ «Варненската окръжна организация на БРП. 1893—1944». София, 1965, стр. 4, 471—476.

⁵² См. «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт», стр. 166, 175; «Девети септември...», стр. 174—177; Н. Горненски. Въръжената борба..., стр. 290; «Исторически преглед», 1954, № 5, стр. 25; 1959, № 4, стр. 50—58; 1964, № 2—3, стр. 92.

⁵³ Стенографски протокол на Първи Национален конгрес на ОРПС. Центр. архив ВЦСПС, ф. 1, оп. 10-а, ед. хр. 59, л. 11. См. также Б. А т а н а с о в. Въръжената борба в Шеста въстаническа оперативна зона. София, 1968, стр. 145, 146; «Девети септември...», стр. 352—353; «Верни синове народни». София, 1957, стр. 432—439; «Исторически преглед», 1959, № 4, стр. 61; 1964, № 2—3, стр. 93; 1969, № 2—3, стр. 100; Н. Г о р н е н с к и. Въръжената борба..., стр. 290.

зан, солдат, матросов. Именно так развертывались события 8 сентября в Бургасе ⁵⁴, Асеновграде ⁵⁵, Шумене ⁵⁶, Пазаржике ⁵⁷ и других городах.

Учитывая созревание революционной ситуации в стране, партия призвала массы на решительный штурм монархо-фашистского режима. Восстание было намечено начать в ночь с 8 на 9 сентября 1944 г.

Политбюро ЦК Болгарской рабочей партии приняло решение о нанесении главного удара в столице — Софии. София была политическим, административным, промышленным, военным центром страны и крупным железнодорожным узлом. София была главным опорным пунктом монархо-фашистского правительствa, которое предприняло ряд мер для подавления революционных сил. В начале сентября правительство Муравиева фактически установило в столице осадное положение. Генеральный штаб буржуазной армии срочно был переведен в Софию. Правительство Муравиева располагало внушительным перевесом в вооруженных силах по сравнению с вооруженными силами революции ⁵⁸.

От разгрома контрреволюционных сил в Софии зависела прежде всего судьба революции. Столичный пролетариат являлся наиболее передовой и сознательной частью болгарского рабочего класса. Высокая концентрация столичного пролетариата на крупных фабриках и заводах, большой процент кадровых рабочих благоприятствовали политическому и организационному объединению трудящихся, а также революционной работе коммунистов в рабочих массах.

Рабочие Софии имели боевой и опытный политический авангард. Его действия организовывались и направлялись крепкой и сплоченной городской партийной организацией, объединявшей накануне восстания около двух тысяч коммунистов ⁵⁹. Софийская партийная организация являлась в то время крупнейшим и хорошо организованным отрядом коммунистической партии. В Софии партия сосредоточила главные вооруженные силы революции. Здесь находился Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии, который имел возможность непосредственно руководить подготовкой и нанесением главного удара.

Восстание в Софии началось со штурма здания министерства обороны в 2 часа 15 минут 9 сентября одной из частей Народно-освободительной повстанческой армии ⁶⁰ совместно с боевыми группами. Как только революционные силы блокировали важнейшие стратегические пункты столицы, изолировали и обезвредили правящую монархо-фашистскую верхушку, сформированное правительство Отечественного фронта в 6 часов 30 минут 9 сентября 1944 г. объявило о свержении власти буржуазии и обратилось к болгарскому народу с декларацией, в которой призвало комитеты Отечественного фронта на местах взять власть в свои руки.

В этот же день власть повсеместно перешла в руки Отечественного фронта и прежде всего в таких крупных промышленных центрах, как Перник, Пловдив, Варна, Габрово, Асеновград, Пазарджик, Бургас и других. Монархо-фашистская диктатура, находившаяся у власти с 1923 г., была свергнута и установлена народно-демократическая власть. «Народ встретил правительство Отечественного фронта с небывалым энтузиазмом и радостью» ⁶¹, говорится в циркуляре № 5 ЦК БРП(к) от 12 сентября 1944 г.

⁵⁴ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт», стр. 107.

⁵⁵ См. «Исторически преглед», 1959, № 4, стр. 58; 1964, № 2—3, стр. 92.

⁵⁶ «Труд», брой 203, 31 III 1971.

⁵⁷ «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт», стр. 166.

⁵⁸ «Исторически преглед», 1969, № 2—3, стр. 93.

⁵⁹ Там же, стр. 86.

⁶⁰ «Годишник на Музея на революционното движение в България». София, 1965, стр. 67.

⁶¹ См. «Установяване и укрепване на народнодемократичната власт», стр. 99.

Победа 9 сентября 1944 г. была подготовлена длительной и героической борьбой революционных сил внутри страны — рабочего класса и трудового крестьянства, всех демократических и патриотических сил Болгарии. «Победа социалистической революции 9 сентября 1944 г., — говорится в Программе БКП, — явилась закономерным результатом общественно-экономического развития, обострения противоречий капитализма, классовой борьбы пролетариата под руководством Коммунистической партии»⁶². Она была обеспечена прежде всего благодаря активности рабочего класса, вынесшего главную тяжесть борьбы против фашизма. Благодаря организованности и классовой сознательности болгарский промышленный пролетариат был самым боеспособным революционным классом. Он был заинтересован в окончательном уничтожении и искоренении фашизма.

Победа социалистической революции была обеспечена благодаря правильной политике рабочего класса по отношению к своему главному и основному союзнику — трудовому крестьянству, прежде всего к беднейшему крестьянству. В этом также проявилась одна из важнейших общих закономерностей социалистической революции.

Рабочий класс Болгарии успешно выполнил роль гегемона и авангарда социалистической революции благодаря наличию сильной, закаленной революционной партии и ее правильной политике, способствующей сплочению социалистического движения рабочего класса с самыми широкими демократическими движениями всего болгарского народа.

Одним из важнейших условий победы революции в Болгарии явилась всемерная поддержка, оказанная Советским Союзом освободительной борьбе болгарского народа.

⁶² «Программа на Българската комунистическа партия». София, 1974, стр. 53.

И. С. МИЛЛЕР

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИЙ. МЕСТО ПРОБЛЕМЫ В СОВОКУПНОСТИ ПРОЦЕССОВ ПЕРЕХОДА ОТ ФЕОДАЛИЗМА К КАПИТАЛИЗМУ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ¹

Важность темы, которой посвящена наша конференция, — «Формирование наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», не требует доказательства; мы рассматриваем проблему большого научного содержания, проблему многоплановую и сложную. По существу, предметом совместной разработки историков, этнографов, лингвистов, историков культуры могут быть вопросы формирования каждой из наций изучаемого региона, да и не раз уже симпозиумы и конференции такого типа проводились. Конференцию отличает соединение проблематики формирования наций в масштабах целого региона. Но это не единичное, обособленное предприятие, она задумана и организована как одно из звеньев изучения более широкой, комплексной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму» и в этом смысле, пожалуй, не имеет аналогий.

Избрание проблемы формирования наций как части комплексной проблемы продиктовано многими соображениями, и, организуя конференцию на эту тему, наш Институт ждет многого от нее в отношении развития исследований по всей комплексной проблеме. Именно на этой стороне вопроса я хочу остановиться в первую очередь.

Период перехода от феодализма к капитализму озаглавлен в истории европейских народов переменами гигантского масштаба во всех областях жизни

Это — существенный прогресс в развитии производительных сил, появление парового двигателя, машин, начало промышленного переворота, развитие новых средств транспорта и связи, переход к качественно новым методам агротехники, внедрение новых сельскохозяйственных культур, в частности картофеля, изменение демографической ситуации.

Это — генезис капитализма, разложение феодальных производственных отношений, развитие капиталистического уклада, формирование национального рынка, окончательное утверждение капитализма.

Это — кризис сословной структуры общества, формирование классов буржуазной эпохи, коренные перемены в социальной стратификации, приспособление феодальных институтов к потребностям капиталистического развития, появление и неуклонное расширение сферы действия буржуазного права собственности.

¹ Вводный доклад на конференции Института славяноведения и балканистики АН СССР. См. «Советское славяноведение», 1975, № 5.

Это — развитие прогрессивной общественной мысли, враждебной феодальной косности, сословному неравенству, обскурантизму, развитие культуры, проникнутой идеями Просвещения, утверждающей демократические идеалы и национальное достоинство, право нации на свободу и суверенитет.

Это — распространение грамотности и начального образования на светской основе, развитие газетного дела и журналистики, значительное расширение сферы восприятия передовой общественной мысли, культуры, литературы на родном языке и — как обратное воздействие — демократизация культуры, насыщение ее антифеодальным содержанием.

И, наконец, весь период перехода от феодализма к капитализму пронизывает борьба народных масс против феодального гнета, против абсолютизма, борьба формирующейся нации против национального неравноправия, против национального угнетения.

Все это черты переходной эпохи, когда феодализм уже клонился к упадку, а капитализм еще не восторжествовал, черты, которые определяли созревание объективных и субъективных условий приближавшейся буржуазной революции, призванной опрокинуть обветшалый феодальный строй, расчистить путь для развития общества в рамках более прогрессивной — капиталистической формации.

И среди всех этих явлений в базе и надстройке, в сфере экономики, социальных отношений, политической жизни, идеологии, культуры определенное место занимает **формирование нации**. Эта проблема значима сама по себе, но у нее есть особенность, выделяющая ее из всего круга названных выше проблем. При всей взаимосвязанности и взаимозависимости многообразных аспектов переходного периода нигде эта взаимосвязь не выражается столь выпукло, как в проблематике формирования нации, проблематике, представляющей собою как бы перекресток всех линий развития общества — от материального производства до вершин идеологии. Каждый из аспектов развития нации накладывал отпечаток на ее формирование и в то же время испытывал обратное воздействие этого процесса, приобретал черты национального своеобразия, которые отличают в истории разных народов этот единый по существу этап их развития.

Есть еще одна специфическая особенность рассматриваемой проблемы, дающая основание охарактеризовать ее как уникальную по изначально присущей ей внутренней комплексности. Формирование нации представляет собою процесс, производный от других объективных процессов — социально-экономических, лингвистических и иных, независимых от субъективной воли участвующих в них людей. Но вместе с тем на процесс формирования нации накладывает отпечаток, нередко определяет динамику и конечные результаты этого процесса активное вмешательство субъективного начала, проявляющегося в идеологии, культуре, а подчас и без успеха оказывающего воздействие и на развитие таких объективных факторов, как литературный язык и даже экономика. Диалектичность процесса, о котором можно сказать, что нация формируется и нация «формирует себя», в немалой мере усложняет его изучение, тем более, что изучение это неминуемо вынуждено опираться на источники, далекие от объективной точности и беспристрастности, на источники, целенаправленно или бессознательно деформирующие явления, мифифицирующие их. И это отнюдь не чисто исследовательский аспект дела. Формирование нации представляет собой в истории каждого народа, каждой нации этап развития особой важности. С ним, как правило, связаны социально-психологические стереотипы и исторические, историко-культурные традиции непреходящего значения. Поэтому рассматриваемая нами проблема,

несмотря на то, что мы имеем дело с фактами двухвековой или вековой давности, сохраняет большую остроту и не только академический интерес.

Нельзя исследовать формирование нации без учета всех многочисленных аспектов этого процесса. Нельзя полноценно организовать такое исследование без координации усилий историков различных специальностей, этнографов, лингвистов, литературоведов, искусствоведов. В этом серьезная трудность данной задачи, трудность собственно научная и трудность организационная. Но в то же время ни одна из проблем развития общества в период перехода от феодализма к капитализму не создает таких органических условий сотрудничества представителей разных специальностей, такого естественного объединения в разработке комплексной проблематики.

Поэтому выбор для конференции по комплексной проблеме «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму» темы «Формирование наций» диктовался и значением этой темы самой по себе, и теми перспективами объединения представителей разных специальностей, разных профилей, которое должно оказаться полезным и в ходе дальнейшей работы над иными аспектами комплексной проблемы.

Программа конференции показывает, что пока еще не достигнута интеграция специалистов разных отраслей: еще недостаточно включились в общую работу этнографы, не удалось привлечь к участию в ней историков-экономистов. Следует учесть это в дальнейшей работе, в частности при подготовке проблемного труда «Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе», перспективу которой определит наша конференция. Важным успехом уже в момент открытия конференции мы можем считать широту контакта в рассмотрении комплексной проблемы историков и лингвистов, контакта в масштабе беспрецедентном для нашего Института. Мы высоко ценим участие в работе конференции Института славяноведения и балканистики АН СССР наших зарубежных коллег и надеемся, что сотрудничество по данной комплексной проблеме будет продолжено и расширено в дальнейшем.

Итак, формирование каждой нации представляет собой научную проблему большой значимости, проблему большой сложности. Но наша конференция имеет целью рассмотреть проблему формирования большой группы наций, населяющих значительную часть Европы, наций как близких по происхождению, языку, истории, традициям, так и далеких этнически, но живущих бок-о-бок на протяжении многих веков. Таким образом, наряду с задачей комплексного изучения; наша конференция выдвигает задачу взаимосвязанного и сопоставительного изучения. На конференции представлено почти одинаковое количество докладов и сообщений, посвященных проблеме формирования одной нации или отдельным аспектам этой проблемы, и докладов и сообщений, построенных на материалах нескольких наций. Впрочем, и в докладах, посвященных одной нации, также используется методика сравнительно-исторического исследования или они подводят к постановке вопросов этого плана. Представляется, что сочетание этих двух типов докладов вполне закономерно и плодотворно, подобно многоаспектности подхода к проблеме в целом.

Сравнительно-историческое изучение не обязательно предполагает непосредственную связь изучаемых объектов. Вспомним известный труд Иоахима Лелевеля «Историческая параллель Испании и Польши в XVI, XVII и XVIII столетиях», труд, который стоял на уровне передовой исторической мысли своего времени. При этом труд Лелевеля не был отвлеченным теоретическим трактатом, он был тесно связан с актуальными задачами польского освободительного движения накануне восстания 1830 г.

В отличие от подобных тем, проблематику, рассматриваемую нами, связывает воедино не только содержание, она имеет четкие, исторически обоснованные пространственные и временные рамки. Нам приходилось в Институте славяноведения и балканистики не один раз обмениваться мнениями относительно закономерности рассмотрения Центральной и Юго-Восточной Европы как региона, объединенного общностью судеб населяющих этот регион народов на разных этапах истории. Закономерным и обоснованным представляется выделение этого региона и для изучаемой нами эпохи перехода от феодализма к капитализму, в пользу чего можно привести серьезные аргументы из области социально-экономической, политической, культурной истории. Подтверждает ли эту точку зрения та проблематика, которой посвящена наша конференция, — формирование наций? Поставленный вопрос не затрагивает основного и общего для всех наций положения, что формирование их относится к периоду возникновения и утверждения капиталистического способа производства. Однако исторические условия, в которых начиналась эра капитализма, а с нею и формирование наций, отличались в Центральной и Юго-Восточной Европе специфическими чертами. При всем различии тех этноисторических общностей, которые сложились в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы, и при существенных отличиях, характеризующих два основных составляющих его субрегиона — балканский и средневропейский, — нации, сформировавшиеся в этом историко-географическом ареале, объединяют между собой и в то же время отличают от наций, сформировавшихся в западной части Европы, важные черты.

Во-первых, капитализм возник и развивался в этом регионе позднее, чем в передовых странах Западной Европы, что существенно сказывалось на социально-экономической и политической обстановке его развития. Как эти обстоятельства, так и специфика предшествующего развития феодальных отношений в европейских странах к востоку от Эльбы (Лабы) и незавершенность в большинстве стран этого региона буржуазных революций привели к утверждению здесь капитализма с сохранением значительных феодальных пережитков в социально-экономической области, политической структуре, духовной жизни общества. Развитие капитализма в сельском хозяйстве по «прусскому пути» существенно отличало восток Европы от Англии, Нидерландов, Франции, прирейнской Германии.

Во-вторых, если на западе Европы формирование наций происходило в нормальных для капиталистического периода² условиях национальных государств (Англия, Франция, скандинавские государства), либо в процессе борьбы за воссоединение государства на национальной основе (Германия, Италия), то в регионе Центральной и Юго-Восточной Европы существовали сложившиеся еще в XVI—XVIII столетиях многонациональные государства. Два из них — Австрийская и Османская империи, охватывающие почти весь рассматриваемый регион, — были государствами, в каждом из которых господствующая нация составляла лишь меньшинство, к тому же формирование ее в силу конкретных исторических условий отставало от формирования наций оттесненных.

В-третьих, формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе протекало в условиях национально-освободительной борьбы. Все эти нации находились на положении наций оттесненных — либо на протяжении всего периода, либо были низведены на это положение уже на стадии формирования наций, как поляки, либо, добившись, независи-

² См. В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 259.

мости на части национальной территории, как сербы, греки, румыны, а к концу периода и болгары, продолжали борьбу за полноту национального суверенитета и за освобождение всей национальной территории.

Национальное движение в различных формах и в различной степени остроты было характерной чертой общественной жизни народов Центральной и Юго-Восточной Европы в период перехода от феодализма к капитализму, чертой, составляющей специфику данного региона в эту историческую эпоху.

Но так же как рассматриваемая нами проблема имеет четкие пространственные рамки, она может быть обоснованно ограничена во времени. Хотя интенсивность процесса формирования наций была неодинакова и завершение этого процесса, в основном относящегося ко второй половине XIX в., не было одновременным, тем не менее процесс этот может рассматриваться в сопоставлении и во взаимосвязи для этого региона на протяжении периода перехода от феодализма к капитализму и начальной стадии капиталистической формации, т. е. на протяжении столетия — от последней четверти XVIII в. до 70-х годов XIX в. включительно. Это означает, в частности, что в круг рассматриваемой нами проблематики не входят нации, которые в силу конкретных (и весьма несходных) исторических обстоятельств начали формироваться значительно позднее и сформировались уже за пределами изучаемого периода.

Программа нашей конференции группирует доклады и сообщения по отраслевому признаку, что, по-видимому, более всего обеспечивает организационную четкость ее построения. Но мы надеемся, что это не станет помехой контакту специалистов разных профилей, ради чего, в частности, мы отказались от деления на секции, что, как правило, и ведет к разобщению. Мы надеемся, что работа совместно в течение этих трех дней, все мы, историки, лингвисты, литературоведы, историки культуры, станем ближе друг к другу в понимании объединяющей нас комплексной проблематики, в нашей дальнейшей исследовательской работе над ней.

Помимо тех отраслевых групп, на которые делятся доклады и сообщения, между ними — применительно к задачам конференции — можно отметить и иные связи.

Прежде всего, на нашей конференции формирование большинства наций Центральной и Юго-Восточной Европы рассматривается в специальных докладах. К этим докладам, трактующим в целом проблематику формирования отдельных наций, примыкают доклады и сообщения, посвященные различным аспектам формирования этих наций, — социальным, лингвистическим, историко-культурным, вопросам национального самосознания и т. п. Собранные воедино они составляют в ряде случаев импонирующие «блоки» — 4 доклада и сообщения по чешской проблематике, 10 — по польской и т. д. Не приходится сомневаться в том, что такая перекличка мнений специалистов разных профилей по вопросам развития данной нации может быть весьма плодотворна. Не приходится сомневаться и в том, что такой, назовем его условно, «симпозиум» по проблемам формирования, например, польской нации, проходящий в рамках нашей конференции в присутствии и при участии специалистов по истории других наций, окажется полезен для всех нас, подтолкнет мысль к сопоставлениям и обобщениям, к которым было бы труднее прийти, работая врозь.

Но наряду с такими докладами, создающими возможности для сопоставительного анализа, на нашей конференции мы заслушаем ряд докладов, которые непосредственно обращены к задачам сравнительно-исторического изучения. В некоторых из этой второй группы докладов сравнивается в целом формирование нескольких наций, в других сопоставляется развитие социальных структур, национального самосознания и т. п.

Относительно мало представлен в программе конференции третий круг интересующей нас проблематики — межнациональные отношения в Центральной и Юго-Восточной Европе и их влияние на процесс формирования наций. Думается, однако, что если эти вопросы не вынесены в заглавия заявленных на конференцию докладов, то в самом содержании докладов они будут затрагиваться, не останутся обойденными.

Наконец, четвертую группу вопросов, которую необходимо отметить, я назвал бы «регион Центральной и Юго-Восточной Европы и его окружение». В ряде случаев будет рассматриваться связь процессов формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе с аналогичными процессами и проблемами в истории нашей Родины. Все это вписывает рассматриваемую нами проблематику в более широкие общеисторические рамки и дает дополнительные ориентиры в решении задач комплексного сравнительно-исторического исследования.

В нашей работе мы можем опереться на значительные результаты, достигнутые марксистско-ленинской наукой в разработке теоретических проблем развития этнических общностей, в частности нации, равно как и в исследовании конкретных вопросов формирования почти всех наций Центральной и Юго-Восточной Европы. Напомнить о том, что достигнуто в каждой области, взаимосопоставить данные и выводы по нациям региона, дополнить эти материалы новыми сведениями и новыми наблюдениями — таково направление нашей работы. Очевидно, что для нас при этом важны и существенны как ответы на те вопросы, которые уже были выдвинуты ранее, так и выявление новых аспектов, обоснованная постановка новых вопросов.

Н. Н. ЯКОВЛЕВ

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ РУССКИХ ДОБРОВОЛЬЦЕВ В БОСНИЙСКО-ГЕРЦЕГОВИНСКОМ ВОССТАНИИ 1875—1876 ГОДОВ

Сто лет назад — летом 1875 г. — в Боснии и Герцеговине вспыхнуло широкое народное восстание, в котором борьба за национальное освобождение от многовекового турецкого гнета слилась с антифеодальной борьбой крестьян. Восстание было крупнейшим событием в истории освободительной борьбы южного славянства во второй половине XIX в. Оно вызвало широкий международный резонанс, послужило прологом Восточного кризиса 70-х годов.

К настоящему времени в югославской историографии имеется обширная литература о восстании¹. В нашей стране опубликованы важные источники (дипломатические документы, письма участников восстания, в том числе и русских добровольцев, и др.), касающиеся истории восстания², вышли в свет исследования, посвященные преимущественно анализу отношения различных классов и слоев русского общества к освободительной борьбе южных славян и, в частности, к Боснийско-герцеговинскому восстанию 1875—1876 гг.³

Не претендуя на исчерпывающее освещение всей проблемы, мы в нижеследующих заметках хотели бы остановиться на некоторых аспектах участия русских добровольцев в Боснийско-герцеговинском восстании в 1875—1876 гг.

Реакция русской общественности на первые известия о начавшемся восстании⁴ была весьма разноречивой. Консервативная и праволиберальная печать встретила известия о восстании настороженно и, боясь международных осложнений, призывала к сохранению прежнего положения, либо к умеренным реформам, направленным на улучшение положения

¹ В. Ч у б р и л о в и ћ. Босански устанак. Београд, 1930; М. Е к м е џ и ћ. Ustanak u Bosni 1875—1878. Sarajevo, 1960 и др.

² См. «Освобождение Болгарии от турецкого ига». Документы в трех томах. Т. 1. Освободительная борьба южных славян и Россия (1875—1877). М., 1961.

³ См. С. А. Н и к и т и н. Русское общество и национально-освободительная борьба южных славян в 1875—1876 гг. В кн. «Общественно-политические и культурные связи народов СССР и Югославии. М., 1957; Т. Г. С н ы т к о. Из истории народного движения в России в поддержку борьбы южных славян за свою независимость в 1875—1876 гг. (там же); В. М. Х е в р о л и н а. Революционное народничество и национально-освободительное движение на Балканах в 1875—1876 гг. В кн. Славянское возрождение. М., 1966 и др.

⁴ 23 июня (5 июля) 1875 г. у горы Бишиины на шоссе Мостар-Невесинье отряд герцеговинских гайдуков разгромил турецкий караван. В ответ на это турецкие власти учинили расправу над крестьянами. Тогда народ повсеместно взялся за оружие. Через несколько дней число повстанцев достигло 2 тыс.

христианского населения Боснии и Герцеговины⁵. Либеральные органы печати предусматривали возможность отделения этих южнославянских провинций от Турции⁶.

Славянофилы на первых порах отнеслись крайне сдержанно к известиям о событиях в Герцеговине, ошибочно полагая, что они являются результатом австрийских интриг⁷. Лишь в августе — сентябре, когда восстание приняло более широкие размеры, несмотря на зверства турецких войск, вымещавших свою злобу на мирном населении, славянофильские организации, с разрешения властей, приступили к сбору средств для оказания помощи населению и беженцам, огромное число которых скопилось в соседней Черногории⁸.

Однако первыми предприняли реальные шаги по оказанию действительной помощи герцеговинским повстанцам не славянофилы, а наиболее передовые круги тогдашней русской общественности — революционно-демократические и народнические кружки и организации. Так, в Киеве и Одессе уже в июне 1875 г. Южнороссийским союзом рабочих, руководимым Е. О. Заславским, были предприняты шаги по организации помощи восставшим герцеговинцам⁹. Были созданы комитеты по сбору пожертвованных¹⁰. На призыв Союза горячо откликнулись рабочие одесских предприятий. Одновременно с этим активно обсуждался вопрос о посылке в Герцеговину добровольцев¹¹.

В исследовании Ю. Е. Фомина, посвященном участию общественности Украины в национально-освободительном движении южных славян в 1875—1878 гг., рассказывается о том, с каким размахом революционные и демократические круги России приступили к практическому осуществлению мер помощи балканским повстанцам и сбору средств в их пользу. Деньги собирали среди членов Киевской громады, среди студентов. Нелегальный комитет в Киеве возглавлял М. П. Драгоманов, в Одессе — А. И. Желябов. Последний говорил, что, помогая завоеванию свободы и возрождению славянства, можно помочь политическому воспитанию русского народа. Уже в сентябре 1875 г. в Герцеговину нелегально отправился отряд добровольцев, во главе которого находился бывший офицер полтавский помещик В. Я. Яновский. Средства на содержание отряда были получены от Киевской громады, а также от самого В. Я. Яновского. В составе отряда были демократически настроенные молодые люди, студенты Киевского университета, народники (А. Лепешинский и другие).

По подсчетам Ю. Е. Фомина, из 50—60 добровольцев, прибывших из России в Боснию и Герцеговину, до 35 человек были из Украины. Материальная помощь украинской общественности герцеговинцам и боснякам составила с конца 1875 до середины 1876 г. около 80—90 тыс. рублей: «Вместе с помощью русской общественности она являлась существенным источником поддержки славянского повстанческого движения»¹².

Активное участие в движении по оказанию помощи борцам за свободу в далеких Боснии и Герцеговине приняло разночинное студенчество. Многочисленные документы, хранящиеся в фондах III отделения, свидетельствуют о том, что русское студенчество и демократическая молодежь горячо

⁵ Подробно об этом см. С. А. Н и к и т и н. Там же, стр. 7—11.

⁶ Там же, стр. 7.

⁷ Там же, стр. 9—10.

⁸ Там же, стр. 10.

⁹ Т. Г. С н ы т к о. Там же, стр. 88.

¹⁰ В. М. Х е в р о л и н а. Там же, стр. 65.

¹¹ Т. Г. С н ы т к о. Там же, стр. 88.

¹² Ю. Е. Ф о м и н. Общественность Украины и национально-освободительное движение южных славян в 1875—1878 гг. Автореферат канд. дисс. Киев, 1971.

сочувствовали боснийско-герцеговинским повстанцам, участвовали в сборе пожертвований в их пользу. Многие из них изъявляли готовность поехать на Балканы в качестве добровольцев ¹³.

С большим вниманием следили за развитием восстания русские революционеры-народники, находившиеся в эмиграции в странах Западной Европы (в Англии, Франции, Швейцарии и др.) ¹⁴. Многие из них считали своим революционным долгом быть на Балканах и принять личное участие в вооруженной борьбе братского славянского народа за свободу. Так, из народников-эмигрантов уже в первые месяцы после начала восстания в Герцеговину отправились добровольцами С. М. Степняк-Кравчинский, М. П. Сажин, И. Дебагорий-Мокриевич, П. Енкуватов и др. ¹⁵. Революционеры-народники ехали на поле сражений с мыслью не только помочь угнетенному народу в его борьбе за освобождение, но и с целью приобретения боевого опыта, который им, как они считали, будет необходим для борьбы за свободу на родине ¹⁶.

В отряде под командованием Мишо Любibrатича находился М. П. Сажин, он стремился овладеть искусством ведения партизанской войны. С. М. Степняк-Кравчинский, русский артиллерист в прошлом, полгода командовал батареей у повстанцев.

Народник В. Ф. Костюрин, сам бывший в числе добровольцев, писал о семи первых добровольцах, прибывших из Киева в Герцеговину, в их числе были Лепешинский и студент-медик Емельянов. В отряде воеводы Пеко Павловича их встретили тепло. Они принимали участие в набегах и стычках. О многих добровольцах, выехавших на Балканы, вспоминал П. А. Кропоткин ¹⁷. Яркой и интересной личностью среди добровольцев был отставной офицер Н. Д. Далматов, 34 лет. Он раздал свою землю крестьянам, добрался в качестве матроса в Сербию, был рабочим на патронном заводе в Белграде, потом вернулся на Украину, работал слесарем на заводах и вновь поспешил в 1875 г. в Герцеговину, сражался, был ранен, вернулся в строй и был убит 20 января 1876 г. Н. К. Михайловский поместил его биографию в «Отечественных записках» ¹⁸.

В рядах восставших сражались офицеры-конногвардейцы Саврасов, Эбергард, Головин, капитан Кузьминский и другие ¹⁹. В отряде Лазаря Сочицы отличной славой пользовался артиллерист офицер Руссов. Еще 2—3 офицера из отпусковых и отставных дрались в отрядах герцеговинцев. О русском инженере С. Ф. Шарاپове, схваченном австрийцами, писал воевода Лазарь Миодрагович.

Самоотверженно работали в горах санитарные отряды русского «Красного Креста». Среди медицинского персонала было много женщин. В марте 1876 г. в Черногорию, где ютились беженцы из районов восстания, был направлен из России санитарный отряд под начальством П. А. Васильчикова с врачебным персоналом, студентами Медицинско-хирургической академии и сестрами милосердия. Госпиталю дали 75 тыс. рублей и на 15 тыс. рублей вещей, пожертвованных Славянским комитетом и разными лицами. На больших станциях в пути санитарный отряд встречало население, собирались пожертвования. Отряд вез большое количество белья, перевязочных материалов, медикаментов. В Австрии в эшелон

¹³ Подробно об этом см. Т. Г. С н ы т к о. Там же, стр. 90—91.

¹⁴ См. В. М. Х е в р о л и н а. Там же, стр. 65—66.

¹⁵ Там же, стр. 66.

¹⁶ Об этом весьма красноречиво говорит одно из писем С. М. Степняка-Кравчинского. См. «Освобождение Болгарии от турецкого ига», т. I, стр. 48.

¹⁷ П. А. К р о п о т к и н. Записки революционера. 1933, стр. 250.

¹⁸ «Отечественные записки», кн. 3. СПб., 1876, стр. 334.

¹⁹ См. С. А. Н и к и т и н. Там же, стр. 32.

отряда погрузили до 560 пудов багажа. Для голодающих герцеговинцев Васильчиков закупил 44 тыс. пудов кукурузы. Из Одессы в адрес отряда Васильчикова была направлена большая партия хлеба — свыше 3 тыс. четвертей пшеницы, муки и другого продовольствия²⁰.

В Дубровнике русскими была создана временная больница для раненых и больных повстанцев. В ней работали врач Богоявленский и медицинские сестры Терпиловская и Надеждина. Русские взяли на себя лечение раненых в госпиталях, организованных в Цетинье, Грахове и др. Преодолев верхом тяжелый путь в горах, санитарный персонал, в том числе сестры, раздавали герцеговинцам одежду, обувь, чулки, продовольствие, деньги. Спасаясь от турецкой расправы, на территории Черногории скопилось до 50 тыс. беженцев, полураздетых детей, стариков в лохмотьях, началась сильная эпидемия тифа. Русский медицинский персонал самоотверженно работал, стремясь спасти жизнь тысячам больных. Герцеговинцы принимали русскую помощь с великой благодарностью, расценивая ее как награду за свое «юнаштво».

Как видно уже из этих кратких заметок, восстание в Боснии и Герцеговине встретило широкий отклик в России, особенно в революционно-демократических кругах. В 1876 г. сочувствие братскому славянскому народу приняло в России поистине всенародный размах. Во всех концах страны крестьяне, рабочие, учащиеся жертвовали свои трудовые гроши на дело помощи далеким славянским братьям, многие сотни добровольцев отправились в Сербию и Боснию, чтобы принять участие в борьбе за свободу южнославянских народов²¹.

«Когда в семидесятых годах прошлого века,— сказал Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своей речи 20 сентября 1962 г. на митинге в г. Сплите,— восстали жители Боснии и Герцеговины и вспыхнула сербо-турецкая война, тысячи лучших сынов России, рабочих и крестьян, профессиональных революционеров, врачей, учащихся, добровольно отправились на Балканы, чтобы с оружием в руках помочь справедливому делу национального освобождения своих братьев»²².

²⁰ Отдел рукописей Гос. ордена Ленина библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Фонд Васильчикова Вас. III/5. Дневник, стр. 78—85, Вас. V/21, стр. 13.

²¹ См. Т. Г. Снытко. Там же, стр. 95—101.

²² «Правда», 1962, 21 сентября.

Э. И. ЗЕЛЕНИНА

ВОПРОСЫ БОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Болгарская диалектная лексикография начала развиваться в XIX в. Первые диалектные словари, точнее списки характерных диалектных слов, появились в сборниках и журналах, посвященных народному быту и творчеству¹. В дальнейшем диалектные словари выступают и в виде приложений к описаниям отдельных говоров².

Становление болгарской диалектной лексикографии как отдельной области диалектологии относится к сравнительно недавнему времени — середине XX в., когда благодаря деятельности ныне покойного проф. Стойко Стойкова начинается подъем всей болгарской диалектологии. В этот период развернулась активная работа над болгарским диалектологическим атласом. Примерно в это же время была начата работа и по составлению диалектного словаря болгарского языка в секции диалектологии Института болгарского языка БАН под руководством Ст. Стойкова. За прошедшие двадцать лет собран большой архив словаря (свыше 350 000 карточек), включающий не только печатные, но и архивные словарные материалы, накопившиеся после выхода в свет в конце прошлого века словаря болгарского языка Найдена Герова, который по сей день служит справочником по болгарской диалектной лексике. Собранный материал, однако, по мнению проф. Стойкова, не раскрывает всего словарного богатства болгарских говоров, имеет ряд недостатков и нуждается в пополнении новым материалом³. С этой целью проф. Ст. Стойковым и М. Младеновым была составлена специальная инструкция⁴, предназначенная для широкого круга болгарской интеллигенции, привлекаемой для сбора словарного материала в различных районах страны. Обработка собранных материалов и составление словаря, к сожалению, пока еще не начаты⁵.

Составление диалектного словаря, бесспорно, является одной из первоочередных задач болгарской диалектологии. Проф. Стойков считал соби- рание и сохранение для науки огромного словарного богатства болгарских

¹ См. «Сборник за народни умотворения и книжнина», кн. I. София, 1889 и следующие; «Родопски старини», кн. I—IV. Пловдив, 1887—1892; «Родопски напредък», год. I—IX. Станимака — Пловдив, 1903—1912, и др.

² См. Кр. Стойчев. Тетевенският говор. СБНУ, кн. XXXI, 1915; Г. Попиванов. Орханйският говор. СБНУ, кн. XXXVIII, 1930; е го же. Софийският говор. СБАН, кн. XXXIV, 1940, и др.

³ Ст. Стойков, М. Младенов. Угътване за проучване лексиката на местен говор. София, 1971, стр. 7.

⁴ Там же.

⁵ Ст. Стойков, М. Сл. Младенов. Проект за «Идеографски диалектен речник на българския език». БЕ, 1969, кн. 2, стр. 155.

говоров «важной национальной задачей»⁶. Поэтому, надо полагать, что после завершения БДА болгарские диалектологи активизируют работу над составлением диалектного словаря.

Вторым крупным начинанием в области болгарской диалектной лексикографии является «Идеографски диалектен речник на българския език», работа над которым ведется уже два десятилетия на кафедре болгарского языка Софийского университета. В 1969 г. был опубликован проект словаря с 45 пробными статьями⁷. Инициатором создания этого словаря был проф. Стойков. По его замыслу словарь должен служить справочником по болгарской диалектной лексике и сыграть роль своеобразного предшественника полного диалектного словаря болгарского языка, о котором шла речь выше⁸. Материалы для словаря собирались по специальному вопроснику не только научными сотрудниками кафедры, но (в большей своей части) и студентами. Дело, начатое Стойковым, после его смерти продолжают его ученики — доценты М. Младенов и Т. Бояджиев. Картотека словаря насчитывает сотни тысяч карточек. Однако обработка ее только начинается. Авторам словаря предстоит большая кропотливая работа по ее редактированию.

Подробному разбору проекта словаря и пробных статей посвящена рецензия Э. Григоряна⁹, который дает положительную оценку этому важному начинанию болгарских диалектологов и выражает надежду, что оно будет доведено до конца.

Судя по опубликованному проекту и пробным статьям, задуманный словарь будет в основе своей словарем диалектных соответствий определенной части литературных слов, т. е. тех слов, для которых выявлены диалектные соответствия (см. «Проект...», стр. 157). В связи с этим встает вопрос об адекватности не только семантической, но и этнографической (для конкретной лексики) литературного слова — заглавного слова статьи, с одной стороны, и диалектных слов — с другой, а также диалектных слов между собой. Таким образом, в процессе составления словаря придется решать вопрос о том, являются ли все эти слова дублетами, т. е. словами с полностью совпадающим значением, соотносятся ли они в каждом конкретном случае с одной и той же этнографической реалией. Авторы словаря, разумеется, учитывают эти вопросы, но, как можно видеть по проекту словаря и пробным статьям, пока еще не в достаточной мере. Семантической стороне вопроса уделено больше внимания (стр. 157—158), а об этнографической же стороне специально вопрос не ставится, а лишь говорится, что к некоторым названиям предметов или их частей будут даваться рисунки (стр. 157). Но к названиям каких предметов и в каких случаях, остается неясным. Нам кажется, что особенно важно было бы дать рисунки именно в тех случаях, когда отмечаются расхождения в этнографическом плане, закрепленные в языке.

При составлении указанного словаря, который будет содержать большое количество ранее не публиковавшегося материала, сугубо важное значение приобретают данные о распространении диалектных слов. Чем точнее будут эти данные, тем более широким научным целям сможет служить составляемый словарь. В первую очередь это важно для изучения

⁶ Ст. Стойков, М. Младенов. Упътване за проучване..., стр. 7.

⁷ Ст. Стойков, М. Сл. Младенов. Проект за «Идеографски диалектен речник...», стр. 155—170.

⁸ Там же, стр. 156.

⁹ Э. Григорян. Интересен лексикографски замисъл. БЕ, 1971, кн. 5, стр. 474—477.

болгарской диалектной лексики методами лингвистической географии. Предусматриваемые авторами словаря ограничения в подаче данных о географии слов (стр. 161, п. 7, 8), на наш взгляд, заранее обедняют словарь. Населенные пункты предполагается указывать лишь в том случае, если их будет не более двух, а если данное слово встречается в большем числе пунктов, то называется только район (околия); в тех же случаях, когда слово имеет ареал, доходящий до масштабов области, указывается только область (З. Бъл., И. Бъл., Род., Стран.). Материал уже собран. Не страшно, что он неравноценен (стр. 161). В тех случаях, когда материал позволяет, нам кажется, необходимо указывать распространение слов с точностью до населенного пункта.

Задуманный «Идеографски диалектен речник на българския език» является новаторским трудом в области славянской диалектной лексикографии. И не существенно, как его назвать (в этом вопросе я не совсем согласна с автором указанной рецензии), важно его создать, введя в научный обиход обширный свежий материал, извлеченный из болгарских говоров.

Последнее десятилетие ознаменовано бурным развитием болгарской диалектной лексикографии, чему в значительной степени способствовал выход (с 1962 г.) специального академического издания «Българска диалектология. Проучвания и материали» под ред. проф. Стойкова¹⁰ (после смерти проф. Стойкова редколлегию возглавил проф. Мирчев). В вышедших семи книгах опубликовано 25 диалектных словарей. Среди них такие крупные работы, как «Родопски речник» Т. Стойчева (кн. II, V), «Лексиката на ихтиманския говор» М. Сл. Младенова (кн. III), «Речник на говора на с. Сачанли, Гюмюрджинско» Т. Бояджиева (кн. VI), «Еленски речник» Петко Ив. Петкова (кн. VII). Все вышедшие словари имеют одинаковую структуру словарной статьи и отображают одинаковый подход к диалектной лексике — почти все они дифференциальные по отношению к болгарскому литературному языку. Лишь автор словаря ихтиманского говора отходит от этого метода изучения диалектной лексики, на чем подробнее остановимся ниже.

Большинство опубликованных словарей (16) являются словарями какого-либо одного говора. Остальные словари (9) составлены на материале нескольких говоров. Такой тип словаря вполне оправдан, если в нем к каждому слову давать указание населенного пункта, в котором оно записано. Однако в большинстве таких словарей материал дается без соблюдения этого правила, что снижает его научную ценность (см., например, словарь странджанского говора Г. Горова, кн. I, стр. 64—159, который строится на материале 11 говоров). Среди словарей указанного типа заметно выделяются работы Т. Стойчева «Родопски речник», кн. II, V) и М. Младенова («Из лексиката в Кюстендилско», кн. VI), в которых фиксируются места записи слов.

Словари, охватывающие лексику нескольких говоров, могут быть по своей структуре сравнительными, когда один из говоров берется за опорный, а материал других говоров сравнивается с ним. Пионерами в составлении такого типа диалектных словарей являются польские диалектологи (см., например, M. Kuśała. Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich. Wrocław, 1957; A. Zaręba. Słownik Starych Siołkowic w powiecie Opolskim. Kraków, 1960).

¹⁰ «Българска диалектология. Проучвания и материали» (далее — БДПМ), кн. I—VII. София, 1962—1974.

Дискуссия по вопросу о том, каким должен быть диалектный словарь, дифференциальным или полным, имевшая место в славянской диалектологии в последнее десятилетие, нашла отклик и у болгарских диалектологов. Первым поставил этот вопрос М. Младенов в 1967 г. в предисловии к своему словарю ихтиманского говора (кн. III, стр. 27). Опираясь на работы советских диалектологов¹¹, он приходит к выводу, что теоретически словари должны быть полными, основанными на системном подходе к диалектной лексике. В качестве первого опыта такого болгарского словаря Младенов предлагает свой словарь ихтиманского говора, включающий около девяти тысяч слов¹². Вторым опытом полного диалектного словаря является словарь банатского говора Ст. Стойкова, включающий 9386 лексических единиц¹³. Это самый фундаментальный труд по болгарской диалектной лексикографии¹⁴.

В последние годы болгарские диалектологи пришли к выводу, что дифференциальный подход к лексике говора имеет существенные недостатки, открывая путь для субъективных решений, и ставят, исходя из этого, перед собирателями лексики задачу составления диалектных словарей, основанных на полном охвате лексики говора¹⁵.

Таким образом, усилия болгарских диалектологов-лексикографов на современном этапе направлены в основном на активное собирание лексики и составление словарей, основанных на максимально полном охвате лексики одного говора, группы говоров, целой диалектной зоны или, наконец, всех диалектов болгарского языка. Но наряду с этим существует настоятельная необходимость вести и детальное изучение диалектной лексики по отдельным темам, связанным с духовной и материальной культурой болгар, а соответственно заниматься и составлением словарей по народной терминологии, что пока остается за пределами внимания болгарских диалектологов¹⁶, тогда как такого рода задачи занимают все больше места в современной славянской диалектной лексикографии¹⁷. Это вызвано потребностями разного рода исследований и, в первую очередь, исследований в области славянских древностей, славянской терминологической общности. В исследованиях этого плана болгарский материал представлен очень слабо и именно потому, что он мало изучен¹⁸. Необходи-

¹¹ Ф. П. Ф и л и н. О составлении диалектологических словарей славянских языков. В сб. «Славянское языкознание». М., 1963, стр. 318—346. См. также: Н. И. Т о л с т о й. Об изучении полесской лексики. В сб. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 5. Н. И. Толстой считает, что на современном этапе науке нужны любые диалектные словари. Вопрос о типе диалектного словаря и по сей день остается дискуссионным (см. доклад Ф. П. Ф и л и н а на VII Международном съезде славистов. «Славянское языкознание». М., 1973, стр. 347—376).

¹² М. Сл. М л а д е н о в. Лексиката на ихтиманския говор. БДПМ, кн. III. София, 1967, стр. 3—197.

¹³ Ст. С т о й к о в. Лексиката на банатския говор. Трудове по българска диалектология, кн. IV. София, 1968. В этой же серии «Трудове по българска диалектология» были опубликованы (как часть монографического описания говоров) следующие словари: И в. У м л е н с к и. Кюстендилският говор. Речник (кн. I, 1965, стр. 211—271); М. М л а д е н о в. Говорът на Ново-село, Видинско. Речник (кн. V, 1969, стр. 207—300).

¹⁴ Высокую оценку этому труду дает в своей рецензии Г. П. Клепикова (Г. П. К л е п и к о в а. Ст. Стойков. Лексиката на банатския говор. «Советское славяноведение», 1970, № 1).

¹⁵ Ст. С т о й к о в, М. М л а д е н о в. Упътване за проучване..., стр. 5.

¹⁶ Хорошим начинанием в этом плане является небольшая работа Ст. Ковачева «Из грънчарската терминология в Троянско» (БДПМ, кн. VII, стр. 233—235).

¹⁷ Н. И. Т о л с т о й. Об изучении полесской лексики. В сб. «Лексика Полесья». М., 1968, стр. 6.

¹⁸ См., например, О. Н. Т р у б а ч е в. Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, стр. 46.

димо как можно скорее заняться изучением народной терминологии, связанной с такими древними промыслами и ремеслами, как пчеловодство, рыболовство, обработка льна, конопли, ткачество, обработка дерева, железа, гончарное ремесло и др. Под влиянием технического прогресса, внедрения новых методов ведения хозяйства сфера их применения постепенно сужается, и слова, связанные со стариной, отходят на задний план и постепенно забываются. Многие уже потеряно. Надо спешить собрать то, что еще осталось и продолжает жить в памяти стариков. Такие исследования необходимо вести по специально разработанной программе, составлению которой должно предшествовать детальное этнографическое изучение определенной области быта или хозяйства. Примером тематических словарей, охватывающих лишь определенную область народного быта или хозяйства, могут служить диалектные словари, опубликованные в сборнике «Лексика Полесья», сбором материала для которых и их составлением руководил опытный советский диалектолог и семасиолог Н. И. Толстой¹⁰.

Итак, в области болгарской диалектной лексикографии сделано немало, но еще больше предстоит сделать. Перед учениками проф. Стойкова стоит задача доведения до конца задуманных им двух фундаментальных трудов: полного диалектного словаря болгарского языка и идеографического диалектного словаря болгарского языка. Наряду с этим необходимо продолжать изучение лексики отдельных говоров, целых диалектных зон, направив усилия собирателей и на составление тематических словарей, словарей народной терминологии, в первую очередь, из области самых старинных сфер народного быта и занятий болгар, которые могут дать новый, не известный до сих пор материал для сравнительно-исторического изучения славянских языков, для исследований в области славянской древности.

¹⁰ «Лексика Полесья». М., 1968. О программах и структуре словарей см. Н. И. Толстой. Об изучении полесской лексики (там же, стр. 7—10).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ДОКУМЕНТЫ ОБ АНТИФАШИСТСКОЙ СОЛИДАРНОСТИ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ

Проблема интернационального единства пролетариата стран Юго-Восточной Европы в борьбе против фашизма в годы второй мировой войны занимает важное место в историографии.

Существенный шаг вперед в развитии историографии проблемы был сделан советской исторической наукой в последние годы: вышли в свет краткий исторический очерк деятельности Коминтерна¹, а также целый ряд публикаций документального характера². Этот вопрос затрагивался или рассматривался и в ряде других исследований³ и в воспоминаниях участников движения Сопротивления⁴.

Монография М. И. Семиряги содержит специальные главы об интернационалистском характере антифашистского движения Сопротивления и освободительной миссии Советской Армии на Балканах⁵.

И в Болгарии, и в Румынии, и в Югославии эта тема занимает видное место

как в научной литературе, так и в публицистике последних лет. Она нашла отражение в сборниках о работе БКП в армии накануне и в начале второй мировой войны⁶, а также в 1941—1944 гг.⁷. Эти же вопросы получили освещение и в коллективной монографии болгарских историков, изданной в Софии в 1964 г.⁸. Вышедший в 1974 г. сборник документов «Единство действий болгарского народа с другими балканскими народами в антифашистской борьбе 1940—1945 гг.»⁹ и сборник статей «Девятое сентября и Балканы»¹⁰, а также часть материалов сборника документов «Интернационализм БКП»¹¹ посвящены раскрытию проблемы единства интернационального и национального в идеологии и политике Болгарской коммунистической партии накануне и в период второй мировой войны¹². Изучению этой проблемы, несомненно, будет способствовать обширная публикация документов «Единство действий болгарского народа с другими балканскими

¹ «Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк». М., 1969.

² «Документы Исполкома Коминтерна о борьбе за единый рабочий и народный фронт, против фашизма и войны». «Вопросы истории КПСС», 1969, № 3, стр. 3—16; «Новый документ Коминтерна». «Коммунист», 1969, № 2, стр. 3—12; «За единство демократических сил, против фашизма и войны. Новые документы Г. Димитрова». «Коммунист», 1972, № 8, стр. 21—36; «Из истории международной пролетарской солидарности. Документы и материалы». Сборник VI. Международная солидарность трудящихся в борьбе за мир и национальное освобождение, против фашистской агрессии, за полное уничтожение фашизма в Европе и Азии (1938—1945). М., 1962.

³ «Антифашистское движение сопротивления в странах Европы в годы второй мировой войны». М., Соцэкгиз, 1962; «Вторая мировая война». Книга третья. Движение сопротивления в Европе. М., 1966.

⁴ «О чем не говорилось в сводках». М., 1962.

⁵ М. И. Семиряга. Вторая мировая война и пролетарский интернационализм. М., 1962.

⁶ «Работата на БКП в армията (1919—1941 гг.). Документи и материали». София, 1967.

⁷ «Работата на БКП в армията (1941—1944 гг.). Документи и материали». София, 1959.

⁸ «Вклад болгарского народа в разгром фашистской Германии». М., 1967 (русский перевод).

⁹ «Единодействието на българския народ с другите балкански народи в антифашистката борба 1940—1945. Документи и материали». София, 1974.

¹⁰ «Девети Септември и Балканите». Редакционна колегия: Н. Тодоров, П. Щерев, Ж. Григорова. София, 1974.

¹¹ «Интернационализмът на БКП. Документи и материали. 1892—1944». София, 1974, стр. 364—446.

¹² Отмечая единство патриотизма и интернационализма в политике БКП, К. Байчички подчеркивает, что в программе Отечественного фронта, выработанной под руководством Г. Димитрова, «задачи национального и социального освобождения Болгарии слились с задачами восстановления братской дружбы с Советским Союзом и балканскими народами» (Там же, стр. 27).

ми народами в антифашистской борьбе. 1940—1945»¹³.

Из широкого круга неопубликованных источников, почерпнутых в болгарском Центральном государственном историческом архиве, Центральном государственном архиве НРБ, Центральном партийном архиве, Софийском городском и окружном государственном архиве, Военно-историческом архиве, Архиве МВС и местных архивах¹⁴, составители (Ст. Вылева, М. Горанова, Н. Горненски, Е. Дамьянова, С. Логодашка, С. Рачев, Р. Ханджиева и П. Штерев) отобрали около 200 документов, отражающих разнообразные формы сотрудничества болгарского народа с народами других балканских стран в ходе вооруженной борьбы против фашизма¹⁵.

Стремление болгарских коммунистов, всех антифашистов к установлению тесного сотрудничества со всеми антифашистскими силами на Балканах было ярким проявлением пролетарского интернационализма — таков главный вывод, который делает читатель, ознакомившись с документами сборника.

Этот вывод подкрепляют многие документы, опубликованные в сборнике «Интернационализм БКП» и свидетельствующие о интернационалистской позиции партии в тяжелые годы второй мировой войны¹⁶. БКП еще накануне войны, в апреле-мае 1939 г., призвала трудящихся балканских стран оказать сопротивление немецко-фашистской агрессии в Восточной Европе и на Балканах, призвала к «защите национальной независимости балканских народов»¹⁷. Фашизм, говорилось в одном из воззваний ЦК БКП, «еще будет разбит, разгромлен, необходимо готовиться к решительному и последнему бою, к борьбе справедливой, борьбе за прогресс и счастье человечества»¹⁸. В другом воззвании трудящиеся балканских стран призвались дать «общими усилиями решительный отпор» предательскому грабительскому нашествию на Балканы¹⁹. После начала войны в Европе БКП систематически разоблачала агрессивные планы фашистов, призвала к антифашистскому сою-

зу; к дружбе и сотрудничеству с СССР. Выражая солидарность с балканскими народами, ЦК БКП призывал бороться «против поджигателей войны на Балканах», «за мир и братство между балканскими народами», за дружбу с Советским Союзом, протестовал против оккупации Греции и Югославии, призывал к «братской солидарности между всеми балканскими народами»²⁰, а после нападения фашистской Германии и ее сателлитов на СССР БКП призвала «помогать всем, чем только можно, советскому народу в его тяжелой борьбе»²¹.

Материалы сборника «Единство действий болгарского народа с другими балканскими народами в антифашистской борьбе. 1940—1945» объективно показывают сложные условия, в которых развивалось антифашистское сопротивление на его первом этапе (1941—1943), являвшемся одновременно и начальным этапом развития интернационального единства боевых действий антифашистских сил.

Эти годы, как отмечал румынский историк, были периодом становления широкого вооруженного антифашистского сопротивления на Балканах²². Это первый период Великой Отечественной войны, закончившийся историческим Сталинградским сражением, приведшим к коренному перелому в ходе второй мировой войны.

После Сталинградского сражения складываются благоприятные условия для активизации действий балканских компартий. В их политику и тактику «были внесены изменения, соответствовавшие новой внутренней и международной обстановке». Национально-освободительное движение на Балканах «вступило в новый период, который характеризовался «масовостью и развитием вооруженной партизанской борьбы»²³. Укрепляется и интернациональное единство антифашистских сил.

Для такого единства действий существовали объективные условия. Общие стремления балканских народов к свободе, национальной независимости, к миру, их борьба против империализма, агрессии, войны способствовала укреплению международной антифашистской солидарности в этом регионе.

Единство действий народов на Балканах было обусловлено общими целями и задачами антифашистской борьбы. Это единство обеспечивалось тем важнейшим фактором, что движение Сопротивления возглавляли коммунистические партии. Оно, к тому же, облегчалось относитель-

¹³ «Единодействието на българския народ...».

¹⁴ Следует отметить высокий уровень археографического оформления издания, хотя нельзя не пожалеть о том, что в некоторых опубликованных текстах сделаны кушоры.

¹⁵ В сборник частично вошли и ранее опубликованные документы.

¹⁶ «Интернационализъмът на БКП...», стр. 364—446.

¹⁷ Там же, стр. 359.

¹⁸ Там же, стр. 360.

¹⁹ Там же, стр. 364.

²⁰ Там же, стр. 395, 396, 398, 400.

²¹ Там же, стр. 402.

²² G. h. Z a h a r i a. Pages de la résistance antifasciste en Roumanie. Bucarest, 1974, p. 28—50.

²³ Л. Б. Валев, Г. М. Славин. Отклики Сталинградского сражения на Балканах. М., 1974, стр. 14.

ной синхронностью развития антифашистской борьбы, ее основных этапов (до вступления СССР во вторую мировую войну, от 22 июня 1941 г. до Сталинградского сражения и с 1943 г. до мая 1945 г.).

Историками отмечено, что формы и методы антифашистской борьбы в большинстве стран «обладали большим сходством», несмотря на то, что конкретные условия в каждой стране определяли преобладающие тех или иных ее форм на каждом из этапов ее развития.

Как сходство форм и методов борьбы в различных странах, так и их многообразие убедительно подтверждают документы сборника «Единство действий болгарского народа с другими балканскими народами в антифашистской борьбе. 1940—1945», касающиеся вопросов организации, тактики и взаимодействия антифашистской борьбы в Болгарии, Югославии, Греции и Албании.

На расширение интернационального антифашистского сотрудничества оказали огромное влияние победы Советской Армии на Восточном фронте и ее приближение к Балканам, а полный разгром яско-кишиневской группировки привел к коренному изменению стратегической обстановки на Балканах.

Говоря о благоприятных условиях развития освободительной борьбы болгарского народа, Г. Димитров отмечал, что «сочетание народного восстания 9 сентября 1944 г. с победоносным шествием Советской Армии на Балканах не только обеспечило победу восстания, но и придало ему большую силу и размах»²⁴.

Логическим продолжением интернационального единства действий антифашистских сил балканских народов было военное советско-румынско-болгарское сотрудничество после свержения в Румынии и Болгарии фашистских режимов. Совместная борьба против общего врага — немецко-фашистской армии — заложила прочные основы боевого содружества со-

ветской, румынской и болгарской армий²⁵.

Ярким образцом интернационального сотрудничества явилось и совместное участие в Белградской операции советских, югославских и болгарских соединений²⁶.

Большой вклад внес Г. М. Димитров в дело развития освободительной борьбы балканских народов, горячо выступал за единство действий коммунистов и всех антифашистов балканских стран.

В своем письме от 28 марта 1944 г., направленном из Москвы в ЦК БРП, Г. Димитров, рекомендуя принять ряд мер по предотвращению открытой гитлеровской оккупации Болгарии, призвал организовать связь расположенных вблизи югославской границы болгарских партизанских отрядов с частями Народно-освободительной армии Югославии и осуществлять совместные действия против немецких оккупантов²⁷.

23 августа 1944 г. в радиোগрамме в ЦК БРП Г. Димитров в числе условий, на которых могло бы быть создано коалиционное правительство Отечественного фронта, назвал «немедленное прекращение любых враждебных действий против новой Югославии и установление сотрудничества с нею для изгнания немцев с Балкан»²⁸.

Боевое антифашистское единство балканских народов под руководством коммунистических партий было скреплено обильно пролитой кровью в борьбе против общего врага, за лучшее будущее, за социализм. Об этом красноречиво говорят и многочисленные документы, опубликованные в рассмотренных сборниках.

Е. И. Сливаковский

²⁵ «Яско-Кишиневские Каньны». М., 1964, стр. 254.

²⁶ «Белградская операция». Коллектив авторов под общей ред. Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова и генерал-полковника ЮНА Р. Хамовича. М., 1964.

²⁷ «Интернационализм на БКП...», стр. 422.

²⁸ Там же, стр. 433.

²⁴ Г. Димитров. Избранные произведения, т. 2. М., 1957, стр. 612.

Сз. ŁUCZAK. Polscy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny światowej. Poznań, 1974, 269 s.

Ч. ЛУЧАК. Польские рабочие на принудительных работах в третьем рейхе

Новая книга Ч. Лучака, профессора Познаньского университета им. А. Мидкевича, посвящена исследованию положения и борьбы польских рабочих, насильственно вывезенных гитлеровцами в годы войны на территорию Германии и жестоко эксплуатировавшихся в промышленности и сельском хозяйстве.

За 30 послевоенных лет историки многих европейских стран неоднократно обращались к изучению гитлеровской политики принудительного использования иностранных граждан в качестве рабочей силы на территории Германии. Следует отметить, что высказывались на этот счет диаметрально противоположные суж-

дения: от завуалированного одобрения этой политики (например, некоторыми реакционными исследователями ФРГ) до решительного ее осуждения и разоблачения, например историками ГДР, и в первую очередь Е. Зеебер¹, которая исследовала положение именно польских рабочих в гитлеровской Германии. Не обойдена эта проблематика и в работах советских ученых².

В польской историографии работа проф. Ч. Лучака является первым исследованием на указанную тему. Она написана на основе документальных материалов, хранящихся в архивах ФРГ, ГДР, а также в центральных и ряде военных архивов ПНР. В процессе работы над монографией польский исследователь изучил большую группу опубликованных источников и широкий круг литературы вопроса.

Автор, отметив, что гитлеровские власти уже до начала войны планировали использование иностранных рабочих и военнопленных в интересах военной экономики, а после 1939 г. ими были разработаны принципы и система вербовки рабочих в оккупированных странах, подчеркивает, что насильственные методы набора были предусмотрены только для Польши, СССР и Сербии, считавшихся главнейшими резервами рабочей силы.

По нашему мнению, приемлемым является предлагаемое автором определение основных этапов политики рекрутации нацистами польских рабочих. В течение 1942 г. гитлеровцами было угнано на принудительные работы в Германию 1,4 млн поляков. После разгрома гитлеровской армии под Сталинградом начался новый этап, который характеризовался самыми жестокими насильственными мерами рекрутации не только в странах Восточной, но и Западной Европы. И все-таки главным объектом деятельности нацистских вербовщиков оставались советские и польские территории. Несмотря на все усилия, нацисты ни в 1943, ни в 1944 гг. не смогли обеспечить нужды германской экономики в рабочей силе с оккупированных территорий и зависимых стран. Исходя из того, что насилие и террор при вербовке поляков на принудительные работы в рейх применялись на польских землях нацистами почти с самого начала этой кампании, проф. Ч. Лучак справедливо отмечает, что в этой акции гитлеровцы видели не только экономическую необходимость, но и один из методов ослабления биологического по-

тенциала польского народа. На основе анализа широкого круга источников автор установил, что в годы второй мировой войны в Германию было вывезено 2,8 млн поляков (включая военнопленных). После советской (5 млн) это была самая большая национальная группа иностранных рабочих в Германии. На наш взгляд, было бы целесообразно расширить имеющийся в книге цифровой материал о других национальных отрядах рабочих в Германии, в частности, привести имеющиеся в литературе сведения о количестве вывезенных советских людей, французов, югославов, чехов. Это подкрепило бы вывод Ч. Лучака о том, что поляки были самым большим по численности отрядом иностранных рабочих в Германии до момента ее нападения на СССР и вторым — после июня 1941 г. Ряд разделов книги Ч. Лучака посвящен описанию условий жизни, труда и борьбы поляков, насильственно вывезенных гитлеровцами в Германию. Установив, что главным принципом нацистов в этом плане была жесточайшая эксплуатация при минимальных финансовых затратах немецких предпринимателей на содержание рабочих, Лучак подсчитал общую прибыль, полученную немецкой экономикой и гитлеровским государством в результате дискриминационных тарифов оплаты труда поляков. Она составила около 3 млрд имперских марок.

Подавляющее большинство польских рабочих в Германии голодало, пишет Ч. Лучак, получало продуктов питания (в калориях) в три раза меньше нормы, минимально необходимой для жизнедеятельности человека.

Ч. Лучак ставит вопрос, почему гитлеровцы, крайне заинтересованные в экономическом эффекте использования польских рабочих в германской экономике (а их контингент был, как мы выяснили, очень значительным), не обеспечили хотя бы минимально необходимых условий жизни и труда для достижения этого эффекта. Это происходило, как верно считает автор, потому, что нацисты рассматривали иностранных рабочих (а советских и польских граждан в первую очередь) лишь как часть непрерывно действующего механизма, часть, которую в случае износа можно заменить другой.

Весьма интересны разделы книги, где автор рассматривает отношение немецкого общества к польским рабочим и излагает историю движения Сопротивления среди поляков. Имевшиеся в руках исследователя материалы позволили сделать вывод о различном, но чаще все-таки враждебном отношении немецкого населения к депортированным полякам. Причину этого Ч. Лучак видит в активной националистической антипольской пропаганде гитлеровцев и действовавшей в империи системе указов и запретов контактов немцев с иностранными рабо-

¹ E. Seeber. Zwangsarbeiter in der faschistischen Kriegswirtschaft. Berlin, 1964.

² Недавно в Уральском университете защищена кандидатская диссертация: В. Н. Гнедков. Подневольный труд польских рабочих в фашистской Германии. 1939—1941 гг. Свердловск, 1974.

чими. Но несмотря на это, утверждает автор, среди немецкого населения находились люди, которые, исходя из гуманных, религиозных или классовых мотивов, относились к полякам доброжелательно. В первую очередь это были немецкие коммунисты.

Небогата документальная база раздела о движении Сопротивления, для написания которого можно было бы привлечь и некоторые работы советских историков³. Например, для поднимаемых автором вопросов о тесных контактах польских рабочих с советскими людьми, вывезенными гитлеровцами на работу в Германию, которые были не только братьями по обру-

³ Г. Н. Сапожникова. Участие польских, чехословацких и югославских патриотов в антифашистском движении в Германии в годы второй мировой войны. 1939—1945. Кандидатская диссертация. М., 1970; М. И. Семьяга. Советские люди в европейском Сопротивлении. М., 1970; А. Бланк; Б. Левель. Наша цель — свободная Германия. Из истории антифашистского движения «Свободная Германия». М., 1969 и др.

R. W. WOŁOSZYŃSKI. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych. 1801—1830. Warszawa, PWN, 1974, 491 s.

Р. В. ВОЛОШИНЬСКИЙ. Польско-русские связи в области общественных наук. 1801—1830

Книга Р. В. Волошиньского — первое в польской историографии монографическое исследование, посвященное польско-российским связям в области гуманитарных наук в первом тридцатилетии XIX в. В ней рассматриваются условия и возможности научного польско-российского сотрудничества в первые десятилетия XIX в., «взаимная популяризация достижений общественных наук — библиография, обмен изданиями, архивоведение и библиотековедение», анализируются польско-российские связи в области филологии и истории, а также истории искусства, этнографии и археологии, говорится о контактах и распространении в Польше и России трудов по философии, социологии, педагогике, праву и политической экономике.

Хронологические рамки работы Р. В. Волошиньского не вызывают возражений. Они позволяют рассмотреть польско-российские научные контакты со времени падения польского государства до 1830 г., когда после ноябрьского восстания в Королевстве Польском начался новый этап польско-российских отношений. В книге справедливо подчеркивается, что первое тридцатилетие XIX в. характеризовалось оживлением польско-российских связей в области

швившемуся на них личному несчастью, но и товарищами по борьбе с нацизмом.

Проф. Ч. Лучак рассказывает о различных формах сопротивления польских рабочих: протесты, побеги, забастовки, саботаж, деятельность политических подпольных организаций. Последние автор считает возможным разделить на две группы: на правые, ориентировавшиеся на лондонское эмигрантское правительство, и левые, руководимые коммунистами. Причем отличались не только их идейные позиции, но и организационные принципы: в правые организации принимались только поляки (за исключением коммунистов), левые же были интернациональны по своему составу. Оценивая в целом движение Сопротивления иностранных рабочих в Германии, проф. Ч. Лучак считает его составной частью общей борьбы народов с гитлеровской Германией.

Новая книга Ч. Лучака, посвященная одной из трагических страниц истории второй мировой войны, несомненно, будет с интересом встречена научной общественностью и читателями.

А. Ф. Носкова

гуманитарных наук, особенно после 1815 г., когда большая часть польских земель оказалась в составе Российской империи.

Исследователь использовал широкую источниковедческую базу — правительственные акты, прессу, материалы из польских и советских архивов, письма, дневники, воспоминания и ввел в научный оборот много данных о польско-российских связях в области гуманитарных наук в первом тридцатилетии XIX в. Он хорошо знаком с литературой вопроса, в том числе с новейшими публикациями.

Внимание автора привлекало прежде всего взаимное знакомство ученых с достижениями и научными теориями, корреспонденция и обмен научной информацией между отдельными исследователями, пересылка, изучение и рецензирование, а особенно переводы и издание сочинений. Однако монография выходит далеко за рамки анализа этих вопросов. Она дает читателю широкую картину польско-российских научных и отчасти культурных контактов в первых десятилетиях XIX в. Автор стремится расширить известные нам рамки польско-российских научных связей. Подчеркивая решающее значение связей прогрессивных сил, он справедливо пишет,

что нельзя ограничивать их только декабристами, с одной стороны, и филематами вместе с А. Мицкевичем и И. Лелевелем, с другой.

При изучении польско-российских научных связей Р. В. Волошинский учитывает политическую обстановку в России и Польше в 1801—1830 гг. Он подчеркивает, что 1815—1830 гг. особенно важны для развития польско-российских научных контактов. В польском и русском обществе тогда значительно вырос интерес к культуре и науке соседнего славянского народа. Однако политика паризма мешала этому процессу культурного сближения. Р. В. Волошинский характеризует деятельность в России в 1801—1830 гг. многих популяризаторов польской культуры — литераторов, переводчиков, исследователей, работников высшей школы, которые в значительной степени способствовали установлению и укреплению научных и литературных связей обоих народов. Он приходит к заключению, что польские авторы хорошо ориентировались в русской библиографии и научных работах, а русские — высоко ценили результаты исследования своих польских коллег. Автор отмечает значительное развитие польско-российских связей в области филологии. Он подробно говорит о кадрах русистов в Польше, о русских учебных заведениях, где преподавался польский язык, об изданиях грамматик польского и русского языков.

Р. В. Волошинский рассказывает о сотрудничестве польских и российских ученых при исследовании не только славянских языков и литературы, но многих проблем зарубежной филологии, особенно классической и восточной.

Автор анализирует деятельность польских ученых, работавших в России, прежде всего Я. Потоцкого и А. Чарноцкого. Он обращает пристальное внимание на русских полонистов того времени. Его привлекают даже второстепенные авторы, интересовавшиеся Польшей. Он отмечает распространение в России сочинений польских историков конца XVIII — начала XIX в. А. Нарушевича, Т. Чацкого, И. Лелевеля. В книге рассматриваются сведения, содержащиеся в польских журналах об изучении истории России, сообщается о знакомстве польских читателей с сочинениями русских историков, среди которых особой популярностью пользовалась «История государства Российского» Н. М. Карамзина.

Монография Р. В. Волошинского не исчерпывает всех вопросов, связанных с польско-российскими научными контактами в гуманитарных науках в 1801—1830 гг. Однако тщательно написанная и насыщенная новым фактическим материалом книга Р. В. Волошинского заслуживает положительной оценки.

Б. С. Попков

ПРОДОЛЖАТЕЛИ КОЗЬМЫ

Так именуется в чешском источниковедении серия летописей, хронологически и стилистически связанных со знаменитой хроникой Козьмы Пражского, доведенной до 1125 г.¹ Существуют так называемые первые и вторые продолжатели Козьмы. К первым относятся два древних автора: неизвестный монах Сазавского монастыря, составивший свою хронику около 1177 г. (в ней к тексту Козьмы добавлены сведения об истории возникновения Сазавского монастыря, а также описание событий вплоть до 1162 г.), и хроника условно именуемого в литературе каноника Вышеградского. Его хроника охватывает период 1125 — 1142 гг., т. е. хронологически прямо продолжает летопись Козьмы, не повторяя ее текста. Описываемый каноником период почти точно совпадает со временем правления князя Собеслава II (1125 — 1140 гг.).

Вторыми продолжателями Козьмы именуется группа анонимных авторов, писавших о разных событиях, разным сти-

лем и в разное время. Эти разнородные сочинения, доводящие изложение чешской истории до 1283 г., сохранились в одном летописном своде начала XIX в.

По своей исторической значимости летописи далеко не равноценны. Так, хронике Сазавского монаха отличает точность и беспристрастность изложения, а Вышеградский каноник выступает как националистический апологет князя Собеслава II. Разнородные сведения вторых продолжателей изобилуют фактическими ошибками и неточностями, но все же их летописи являются ценнейшим историческим источником, поскольку лишь в них изложен восьмидесятилетний период чешской истории XIII в.

И первые и вторые продолжения хроники Козьмы изданы теперь в ЧССР на чешском языке².

Первые переводы этих латинских хроник, появившиеся в XIX в., охватывали или только первые продолжения или

¹ О новом издании хроники Козьмы Пражского см. «Советское славяноведение», 1973, № 4, стр. 119.

² «Pokračovatelé Kosmovi». Praha, «Svoboda», 1974.

выдержки из второго. Аналогично обстоит дело и в XX в.³

В издании 1974 г. читатель впервые получил чешский перевод всех продолжений, в том числе и полного текста второго продолжения в том виде, как оно составлено неизвестным компилятором XIV в. Над переводами обоих продолжений в свое время много потрудились В. В. Томек (в XIX в.) и К. Грдина (в XX в.). В новом издании их переводы использованы, но некоторые части переведены впервые д-ром М. Благовой, которая, кроме того, отредактировала старые переводы, составила источниковедческий анализ хроник на современном научном уровне, географический и именной указатели, примечания и объяснения. Общую научную редакцию осуществил известный чехословацкий историк Зд. Фиала.

Издание отличается не совсем обычным расположением материала. Стало уже традицией помещать хронике каноника Вышеградского раньше хроники монаха Сазавского, поскольку первая старше. Однако составители нового издания стремились подчеркнуть связь второго продолжения хроники Козьмы с летописью Вышеградского каноника (эта связь обнаруживается в самих текстах). Поэтому хронике Сазавского монаха, никак не связанную со вторым продолжением, по-

³ См., например, издания: «První rok gačovatelé Kosmovi», Praha, 1950 или «Přiběhy krále Přemysla Otokara II. Zla léta po smrti krále Přemysla Otokara II. Dva současné letopisy». Praha, 1947.

местили в начале книги. За ним следует хроника каноника и второе продолжение в том виде, как оно сохранилось в старейшей из дошедших до нас рукописей.

В довольно обширном послесловии, содержащем источниковедческий анализ материала, М. Благова прослеживает историю изучения хроник и четко формулирует современную точку зрения на вопросы о времени их написания, авторах, месте и значении их для изучения чешской истории. Приводятся также сведения о дошедших до нас списках летописей, местах хранения, изданиях латинского текста и переводов на чешский язык.

На наш взгляд, новое издание имеет большую научную ценность и свидетельствует о значительных достижениях чехословацких историков в области отечественного источниковедения. Издание может явиться новым стимулом для изучения чешской истории XII—XIII вв. и за рубежами Чехословакии, так как все прежние публикации стали библиографической редкостью.

Книга иллюстрирована 28-ю черно-белыми фотографиями фрагментов рукописей и архитектурных памятников XIII—XIV вв. Она открывается цветной фотографией первой страницы известного средневекового латинского словаря «Матер верборум» (XIII в.).

Благодаря имеющимся в книге объяснениям устаревших терминов, выражений и некоторых забытых фактов, она доступна самому широкому кругу читателей.

Л. П. Лантеева

«Роман в современных литературах южных и западных славян».

Сборник статей под ред. Н. И. Кравцова и Е. З. Цыбенко. М., 1973, 154 стр.

Роман — самый популярный жанр в мировой литературе — во второй половине XX в. стал предметом многочисленных споров и дискуссий. В связи с многообразием сюжетно-композиционных структур романа, распространением таких его разновидностей, которые были неизвестны ранее, у некоторых литературоведов возникла мысль о несоответствии этого жанра современной эпохе, о его вырождении.

Поскольку роман как жанр связан прежде всего с реалистической литературой, решение его судьбы в некотором смысле равносильно обозначению путей развития реализма. Кроме того, роман, как правило, претендует на отражение мира в его многоликости, на воспроизведение его сложных связей, на открытие сущности настоящего; следовательно, констатировать смерть романа — это в определенной степени признать бес-

силлие литературы перед действительностью. Проблемы, связанные с судьбами романа, исследуют слависты Московского университета в рецензируемом сборнике. Их работа становится тем более актуальной, что мнения литературоведов разных стран, освещающих эти вопросы, часто расходятся, даже противоречат друг другу.

Теоретическая позиция авторов сборника четко изложена в предварающей его редакционной статье: «Роман сегодня — это ведущий жанр в современной литературе мира...». Свой исходный тезис авторы аргументируют материалом новейшей славянской прозы. Они используют практический опыт польской, болгарской, чешской и югославской литератур: произведения таких ведущих писателей, как Я. Ивашкевич, М. Домбровская, К. Новый, Б. Чопич. Авторы привлекают для исследования и

произведения более молодых прозаиков, заявивших о себе в 60-е годы: Е. С. Стави́нского, К. Калчева и др. Таким образом, в сборнике представлена целостная картина развития романа в зарубежных славянских странах. Авторы сборника поставили целью определить роль и место романа в славянских литературах на современном этапе, «охарактеризовать ведущие тенденции в развитии этого жанра... отметить те изменения, которые произошли в нем за последнее десятилетие». В выполнении этой задачи они идут разными путями.

Авторы статей «Современный югославский роман» Н. И. Кравцов и «Болгарский роман и современность (60-е годы)» З. И. Карцева, как следует уже из названия работ, предпринимает попытку анализа общих для всей новейшей романной прозы проблем. Е. З. Цыбенко в статье «„Хвала и слава“ Ярослава Ивашкевича и роман-эпопея в современной польской литературе» рассматривает выдающееся произведение польской прозы на фоне традиции этого жанра. В центре внимания З. М. Холониной («„Погоня за Адамом“ Е. Стави́нского и польский роман 60-х годов») оказались проблемы, характерные для прозы предшествующего десятилетия в целом. На первый взгляд работы Р. Р. Кузнецовой «Творческие поиски Карела Нового (три редакции „Железного круга“») и А. М. Балакина «Военный роман-эпопея Бранко Чопича „Прорыв“» кажутся более частными, но и затронутые в них вопросы выходят за пределы одного произведения. Р. Р. Кузнецова показывает становление социально-психологического романа в чешской литературе, Балакин сравнивает произведение «Прорыв» с рядом других «военных» югославских романов.

Самой, значительной заслугой авторов книги является то, что независимо от характера статей (более обзорного или конкретного) они не ограничиваются анализом единичных примеров. В каждой статье очевидно стремление к обобщению, к синтезу, стремление выявить тенденции, обнаружить закономерности развития жанра. Н. И. Кравцов, например, выделяет две разновидности романа в современной югославской литературе: романы традиционных тем и форм — военные, исторические, крестьянские, как правило, реалистические — и модернистские, основанные на отвлеченных моралистических концепциях, часто обнаруживающие зависимость от американской и западноевропейской прозы. З. И. Карцева на основании убедительного анализа намечает две тенденции в современной болгарской прозе: объективность, эпический охват действительности, тяготение к широким социальным полотнам, с одной стороны, и субъективно-лирическое восприятие

действительности со всеми свойственными ему атрибутами — с другой. Е. З. Цыбенко, исследующая преимущественно связь современного романа-эпопеи с традицией, не только доказывает популярность этого жанра в литературе XX в., но и отмечает происшедшие в нем под влиянием прозы нынешнего столетия изменения: «...тяготение к философскому осмыслению действительности, богатство интеллектуального содержания, глубокий и тонкий психологический анализ, свободную композицию и т. д.». З. М. Холонина обращает внимание на сокращение объема и изменение структуры романа, характеризует черты микроромана: публицистические отступления, сближающие роман с эссе, ретроспекцию, напряженность стиля, сочетание объективного и субъективного начал, выдвижение на первый план фигуры писателя, названия-символы и т. д. Так последовательно эти черты не выделялись, пожалуй, и в польском литературоведении. О популярности в болгарской прозе малой формы романа пишет и Карцева (особенно много о лирическом субъективном романе), об этом говорит в своей статье и Кравцов. Кузнецова на материале одного романа, исследуя текст трех различных редакций романа Карела Нового, прослеживает усиление социально-политического звучания, развитие принципа историзма и на основе этого анализа делает обобщения о преобразовании жанра романа в чешской прозе.

Наряду с этим серьезным достоинством сборника к числу его положительных качеств следует отнести и то, что каждый автор отмечает как позитивные, так и негативные черты развития романа в настоящее время, обращает внимание не только на его приобретения, но и на потери. Например, автор статьи о болгарской литературе отмечает, что болгарский роман 60-х годов утратил эпичность (это часто вело к исчезновению объективного характера изложения), что молодые авторы сосредоточены на решении исключительно нравственных проблем. Авторы сборника пытались при этом не только зафиксировать те или иные достоинства и недостатки современного романа, но и объяснить причины их появления, причины господства тех или иных тенденций, найти истоки литературных явлений и процессов. Так, Кравцов находит объяснение тому факту, что в литературе Югославии преобладает модернистский роман, в недостаточном глубоком понимании писателями происхождения в сегодняшней Югославии, в их увлеченности западной прозой. Карцева также считает, что интерес молодых авторов к узкоморальной проблематике подчас диктуется модой, но обуславливает его и более значительными факторами — изменениями в миро-

ощущении современной личности, современного писателя. Холонина прослеживает исторические и психологические причины появления тенденции к уменьшению объема романа. Оно вызвано, по мнению автора, осмыслением «нашей напряженной и чрезвычайно насыщенной событиями и информацией эпохи». Автор останавливается также на типичных художественных чертах микро романа. Следует подчеркнуть, что внимание к изменениям не только в идейном, но и в формальном плане произведения характерно для всех без исключения статей.

В основном авторы сборника успешно справились с поставленной задачей: методологически четкая постановка проблемы сочетается в книге с тщательным анализом материала, со стремлением диалектически ответить на поставленные вопросы, соблюсти строгую последовательность.

Но при всех достоинствах сборника нельзя не отметить и некоторые его недостатки. Порой авторов статей можно упрекнуть в нечеткости выводов. Из опасения упростить реальную сложность современного романа, в статье о болгарской литературе появляются несколь-

ко противоречивые заключения: автором одновременно подчеркивается усиление социального и лирического начал в романе и отмечается безусловное преобладание «субъективного» романа, говорится о преимущественном внимании писателей к моральным проблемам, в то же время к числу бесспорных достижений прозы относится многообразие проблематики «общественно-политической, философской и морально-этической». Иногда чувствуется недостаток обобщения. Прежде всего это касается статьи Балакина, состоящей из обзоров теории романа в Югославии, затем югославской литературы о войне и откликов критики на трилогию Чопича. В других статьях стремление к обобщению реализовано успешно.

В целом работа славистов Московского университета, на наш взгляд, является важным вкладом в исследование сложной и актуальной проблемы развития романа, книгой, убедительно доказывающей, что роман и в настоящее время остается значительным и плодотворным жанром в литературе, жанром, усваивающим традиции и рождающим новые формы.

О. Р. Лапатухина

НОВАЯ КНИГА О МИКОЛАШЕ АЛЕШЕ

Пражское издательство «Горизонт» выпустило небольшую книжку Любоша Главачека «Миколаш Аlesh»¹. Она представляет собою краткую творческую биографию выдающегося чешского художника-демократа. Хронологически освещая жизнь и деятельность Аleshа, автор уделяет специально внимание отдельным его произведениям (графические циклы «Родина», «Стихии», «Жизнь древних славян», сборник рисунков к народным песням «Шпалечек» и др.), а также и некоторым значительным областям его творческой деятельности (иллюстрации, сграффито и т. д.). Наряду с фактами, известными по обширной литературе об Аleshе, книга содержит и ряд дополнительных сведений, проясняющих и уточняющих творческий путь художника. Так, например, среди чешских художников-предшественников Аleshа, оказавших большее или меньшее влияние на его формирование и развитие, названы Бернад Августин Лохман, а также Карел Явурек и Франтишек Шира, обычно не упоминаемые биографами Аleshа. Жаль только, что в главе «В Пражской академии», где специально говорится об учителях Аleshа и его ближайших предшественниках в чешском искусстве, ничего не

сказано о самом значительном из них — Йозефе Манесе, хотя имя его и упоминается в книге. Довольно подробно говорится о товарищах и друзьях Аleshа по Академии, среди которых не только часто упоминаемые в литературе Тулка, Хитусси, Лишка, Шиканедер, Мысльбек и др., но и Феликс Еневейн и Бенеш Кнюпфер (правда, характер отношений последнего с Аleshем не освещен). К сожалению, при этом не сказано о близком товарище Аleshа, вместе с которым он жил во время обучения в Академии и которого часто упоминает в своих письмах к будущей жене Марине и Ирассеку — скульпторе Вацлаве Кафке (1850—1889). С ним Аleshа связывала не только дружба, но и общность взглядов на искусство.

К числу удачных мест книги может быть отнесено ясное и подробное освещение конфликта с профессором Волтманом, который в 1876 г. в одной из своих лекций все художественное наследие Чехии оценил как немецкое. За организацию obstruction против Волтмана Аlesh был приговорен к кратковременному тюремному заключению. В целом хорошо освещен сукдольский период творчества художника, хотя в перечне картин того периода стоило бы упомянуть и «Дозор» (1878), а если говорить о более поздних работах маслом, то и «Казак

¹ L u b o š H l a v á č e k. Mikoláš Aleš. Praha, 1974, 136 s.

в дозоре» (1882). Их создание на рубеже 70—80-х годов, как и многих рисунков на русскую тему, не было случайностью.

Обстоятельно рассмотрена в книге история возникновения цикла «Родина». С меньшей полнотой по сравнению с отдельными произведениями освещены в работе такие обширные области творчества Алеша, как иллюстрации и сграффито, что объясняется, по-видимому, небольшим объемом издания. К достоинствам книги принадлежит стремление автора соотнести биографию Алеша с событиями общественной жизни, простотой и живостью изложения.

На наш взгляд, в книге стоило бы сказать о манесовско-алешевской традиции в чешском искусстве, хотя бы коротко остановиться на характеристике исторических взглядов Алеша и их преломлении в его произведениях, на прогрессивной трактовке художником славянской тематики (русской, польской, южно-славянской и особенно словацкой), поскольку темы чешской истории и истории славян — ведущие в творчестве Алеша.

Говоря об интересе Алеша к французскому живописцу Деларошу, польским художникам Матейке и Гроттгеру, было бы, на наш взгляд, логично вспомнить и об интересе Алеша к русскому искусству, в частности, к В. М. Васнецову и И. А. Билибину, с которым он даже переписывался. Не случайно Алеш говорил о России: «Там бы меня поистине повяли»². Между прочим, Алеш был лично знаком с одним из организаторов передвижных выставок — русским художником И. С. Малининым. О серьезном интересе Алеша к русской культуре говорят и многие его произведения, в частности, наброски к «Русскому циклу», крупноформатный цветной рисунок «Полки Игоревы» и др.

Заслуживал бы внимания и вопрос о позитивном влиянии Алеша на последующее развитие всей чешской художественной культуры (изобразительное искусство, литература, музыка, театр). Можно было бы сказать в книге еще и о карикатурах Алеша, членивших немалый общественный резонанс, о значении его исторических композиций в технике сграффито, о сотрудничестве с писателями, театром и т. д. Безусловно, автор был стеснен небольшим объемом книги, однако представляется, что даже конспективное освещение хотя бы части из упомянутых вопросов обогатило бы ее.

Не всегда ясен принцип отбора произведений Алеша для рассмотрения. В главе «Сграффито», например, не упоминаются эскизы для росписи вестибюля Староместской ратуши, а при характе-

ристике иллюстраций Алеша — его рисунки к «Глупому Гонзе» Квиса.

Некоторые положения книги представляются не вполне ясными или даже спорными. Не совсем понятно, почему автор считает более значительной, с точки зрения графики, так называемую «Гричиржеву азбуку», нежели рисунки для «Букваря» (стр. 106). Ведь речь идет о разных типах произведений (в одном случае — буквы-рисунки, в другом — просто рисунки). Автором недооценивается та роль, которую сыграли в истории оформления детской книги алешовские иллюстрации к «Колоколам и колокольчикам» Сладака.

В «Заключении» книги говорится: «Действительное значение Алеша не в том, что он рисовал гуситов и восстания крестьян — это делал и Карел Явурек, а позже Венцеслав Черный, — а в том, что, вдохновленный эпохой национального исторического мифа, он высекал огонь своего отточенного изобразительного стиля, независимо ни от чего, в согласии лишь с собственными художественными убеждениями» (стр. 120). Вряд ли правомерно видеть значение творчества Алеша только в выработке изобразительного стиля. Художественная деятельность и ее результат представляют собою нечто целое, где форма и содержание составляют диалектическое единство. Думается, поэтому правильнее видеть значение Алеша и в том, что он рисовал, и в том, как рисовал.

Вызывает сомнение и еще одно место из «Заключений»: «Пример Алеша для современности — прежде всего этический и никак не эстетический, это вопрос не художественной нормы, но идейных побуждений. Алеш не является и не может быть эстетическим образцом, он лишь великое нравственное обязательство» (стр. 118). Эти слова противоречат другому высказыванию автора об Алеше: «Он остается постоянным импульсом наших эмоций, источником неослабевающих эстетических наслаждений» (стр. 117), — и представляются неточными. Конечно, сейчас чешские художники не рисуют так, как во времена Алеша. Но разве только технические приемы и стилевые признаки творчества могут быть примером в изобразительном искусстве? Эстетическое отношение художника и любого человека к художественному наследию прошлого определяют многие факторы, среди которых на одном из первых мест — сами эстетические свойства того или иного произведения искусства. Писатель и своеобразный рисовальщик Йозеф Рыбак в 1974 г. пишет о Миколаше Алеше, как о «своем недостижимом образце»³. А вот что сказал об Алеше Йозеф Лада: «Мне хотелось передать в рисунке то внутреннее сияние, которое излучали

² Цит. по кн. E. Svoboda. Jak Mikoláš Aleš žil a tvořil. Praha, 1920, s. 105.

³ J. Rybák. Kouzelný proutek. Praha, 1974, s. 130.

его пейзажи»⁴. Подобных примеров можно было бы привести много, причем не только из области изобразительного искусства. Так, эстетическим воздействием Алеша, подлинной народностью его творчества можно объяснить появление у ряда чешских поэтов (Ф. Грубина, Ф. Бранислава, В. Незвала, Я. Беднаржа, Л. Стеглика и др.) стихотворений, навеянных его произведениями.

Есть в книге несколько фактических неточностей. У Алеша нет произведения под названием «Белорусские мученики» (стр. 27), очевидно, речь идет о рисунке «Белогорские мученики». Пятый лист цикла «Чувства» охарактеризован так: «Заключение цикла составляет композиция, представляющая двух девушек с конем на фоне пейзажа с замком...» (стр. 41). На самом деле Алешем изображены юноша-воин с саблей на боку и девушка, которая дарит ему венок.

Фигуры двух медведей для украшения одного из пражских зданий были созданы Алешем не в 1890 г. (стр. 89), а в самом начале 80-х годов.

В приложении к книге даются две параллельные хронологические таблицы: «Даты жизни и творчества Миколаша Алеша» и «Знаменательные события политической и культурной жизни». Они в целом полезны и интересны, но могли

⁴ J. Lada. Kronika mého života. Praha, 1960, s. 147.

бы быть составлены более тщательно. Так, например, в «Датах жизни и творчества...» отсутствует упоминание о создании крупнейшей по значению исторической картины художника «Встреча Иржи Подебрада с Матиашем Корвином» (1878). Иллюстрировать народные песни художник начал не в 1886 г., как указано в таблице, а значительно раньше. Не ясно, какое непосредственное отношение к Алешу имеет поражение французов у Седана в 1870 г., обозначенное в «Знаменательных событиях...»? В то же время в них не отмечена русско-турецкая война 1877—1878 гг., события которой живо интересовали Алеша и нашли отражение в его творчестве.

Сделанные замечания, значительную часть которых правильнее считать пожеланиями, не мешают нам приветствовать появление новой книги об Алеше. В изучении огромного наследия Алеша (около 8 тыс. произведений) сделано еще далеко не все: предстоит создать сводный каталог произведений Алеша, общую библиографию работ о художнике, издать его корреспонденцию (к настоящему времени опубликована лишь часть ее), записные книжки, высказывания об искусстве. Хочется надеяться, что вслед за вышедшей книгой об Алеше появятся другие, ибо богатое художественное наследие Алеша, бесспорно, заслуживает внимания.

Л. С. Кишкин

С. Б. БЕРНШТЕЙН. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., «Наука», 1974, 377 стр.

Эта книга является продолжением, вторым томом большого исследования по истории праславянского языка, первый том которого вышел тринадцать лет назад¹. Он содержал развернутое «Введение» и «Фонетику» и ориентировался на студентов². Второй том, будучи формально продолжением того же учебника, несравненно шире университетских курсов по рассматриваемой проблематике и глубже их по разработке отдельных проблем. Это делает данную монографию новым фундаментальным исследованием по сравнительной грамматике славянских языков, которое представляет большой интерес как для всех лингвистов-славистов, так и для специалистов в области теории языкознания.

Книга состоит из двух частей: «Чередования» и «Именные основы». Они раз-

работаны, бесспорно, на основе тех же методологических принципов, что и «Фонетика» в I томе. Но представляется, что именно в описании чередований и именных основ особенно отчетливо проявились наиболее характерные для авторского метода черты: внимание к актуальной проблематике, поиски неосвоенных вопросов и аспектов, чувство историзма, сочетающееся с остротой зрения в синхронном разрезе, с умением «остановить мгновение» в истории языка и оценить его собственную структуру, внутренние отношения как причину дальнейшего развития.

Особого внимания заслуживает первая часть — «Чередования». Выделение этого раздела в самостоятельную часть книги, значительный объем (более трети тома) и характер разработки составляют существенную особенность рассматриваемого труда. Описание чередований дается во всех сравнительных грамматиках славянских языков, однако место ему отдается не одно и то же: например, уже А. Мейе включил раздел «Чередования» в очерк морфологии, подчеркнув этим

¹ С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961.

² Там же, стр. 3.

грамматическую роль чередований³, тогда как А. Вайн по традиции сделал описание чередований частью фонетики⁴. Еще более существенны различия в направлении описания славянских чередований. В последнее время большое внимание уделяется истории чередований (особенно аблаута) в праславянском языке⁵. Спецификой труда С. Б. Бернштейна является разработка вопроса о славянских чередованиях как очерка праславянской и далее славянской (для отдельных славянских языков) морфологии, которая «занимает совершенно равноправное положение на уровне фонетики, фонологии, словообразования, морфологии, синтаксиса» («Очерк», стр. 7).

Непосредственному анализу праславянского состояния предшествует изложение взглядов автора на предмет и задачи морфологии и определение соответствующих терминов. Предлагаемая концепция морфологии была разработана в ряде статей С. Б. Бернштейна. Как показывают исследования, выполненные в русле этой концепции, она весьма перспективна и для теоретической работы в области морфологии, и для решения конкретных вопросов⁶. В «Очерке сравнительной грамматики славянских языков» невозможно, разумеется, детальная аргументация всех теоретических положений морфологии в трактовке автора. И надо признать, что, при всей сжатости изложения, в целом авторская точка зрения выражена достаточно ясно и убедительно. Однако некоторые вопросы и возражения все-таки появляются, и о них следует сказать, поскольку, во-первых, морфологическая теория очень существенна для рассматриваемого труда, и, во-вторых, эти вопросы и возражения не снимаются и при чтении специальных, собственно морфологических работ автора.

Некоторые термины не совсем удачны. Термины «словообразовательные чередования» и «деривационные чередования» формально слишком близки к тождеству, тогда как они используются автором для обозначения существенно различных

явлений: словообразовательные чередования — это чередования алломорф (см. стр. 14), а деривационные чередования — вид морфонологических чередований, т. е. чередований альтернантов (стр. 17). Термин «несоотносительный ряд» представляется внутренне противоречивым и не подходящим для обозначения изолированного звена (например, беглых гласных — см. стр. 18). Сущность противопоставления явлений, обозначаемых терминами «соотносительный ряд» — «несоотносительный ряд», можно было бы выразить терминами «ряд (звеньев)» — «изолированное звено».

Одно из положений морфонологической теории автора следовало бы дать в развернутом виде даже в «Очерке»: речь идет о различении морфонологических чередований (т. е. чередований альтернантов в определенной морфеме) и словообразовательных чередований (т. е. чередований вариантов морфем, алломорф). Это различие не вызывает возражений в теоретическом плане, но представляется затруднительным практически, особенно для древних уровней языка. В «Очерке» это различие является теоретической базой полемики автора с П. С. Кузнецовым по одному из основных вопросов славянских чередований — по вопросу о хронологии продуктивности качественного чередования [ě : ѓ] (стр. 14—15, 31—32). Возражая против гипотезы П. С. Кузнецова о том, что чередование [ě : ѓ] было продуктивным не только в праславянском языке, но и в ранние эпохи самостоятельных славянских языков, С. Б. Бернштейн толкует приведенные П. С. Кузнецовым древнерусские образования типа *отокъ* 'остров', *потокъ* 'ссылка' и т. д. как свидетельство не живых морфонологических чередований [ě : ѓ], а чередований алломорф *tek-* и *tok-*, что и является одним из оснований для вывода: «...качественные чередования [ě : ѓ] и [ě : ѓ] в праславянском рано утратили продуктивность» (стр. 32). Не оспаривая этого вывода, хотелось бы увидеть практические критерии отнесения случаев типа др.-русск. *отечи* — *отокъ* к чередованию алломорф, а не альтернантов (фонем).

В описании праславянских чередований первое место, естественно, отведено аблауту. Перечень рассматриваемых проблем обнаруживает тщательность и широту описания: индоевропейские источники аблаута, его структура и хронология, особенности аблаута в положении перед сонантами, преобразование его после монофтонгизации дифтонгических сочетаний, грамматические функции аблаута, аблаут в диалектах праславянского языка, преобразование аблаута в ранние периоды истории отдельных славянских языков. Последовательность освещения этих вопросов свидетельствует о внимании автора к истории аблаута, которое

³ А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 152.

⁴ А. Vaillant. Grammaire comparée des langues slaves, t. I. Phonétique. Lyon, 1950, chap. X.

⁵ Ср. G. Shevelov. A Prehistory of Slavic. The Historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.

⁶ Ср., например, исследование по польской морфологии: Н. Е. Ананьева. Альтернания в парадигматике существительных польского говора деревни Гайде Игналинского района Литовской ССР. Автореферат канд. диссертации. Изд-во МГУ, 1974.

сочетается со стремлением построить строгое морфонологическое описание для определенных хронологических уровней праславянского языка, четко разграничивая ранний и поздний периоды его истории. Соответственно особое значение приобретает решение вопроса о хронологии продуктивности аблаута в праславянском языке. Как уже было сказано выше, автор аргументирует преобладающую в настоящее время и, кажется, наиболее обоснованную точку зрения об актуальности для позднего праславянского периода только количественных чередований, тогда как продуктивность качественных чередований сохранялась лишь в ранний праславянский период («Примеры типа *ъбогъ* могли сформироваться в тот ранний период истории праславянского языка, когда чередования [ѣ : ѓ] были еще продуктивными», стр. 32). Однако, тщательно обосновывая свое мнение о невозможности сохранения продуктивности качественного аблаута в позднепраславянский период и в ранние периоды истории отдельных славянских языков, С. Б. Бернштейн совсем не останавливается на аргументации или хотя бы иллюстрации актуальности чередований [ѣ : ѓ] и [ѣ : ѓ] в ранний период истории праславянского языка. Между тем, такая аргументация представляет не меньший интерес. Вообще самый ранний период праславянского, когда еще действовали унаследованные от индоевропейского качественные чередования и переместительные (билатеральные) чередования, освещен слишком скупо (последний тип чередований вообще не рассматривается⁷). Описание грамматических функций качественного аблаута также нацелено скорее на тот период праславянского, когда качественные чередования были уже непродуктивными: автор не столько реконструирует глагольно-именные пары, связанные чередованиями [ѣ : ѓ] и [ѣ : ѓ], сколько показывает сложность, пестроту, неоднородность соотношений однокоренных имен и глаголов в праславянском даже до монофтонгизации дифтонгических сочетаний, которая еще более усложнила старые чередования (см. стр. 40—42).

Убеждение в ранней утрате праславянским языком продуктивности качественного аблаута и стремление к описанию морфонологической системы более позднего состояния определили отношение автора к термину «ступень аблаута». С. Б. Бернштейн считает необходимым, если не совсем отказаться от этого термина, то во всяком случае ограничить его употребление и заменить его термином

«огласовка аблаута»: «Дело в том, что в праславянском уже не существовало иерархии между различными огласовками качественного аблаута и в большинстве случаев между различными огласовками количественного аблаута... Применительно к праславянскому вернее говорить не о ступенях, а о различных огласовках аблаута. Полагаю, что этот термин предпочтительнее даже в таких случаях количественных чередований, как *ърати — засърати*, *ълати — посълати*..., так как в данном случае мы имеем дело уже не с чередованием на ступени редукции, а с чередованием кратких и долгих гласных...» (стр. 27). Это положение имеет методологический характер и нацелено на достижение большей строгости описания. Но дело даже не в том, идет ли речь о чередовании редуцированных гласных с гласными долгими или краткими и долгими: термин «ступень аблаута», бесспорно, связан с предствлением об иерархических отношениях альтернатив и с диахроническим планом, тогда как для описания синхронной системы чередований более подходит термин «огласовка», не вызывающий ассоциаций с иерархией. Поэтому в отношении чередования *ърати — засърати* можно употребить термин «ступень аблаута», рассматривая его в диахроническом плане, и термин «огласовка», описывая синхронные отношения⁸.

Проводя принципиальное разграничение диахронического и синхронического подхода, в одном случае трактовки и описания количественных чередований автор, кажется, допустил смешение этих двух планов. Речь идет о возможности и сущности непосредственного сопоставления огласовок ѣ, а и ѣ, ѱ из ряда чередований [ѣ : ѓ : ѣ : ѣ : ѣ : а : ѣ : ѱ] в исконных легких базах. С. Б. Бернштейн пишет: «На основной ступени праславянский язык не различает чередований в тяжелых базах и в продолгии легких баз. И в легких базах в этом случае найдем [ѣ : а]. Иначе дело обстоит на ступени редукции. Здесь в легких базах праславянский язык уже никогда не представляет гласного о. В соответствии с чередованием кратких монофтонгов [ѣ : ѓ : ѣ : ѣ] в морфемах с долгими монофтонгами здесь найдем ряд чередова-

⁷ О собственно славянских случаях переместительного аблаута см. R. A n t i l l a. Proto-Indo-European Schwebeablaut (University of California Publications Linguistics 58). Berkeley and Los Angeles, 1959.

⁸ Впрочем, специалисты-морфонологи обсуждают возможность «трактовки чередования как отношения с фиксированным направлением» (С. М. Т о л с т а я. О некоторых трудностях морфонологического описания. «Вопросы языкознания». 1971, № 1, стр. 40), причем в определении направления представляется возможным и исторический критерий (там же, стр. 24). В этом смысле термин «ступень аблаута» применим и к описанию праславянского состояния на каждом хронологическом уровне.

ний [ѐ : а : ĭ : ŷ]. Таким образом, теперь чередования на ступенях редукции в обычном (кратком) и продленном варианте будут иметь вид [ь : ĭ, ъ : ŷ] (стр. 35). Далее, рассматривая количественные чередования в глаголах в связи с развитием категории вида, автор подчеркивает: «здесь огласовки ь, ĭ, ъ, у нельзя рассматривать как ступень редукции» (стр. 43). И, наконец, о тех же чередованиях: «Теперь в инфинитиве находим только бинарные противопоставления долгих гласных альтернантов кратким гласным альтернантам. В данном случае различать исконно краткие гласные и гласные сверхкраткие нет никаких оснований. И долгий альтернант может исторически восходить к ступени редукции. Так, чередование [ā : ō] выполняло такую же функцию, что и чередование [ŷ : ъ] (ср. lomiti — lamati, lygati — lygati)» (стр. 92). Таким образом, автор специально акцентирует, что историческое, генетическое значение огласовки ĭ, ŷ в исконно легких базах — ступень редукции, и даже отождествляет отношения [ѐ : ѓ : ь : ъ] и [ѐ : а : ĭ : ŷ], так что ĭ, ŷ оказываются ступенью редукции по отношению к нормальной ступени ѐ, а. Но самое функционирование огласовок ĭ, ŷ в глаголах, производных от глаголов с ь, ъ, однородность противопоставлений [ь, ъ : ĭ, ŷ] и [ѐ, ѓ : ѐ, а] (lygati — lygati, lomiti — lamati) и изофункциональность ĭ, ŷ и ѐ, а (ср. lygati и lamati) обнаруживают и генетическую и функциональную сущность ĭ, ŷ как ступени удлинения (хотя и производной от ступени редукции). Непосредственное сопоставление [ĭ, ŷ : ѐ, а] возможно лишь в синхронном плане, и лишь здесь может возникнуть определение ĭ, ŷ как ступени редукции в сопоставлении с ѐ, а. Но встает вопрос о правомерности и цели этого сопоставления: возможны ли отношения [ĭ, ŷ : ѐ, а] как живые, продуктивные чередования без ь, ъ и ѐ, ѓ в качестве их неизменных посредников-альтернантов?

Большой интерес представляет раздел «Аблаут в диалектах праславянского языка» (стр. 45—48), который, кажется, впервые появляется в сравнительной грамматике славянских языков. Для истории праславянского аблаута и истории диалектов праславянского языка очень существенны наблюдения автора, позволяющие сделать вывод об особенной активности ступени редукции в процессе генерализации огласовок в южнославянских языках (стр. 46). Эти наблюдения — один из многих случаев, когда автор «Очерка» открывает перспективы дальнейших исследований, не только поставив вопрос, но и показав реальность и плодотворность его решения.

По мнению С. Б. Бернштейна, «различия в праславянских диалектах объясняются не исконными различиями в судьбах индоевропейского аблаута, а различной

направленностью процессов генерализации морфем с различными огласовками» (стр. 45). Нельзя не согласиться с тем, что эти различия в направлении генерализации являются основным источником различий в огласовках по славянским языкам. Но термин «генерализация» весьма широк, и автору следовало бы конкретизировать его содержание, а также раскрыть механизм действия генерализации. Вероятно, под генерализацией следует понимать обобщение, преимущественное распространение той или иной огласовки, не связанное с действием собственно аблаута. В сфере отглагольных имен, например, можно указать два источника вариантности корневого вокализма, которые покрываются термином «генерализация»: 1) параллельное образование имен в различных диалектах от разных глагольных основ, отличающихся друг от друга по огласовке: ср. *ruxlъ(jь) : *rъxlъ(jь) : *ruxlъ(jь), *kodylbina (русс. колдобина) : *kodelbina (диал. чеш. словац. kolebina); эти соотношения свидетельствуют о том, что в различных диалектах в качестве производящих основ для отглагольных имен предпочитались разные глагольные основы; 2) сохранение древнего праславянского отглагольного имени в части диалектов и преобразование его вокализма по аналогии с родственным глаголом в других диалектах: ср. *obplotъ : *obpletъ, *sodorga : *sodъrga, *zorkъ (болг. зрак, русск. диал. зорок) : русск. диал. зирок⁹.

Однако генерализация вряд ли была единственным источником различий в огласовках между праславянскими диалектами. Разумеется, праславянский язык и его диалекты не изменили структуру индоевропейского аблаута (ĭ, ŷ в легких базах — вариант, вид долгой ступени). Но различия между праславянскими диалектами могли выразиться в использовании различных ступеней аблаута в праславянских новообразованиях, принадлежащих к определенным морфологическим и словообразовательным категориям. Эти различия в количественном аблауте довольно отчетливо проявляются в первой огласовке производных глаголов несовершенного вида по различным группам славянских языков, где они восходят, вероятно, к позднему периоду праславянского языка (ср. ст.-слав. -брати, русск. -братъ, ст.-польск. -bīrati, ст.-чеш. -bīerati, словац. -berati). Представляются возможными также различия в использовании качественного аблаута, относящиеся к раннему периоду праславянского языка.

⁹ Ж. Ж. В а р б о т. О возможностях диахронического истолкования морфонологической вариантности в славянских отглагольных именах. В сб. «Славянское языковедение. VII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации». М., 1973.

В разделе об аблауте (как и во всей книге) использован большой лексический материал, как из славянских литературных языков, так и из славянских диалектов. Толкования некоторых конкретных случаев, кажется, нуждаются в уточнениях. Так на стр. 34 читаем: «Наиболее древние случаи продолжения были связаны и обусловлены ларингалами. Данный тип чередования представлял ряд [ē : ō : ə]. В праславянском он был отражен в виде [ē : a : ō] : spēti — sporъ..., stati — stojō, bajati — bobony, řezati — gazъ 'отрезок', rogaziti, ст.-слав. *приразити* сА. Ослабленную ступень отражает польское *gzań* < *gъzъti**. Как же соотносятся огласовка о < ə в *sporъ*, *stojō* и т. д. и огласовка ъ в *gzań*? Восходит ли ъ в последнем случае к ə? Или *gzań* является результатом более поздних чередований, как считает, например, А. Вайан¹⁰?

На стр. 34 сказано: «...чередование [ō : ə] в праславянском могло отразиться в виде [ā : ū]. Это наблюдается после *д*: *kvaъ* (< *kъōs*-) — *kъsъti* (< *kъās*-)...». Обозначение этого чередования как [ā : ū] представляется неточным: џ не только обуславливало специфику чередования, но и участвовало в нем, поэтому точнее было бы обозначение [vā : ū].

На стр. 41, указывая на спорность этимологической связи ю.-слав. *vada* 'маленькая канавка' со слав. *voda*, автор ссылается на отсутствие чередования [ō : ə] в именных основах. Но русск., укр. *гал*, родственное слав. *golъ*¹¹, свидетельствует, что и в именах чередование [ō : ə] было возможно. Что же касается этимологии ю.-слав. *vada*, то его родство с *voda* действительно маловероятно. Др.-русск. *водоважа* — калька *aquaeductus*, *ὄδραγωγός* — позволяет скорее думать о родстве *vada* — *vadja* со слав. *vesti*, *voditi* (ступень ō представлена в этом гнезде русскими *спроводить*, *отвѣдывать* и т. д.).

Обращаясь к анализу чередований согласных, автор, естественно, сосредотачивается на описании альтернативных звеньев согласных, сформировавшихся в поздний период истории праславянского языка. Относительно существования чередований согласных в раннепраславянском автор замечает, что «отдельные изолированные случаи quasi-чередований согласных альтернатив можно отнести еще к древнейшему периоду: *pruskati* — *bryzgati*, *kokotati* — *gogotati*, *koпоlъ* — *gomolъ*..., *kruša* — *gruša*, *tal-* — *dal-* (ср. чешск. *dálný*, но *otáleti* 'медлить, замедлять'; см. лит. *tolì* 'далеко'), *solt-* — *sold-*: ср. болг. *сладък* — диал. *слатък*,

русск. старославянизм *слаже* (< *soldje*) — *слаще* (< *soltje*), *погътъ* — *покътъ*. Все приведенные примеры характеризуют отношения вариантов в различных языковых системах (диалектах), поэтому в собственном смысле слова они не являются чередованиями» (стр. 23). Действительно, те немногие случаи вариантности согласных, которые могут быть отнесены к древнейшему периоду, не похожи на возникшие позже чередования, но дело не только в принадлежности вариантов к различным диалектам: *pruskati* и *bryzgati*, *kokotati* и *gogotati* возможны и в одном диалекте, но вариантность здесь звукоподражательного происхождения и никогда не имела морфологического значения. Последнее и является особенностью древнейших случаев вариантности согласных. Что же касается отношений русск. *слаже* — *слаще*, русск. *ноготь* — с.-хорв. *ндкат*, польск. *raznokieć* (и т. д.), то они вряд ли могут служить основанием для реконструкции праславянской вариантности *soldje* — *soltje*, *погътъ* — *покътъ*. Русск. *слаще* может быть объяснено из основы сравнительной степени женского рода и косвенных падежей *soldjъs* —> *слажши*¹² (с последующей ассимиляцией). Звук *к* в с.-хорв. *ндкат*, польск. *raznokieć* (как и русск. простореч. *ноготь*) скорее является результатом позднего оглушения, по аналогии с оглушением *g* > *k* перед *t* в косвенных падежах после падения редуцированных, ср. русск. [нокт'а]¹³.

Анализ чередований, сформировавшихся на праславянской почве, перерастает в описание судьбы общеславянских чередований (беглые гласные, чередования заднеязычных согласных с шипящими и свистящими, чередования других согласных, генетически связанные с процессами палатализации) в отдельных славянских языках. Как признает и автор (стр. 3), это расширение хронологических границ исследования противоречит традиции сравнительных грамматик. Оно представляется, однако, закономерным в таком особом типе сравнительной грамматики, каким является данный «Очерк». Весь большой обзор чередований на почве отдельных славянских языков в их парадигматике и словообразовании разработан очень тщательно, на обширном материале и чрезвычайно поучителен как опыт описания преобразований единой исходной системы чередований в истории

¹⁰ A. Vaillant. Grammaire comparée..., t. III. Paris, 1966, p. 241.

¹¹ М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Русский перевод и дополнения О. Н. Трубачева, т. I, М., 1964, стр. 384.

¹² И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. III, СПб, 1903, стб. 410: *память мѡѡ слажши* меду (Сборник 1076 г., л. 83), *словеса... слажшиа* паче меду (Кирилл Туровский. Поуч. в нед. пят. 55).

¹³ A. Вгүскнег. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1957, s. 400; P. Sko k. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, kn. II. Zagreb, 1972, s. 522—523.

родственных славянских языков. Построение этого описания представляется, однако, несколько непоследовательным: оно ведется то по видам чередований (беглые гласные), то по грамматическим категориям (чередования в именах на -ā, чередования в образованиях с суффиксом -ък, чередования в инфинитиве, в аористе и т. д.), так что в случае инфинитива и аориста рассматриваются и чередования гласных, и чередования согласных. При выдвигании морфонологии на один уровень с фонологией, словообразованием и морфологией методически более строгим было бы описание, исходящее из видов чередований.

Вторая часть книги — «Именные основы» — состоит из двух вводных разделов и 9 разделов, посвященных соответственно именным основам на -s, -n (-men), -et, -r, -ū, -ŷ, -i, -ō, -ā. Во вводных разделах (§ 25, 26) рассматриваются вопросы теории изучения именных основ в праславянском языке. Специфика этого изучения обосновывается принципиальным отличием праславянских именных основ от индоевропейских, а также существенными преобразованиями именных основ в истории праславянского языка. Развивая мысль Бодуэна де Куртене о невозможности реконструкции древних показателей основ как актуальных словообразующих элементов на праславянском уровне, С. Б. Бернштейн особенно подчеркивает, что «восстанавливать тот или иной древний основообразующий элемент можно лишь в тех праславянских именных основах, которые перешли в праславянский из индоевропейского» (стр. 137), так что «всякие споры о принадлежности собственно праславянских именных основ к различным древним классам индоевропейского имени бессодержательны» (там же). Эта мысль дополняется положением о возможности вхождения некоторых праславянских новообразований в парадигматические классы, продолжающие очень древние именные структуры (так, *voľ* и *roľ*, будучи собственно славянскими образованиями, и в парадигматических изменениях, и в деривации следовали моделям, восходящим к основам на -ŷ, см. стр. 143). Очень существенно также второе акцентуемое автором положение — о возможности искомого параллелизма в образовании основ с различными основообразующими элементами от одних и тех же корней (стр. 141). Таковы теоретические основы, определяющие освещенные славянских именных парадигматических классов.

Каждый из разделов, посвященных отдельным типам основ, является очень содержательным монографическим описанием, охватывающим целый комплекс вопросов: индоевропейское наследие в праславянских именах определенного типа основ, славянские новообразования, словообразовательные модели, связанные

с данным типом основ, семантика этого класса имен в праславянском. В некоторых разделах в анализ типа основ логично вписывается рассмотрение некоторых вопросов о парадигме, об изменениях конца основы. В разделе об основах на -n(-men) автор предлагает убедительную реконструкцию процесса образования флексии им. пад. ед. ч. (стр. 190). Особым аспектом исследования является рассмотрение истории отдельных классов имен в праславянском, его диалектах и в различных славянских языках. При этом критически пересматриваются результаты предшествующих работ по соответствующим типам основ, а в связи с анализом некоторых имен, с точки зрения их принадлежности к определенному типу основ, поднимаются также вопросы этимологического порядка. Используется обширный лексический материал. Особое значение автор придает диалектным данным, постоянно напоминая о различной исторической значимости литературной и диалектной лексики. В то же время, и это очень важно методологически, признается и сложность соотношения книжной и народной речи в конкретных случаях, например, влияние старославянской лексики не только на язык древнерусской письменности, но и на лексику говоров и фольклора (например, вопрос о др.-русск. *любы*, вост.-слав. *любовь* — см. стр. 225).

Тщательность анализа, осторожность в выводах, проявленная в большинстве случаев, и широта охвата материала предопределили весомость обобщений относительно истории различных типов основ в праславянском. Особенно интересными и существенными представляются выводы по консонантным основам: на -s, на -n(-men), а также по -ū- основам. С. Б. Бернштейн убедительно показывает, что в определенный период истории праславянского языка или отдельных славянских языков эти типы основ активизировались: «...в период формирования праславянской терминологии ткачества, кузнечного дела, строительства основообразующий элемент -n(-men) широко использовался для создания соответствующей производственной терминологии. Он играл большую роль и в создании социальной терминологии, связанной с родовым строем» (стр. 189); в первом тысячелетии н. э. были также продуктивны основы на -ū, которые «в праславянском характеризовались необыкновенным семантическим разнообразием и богатством» (стр. 239); основы на -s оказались продуктивными в древнейший период истории в юго-западных говорах словенского языка, в северо-восточном болгарском говоре и в полабском языке (стр. 162—163).

Как и описание чередований, характеристика именных основ отмечена стремлением к четкой дифференциации различных хронологических уровней. Это проявля-

ется, в частности, в анализе структуры отдельных лексем. Поэтому очень досадны выпадающие из общей картины неточные и противоречивые формулировки. Например, на стр. 250: «праславянские имен-ные основы муж. р. на -dъ: sadъ, plodъ, trudъ, ředъ, rodъ, sōdъ, jadъ, soldъ, smordъ, gadъ, idъ». Определение «основы на -dъ» слишком расплывчато. Аналогично на стр. 279: «В праславянском была значительная группа слов на -gъ, которая изменялась по модели основ на -ǫ: ostrogъ, pirogъ, batogъ, bylogъ, bogъ, rogъ, řyrtogъ, nedogъ, logъ, krogъ, podvigъ, jugъ, porgъ, vorgъ, tьrgъ и под.». В обоих случаях приведенные имена различны по структуре: в одних d (соответственно g) входит в состав корня (sadъ, bogъ), в других — является индоевропейским формантом (soldъ, porgъ), в некоторых именах g — славянский суффикс (pirogъ). Поэтому можно думать, что определение «основы на -dъ (или на -gъ)» имеет в виду просто фонетический конец слова. Но ср. на той же стр. 279: «В праславянском были известны девербативы на -gъ... польск. grabieź, łupieź, kradzieź...», где тождественное определение подразумевает только суффиксальное -gъ.

Некоторые соображения касаются тождества отдельных слов.

Характеристика некоторых локально представленных основ с суффиксом -п- как исконно консонантных (например, dьrben-, breden- — стр. 170, 171) слишком категорична: известна продуктивность этой модели в -jǫ- основах.

Определение географического термина прогу «промина» как -ǫ- основы (стр. 236) неточно, так как здесь у является элементом корня (к ruti).

Автор признает возможность параллельного образования однокоренных основ с различными основообразующими элементами (см. выше). Поэтому утверждение, что grupa — более древняя основа, чем gruda (стр. 179), требует обоснования.

Если др.-русс. *поромА* действительно обозначало судно для переправы через реку (стр. 176), то оно сопоставимо с чеш. *pramen* 'связка плотов' и родственно слав. **rogъ* 'паром', а не **rogmen-* 'клок шерсти'. Соответственно для др.-русс. *поромА*, чеш. *pramen* наиболее вероятно происхождение не от **port* 'разрезать', а от **periti* 'идти, передвигаться'¹⁴.

Истолкование слав. *degъ* как балтийского заимствования (стр. 254) представляется слишком спорным. Ссылка на отсутствие словообразовательных связей и изолированный характер слова неточна,

так как в качестве родственных образованных в этимологической литературе рассматриваются др.-русс. *дъгна* 'струн', среднечеш. *dehen* 'гнилость'¹⁵, словен. *děgniti* 'жечь, гореть', сербо-хорв. диал. *dagalъ* 'костяное масло'¹⁶.

В группе имен с исконной основой на -ǫ, перешедших в мягкой вариант -jǫ (стр. 282—289), можно провести дальнейшее разграничение, разделив имена с исконным корневым j (воjъ, lojъ и т. д.) и j, восходящим к глагольному форманту (čajъ, dějъ; вероятно и куjъ).

Основа *dětъ* сохранилась не только во множественном числе (стр. 261), но и в единственном: сербохорв. *dijet*¹⁷ и чеш. морав. *dět*¹⁸.

Среди имен, восходящих к -ǫ- основам, можно было бы указать русск.-ц.-слав. *въстугы, устугы* 'ремень'.

Приведенные в «Очерке» материалы показывают, что в словенском и полабском функционировала консонантная основа *peros-* 'перо' (стр. 161). Возможно, следы этой основы сохранились также в прилагательном **perestъjъ* (чеш. *peřestý*, белор. *пярэсты* 'пестрый'¹⁹).

Возвращаясь к обзору «Очерка сравнительной грамматики славянских языков» С. Б. Бернштейна в целом и обобщая все сказанное выше, можно повторить, что этот труд является фундаментальным исследованием по истории славянских чередований и именных основ, начиная от раннего этапа развития праславянского языка и кончая начальным периодом истории отдельных славянских языков (причем развитие некоторых явлений прослеживается в общих чертах и дальше, в более поздние периоды). Привлечение большого и оригинального (в значительной части диалектного) материала и рассмотрение отдельных вопросов праславянского языка в постоянной связи с общетеоретическими вопросами являются особенно существенными достоинствами этой книги, которая и обогащает славистику новыми материалами и идеями, и ставит новые вопросы, побуждая к дальнейшим исследованиям.

Ж. Ж. Варбот

¹⁵ Ibid., s. 113.

¹⁶ И. П. Петлева. Этимологические заметки по славянской лексике, III. «Этимология. 1973». М., 1975, стр. 49—50.

¹⁷ P. S k o k. Ibid., kn. I, s. 402.

¹⁸ F. V a r t o š. Dialektický slovník moravský. Praha, 1906, s. 56.

¹⁹ О. Н. Трубачев, реконструируя это праславянское прилагательное, выделяет в нем суффикс -est-. См. О. Н. Трубачев. Наблюдения по этимологии лексических локализмов. «Этимология. 1972», М., 1974, стр. 33—35.

¹⁴ V. M a s h e k. Etimologický slovník jazyka českého. 2 vyd. Praha, 1968, s. 479.

БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ И МАТЕРИАЛЫ ПО СОВРЕМЕННОМУ ПОЛОЖЕНИЮ, ИСТОРИИ, КУЛЬТУРЕ И ЯЗЫКАМ ЗАРУБЕЖНЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ В 1974—1975 г. (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

I. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН ЕВРОПЫ

1. Общие вопросы

Алексеев А., Стрельцов В. Актуальные задачи критики антимарксистских теорий социализма. «Вопросы экономики», 1975, № 4.

Билляк В. Революционные плоды великого подвига (30-летие освобождения Чехословакии от фашизма. Строительство социализма в ЧССР). «Коммунист», 1975, № 6.

Василева Ц. Ревизионизм и антисоветизм. В кн. Критика современной буржуазной и ревизионистской идеологии. М., 1975.

Гертиг Т. Критика некоторых аспектов буржуазной концепции «идеологизации» социалистического общества. В кн. Критика современной буржуазной и ревизионистской идеологии. М., 1975.

Кененнов А. А. Критика современного правового ревизионизма по вопросам социалистического государства и демократии. В кн. Политико-правовые доктрины современного империализма. М., 1974.

Константинов Ф. Т. Социалистический интернационализм — идейная основа единства социалистических стран, оружие в борьбе против национализма и ревизионизма. В кн. Антикоммунизм и ревизионизм на службе империализма. М., 1974.

Кодар С. Ф. Економічні і соціально-політичні основи єдності соціалістичних країн. «Питання нової та поїтньої історії», Київ, 1975, вип. 21.

Мельникова Е. Б., Ниякий В. В. Формирование социально-классовой структуры социалистического общества в ПНР. В кн. Проблемы социально-классовой структуры общества развитого социализма. Серия — Научный коммунизм. Горький, 1975.

Нетоплик Я. Поражение гитлеровского фашизма и строительство социалистического общества в Чехословакии. Научн. коммунизм, 1975, № 2.

Насерб Б. Значение разгрома фашизма Советской Армией для строительства социализма в Польше. Научн. коммунизм, 1975, № 2.

Поспишил Б. 30 лет социалистических свершений на чехословацкой земле. Экономика Сов. Украины, Киев, 1975, № 5.

Семинов В. Мировая система социализма — решающая сила современности. Коммунист Вооруж. Сил, 1975, № 12.

Хромушин Г. Б. Антисоветизм —

орудие империалистической реакции. В кн. Критика буржуазной политической экономии, вып. 4. М., 1975.

2. Международные отношения. Взаимоотношения братских стран и партий. Внешняя политика

Аксенов Ф. Нерушимый боевой союз. К 20-летию подписания Варшавского Договора. «Коммунист Белоруссии». Минск, 1975, № 2.

Белецкий В. Пути обеспечения европейской безопасности. В кн. Проблемы современной Европы. М., 1974.

В интересах мира и прогресса в Европе (К итогам Варшавской консультативной встречи). «Коммунист Молдавии», Кишинев, 1974, № 11.

Дмитриев М. И., Оплот миру и социализму. До 20-річчя створення Організації Варшавського договору. Укр. іст. журн., Київ, 1975, № 4.

Калениченко П. М. Дружба и сотрудничество братских народов (К 30-летию советско-польского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи). «Коммунист Украины», Киев, 1975, № 4.

Коликов Н. На страже всеобщего мира (К 20-летию Варшавского договора). Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 6.

Кривошеев И. Надежный страж мира и социализма. К 20-летию Организации Варшавского договора. Вестн. противовоздушной обороны, 1975, № 5.

Кузьмин М. К 30-летию Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и ПНР. Внешн. торговля, 1975, № 4.

Лебедев А., Поклад Б. Жизненная сила советско-польской дружбы. Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 5.

Лукашевич Е. Договор дружбы и братства. Парт. жизнь, 1975, № 7.

Нежинский Л. Н. У истоков социалистического содружества. «Новая и новейшая история», 1975, № 3.

Орлик И. И. СССР и укрепление социалистического содружества. Вопр. истории, 1975, № 4.

Скороденко П. Политический и военный союз социалистических стран. К 20-летию подписания Варшавского договора. Коммунист Сов. Латвии, Рига, 1975, № 5.

Хнёупек Б. Чехословакия в борьбе за мир и социализм. Междунар. жизнь, 1975, № 5.

Шевченко Э. С. Союз во имя мира. Вопр. истории, 1975, № 5.

Якубовский И. Боевое сотрудничество армий социалистических государств. Воен.-ист. журн., 1975, № 5.

Якубовский И. И. Надежный страж мира и социализма (К 20-й годовщине создания Организации Варшавского договора). «Коммунист Украины», Киев, 1975, № 5.

Ярошевич П. 30 лет братского союза. 30-летие подписания польско-советского Договора о дружбе, взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. «Коммунист», 1975, № 5.

3. Экономика. Экономическое сотрудничество

А. Л. XXIV заседание Постоянной комиссии СЭВ по статистике (Москва, декабрь 1974 г.). Вестн. статистики, 1975, № 3.

Алмашан Б. Сотрудничество в развитии нефтяной и газовой промышленности. В кн. Экономическое сотрудничество стран — членах СЭВ. М., 1974.

Алмашан Б. Сотрудничество в развитии нефтяной и газовой промышленности. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 1.

Аперьян В. Е. Вопросы интенсификации общественного производства в странах — членах СЭВ. В кн. Экономико-математические методы в зарубежной статистике. М., 1974.

Астаскевич Р. З., Виноградов Ф. Л. Критика реформизма, ревизионизма и догматизма по вопросам экономического соревнования и борьбы двух систем. В кн. Критика антинаучных концепций в курсе политической экономии. Учебн. пособие, ч. 1. Докапиталистические и капиталистические способы производства. Саратов, 1974.

Баганич А. По пути плодотворного сотрудничества (Экономическое сотрудничество СССР и ЧССР в 1974—1975 гг.). Экономика Сов. Украины, Киев, 1975, № 5.

Байбаков Н. Главный рычаг развития социалистической экономической интеграции (Подготовка Согласованного плана многосторонних интеграционных мероприятий). Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 1.

Балыбин В. 43-е заседание Постоянной Комиссии СЭВ по внешней торговле. Внешн. торговля, 1975, № 6.

Барковский А., Исупов В., Ягодовский Л. Страны — члены СЭВ в 1974 году. План. хоз-во, 1975, № 6.

Березин В., Альберс Г. Сотрудничество стран — членов СЭВ с развивающимися странами. Внешн. торговля, 1975, № 1.

Богачевский Г. М. Социалистическая интеграция — фактор интенсификации расширенного воспроизводства. В кн. Расширенное социалистическое вос-

производство и использование экономических законов. Материалы респ. научн.-теорет. конф. Одесса, 1974.

Боринець С. Я. Закономірний характер науково-технічної інтеграції країн соціалізму. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Ботизи Э. Э., Тищенко Л. А. Показатели межотраслевого анализа интенсификации сельского хозяйства. В кн. Экономико-математические методы в зарубежной статистике. М., 1974.

Боушка И., Нахтигал Б. Составление и применение баланса межотраслевых связей в народном хозяйстве Чехословакии. В кн. Экономико-математические методы в зарубежной статистике. М., 1974.

Бочар К. Проблемы организации и управления в потребительской кооперации и кооперации снабжения и сбыта в ПНР. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Будкин В. С. Соціалістична економічна інтеграція та розвиток міжнародних виробничих відносин країн соціалізму. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Вайс Т. О социально-экономической политике в странах — членах СЭВ и Югославии. План. хоз-во, 1975, № 2.

Вардомский Л. Б. Международный транзит в социалистической зарубежной Европе. Вестн. Моск. ун-та. География, 1975, № 3.

Войцеховска У. Совершенствование методов управления и планирования народного хозяйства в ПНР. «Финансы СССР», 1975, № 5.

Главатчек О. Система регулирования рынка стран СЭВ. Вопр. экономики, 1974, № 12.

Годы плодотворного сотрудничества стран — членов СЭВ. М., 1975, № 1.

Гончаров С., Подклетнов В. Сопровождение специалистов институтов плановых органов социалистических стран. План. хоз-во, 1975, № 6.

Горбась В. Новые принципы оплаты труда в издательствах ПНР. Издач. дело, 1975, вып. 4.

Гришин А. В. Некоторые вопросы социальной политики ЧССР. Рабочий класс и соврем. мир, 1975, № 3.

Губенко И. Международный банк экономического сотрудничества стран — членов СЭВ, 1975, № 1.

Гугасьян В. Г. Вопросы научно-исследовательской работы в кооперативных организациях социалистических стран. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических

стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Деятельность МИБ в 1974 году. Эконом. газ., 1975, № 20.

Дімова Г. А. Поеднання інтернаціональних і національних інтересів соціалістичних країн в умовах економічної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Дудолодов Б. Н. Экономика Югославии в 1974 г. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1975, 31 мая, № 63.

Дудчак В. І. Соціалістична економічна інтеграція — якісно вища ступінь у розвитку співробітництва країн — членів РЕВ. В кн. Питання теорії та аналізу економічного розвитку на сучасному етапі. Київ, 1974.

Евстигнеев Р., Файнштейн П. Совершенствование показателей хозяйствования ПНР. Эконом. газ., 1975, № 25.

Жербрак Л. И. Экономическая интеграция социалистических стран. В кн. Расширенное социалистическое производство и использование экономических законов. Материалы респ. научн.-теорет. конф. Одесса, 1974.

Жишев Н. Система материально-технического снабжения в Народной Республике Болгарии. Материально-техн. снабжение, 1975, № 5.

Журавлев Ю. Международные связи СЭВ. «Международная жизнь», 1975, № 6.

Завьялов В. О работе постоянной комиссии СЭВ по статистике в области автоматизации обработки данных. Вест. статистики, 1975, № 6.

Иржик С. Кооперативное движение в системе социалистической демократии. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Кан П. Я. Некоторые вопросы экономического соревнования двух мировых систем на современном этапе. В кн. Основные черты и особенности развитого социалистического общества. Л., 1975.

Капранов И. Экономическое и техническое содействие СССР зарубежным странам. Внешн. торговля, 1975, № 6.

Киселев В. К. Международное сотрудничество по вопросам рыболовства на Дунае. Рыбное хоз-во, 1975, № 4.

Ковалева Т. С. Использование закона стоимости в практике планового управления социалистическим производством европейских стран социализма. Труды Ленингр. инж.-экон. ин-та, 1975, вып. 109.

Ковач Ш. Применение отдельных форм кооперативов в строительстве социализма. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на совре-

менном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Коган Е. Проблемы социально-экономической политики братских стран. Вопр. экономики, 1975, № 2.

Козлов В. И. Социалистическая интеграция и совершенствование планирования и экономического стимулирования строительства в странах — членах СЭВ. В кн. Проблемы развития и углубления хозяйственной реформы в строительстве. М., 1975.

Колесник В. С. Зближення і вирівнювання рівнів економічного розвитку соціалістичних країн в умовах соціалістичної економічної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Крыстев Г. Планомерный рост сельскохозяйственного производства и пищевой промышленности. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 1.

Кудряшов М. СЭВ — международная экономическая организация нового типа. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 1.

Летенко А. В. Научно-техническое сотрудничество стран — членов СЭВ — важный фактор прогресса в машиностроении. В кн. Воронежский политехнический институт. Научн. конференция. 1974. Материалы научной конференции Института. Секция экономических наук. Воронеж, 1974.

Колубай В. П. Підвищення ефективності машинобудування Народної Республіки Болгарії в умовах соціалістичної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Константинов Ю. Валютно-финансовое сотрудничество стран СЭВ. Вопр. экономики, 1975, № 6.

Копча И. Полнее удовлетворять постоянно растущие потребности населения — задача сотрудничества. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, М., 1975, № 1.

Кормнов Ю. Планово-экономический механизм отраслевой интеграции. План. хоз-во, 1975, № 6.

Крашенинников А. И. Сотрудничество кооперативных организаций социалистических стран как фактор, содействующий укреплению позиций мирового социализма. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Лопатов В. Страны СЭВ и Африка. «Азия и Африка сегодня», 1975, № 5.

Мамайсур М. А. Сучасний етап економічної інтеграції Народної Республіки Болгарії і СРСР. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Мареш Ф. Торгово-экономическим связям СССР и ЧССР — 30 лет. Внешн. торговля, 1975, № 4.

Маркичева Н. К. Межгосударственные экономические организации стран — членов СЭВ. Бюл. иностр. коммерч. информации, 1975, 24 мая, № 60.

Маркович М., Прохорова О. Сотрудничество СССР и НРБ в области развития государственной статистики. Вестн. статистики, 1975, № 3.

Мебиус Э. Кооперация в системе социалистической демократии. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Митрева Я. Наиболее важные результаты сотрудничества в угольной промышленности. В кн. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1974.

Многостороннее экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ и СФРЮ. Обзор за 1972 г. В кн. Советский ежегодник международного права. 1973. М., 1975.

Мокан И. И. Взаимоотношения аграрно-промышленных комплексов с бюджетом в Народной Республике Болгарии. «Финансы СССР», 1975, № 5.

Морозов В. 10 лет плодотворного сотрудничества стран СЭВ и Югославии (Обзор). Вопр. экономики, 1975, № 4.

Непорожний П. Основные результаты деятельности Комиссии по электроэнергии. В кн. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1974.

Непорожний П. Основные результаты деятельности Постоянной Комиссии по электроэнергетике. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 1.

Николаев Л., Тарасов Л. Экономика стран — членов СЭВ (Обзор). Вопр. экономики, 1975, № 6.

Овсепян Б. Совет Экономической Взаимопомощи: цели, принципы, функции, структура. «Коммунист», 1975, № 8.

Оконь С. О формах продвижения польских товаров на советский рынок. Внешн. торговля, 1975, № 6.

Очередное заседание Комитета СЭВ. План. хоз-во, 1975, № 3.

Павлов Ю. М. Методологические проблемы изучения регионального аспекта экономической интеграции стран — членов СЭВ. Изв. АН СССР. Сер. экон., 1975, № 3.

Перельман М. Г. Стимулирование качества строительства в странах — членах СЭВ. Экономика стр-ва, 1975, № 4.

Петросьянц А. Сотрудничество в области использования атомной энергии. В кн. Экономическое сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1974.

Постановление XXVIII сессии СЭВ о 25-летию Совета Экономической Взаимо-

помощи. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ, 1975, № 1.

Ралчев Л. Кооперация и социалистическое государство. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г. М., 1975.

Рокитко А. И., Дженкова В. И., Міжнародні економічні організації і розвиток соціалістичної економічної інтеграції країн — членів РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Рябов М. Ф. Европейские страны — члены СЭВ в борьбе за технический прогресс. В кн. Рабочий класс и научно-технический прогресс. Л., 1975.

Савчук В. И. Інтернаціоналізація господарського життя країн — членів РЕВ і формування міжнародних економічних пропорцій. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Селиванов А. К., Цоколь Л. А. СССР — Болгария: крепнущее сотрудничество. Вестн. высш. школы, 1975, № 4.

Семенова А. И. Новый этап научно-технической интеграции. Основные положения XXVIII юбилейной сессии СЭВ. София, июнь 1974 г. Экономика стр-ва, 1975, № 1.

Скленарж Л. Развитие сферы услуг при концентрации и специализации производства. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 3.

Слепоморий Р. А. Міждержавна спеціалізація і розвиток соціалістичної економічної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Собчик С. Перспективы развития продовольственного хозяйства в Польской Народной Республике. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 3.

Соколов А. И., Ширяев Ю. С. Политика КПСС по развитию внешне-экономических связей СССР со странами — членами СЭВ. Вопр. истории КПСС, 1975, № 6.

Сотрудничество равноправное, высокоэффективное. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 1.

Спицын В. К. Развитие интернациональных связей рабочего класса стран — членов СЭВ в условиях социалистической экономической интеграции. Проблемы научн. коммунизма, 1975, вып. 9.

Степанов А. Я. Применение показателя чистой продукции в странах СЭВ. В кн. Вопросы планирования и оценки деятельности предприятий по чистой продукции. М., 1974.

Стойков И. Стимулирование труда в условиях внутривозвращенного расчета. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 3.

Стратиева М. С. К эффективности использования основных фондов

в рыбной промышленности НРБ. Техн.-экон. сборник Центр. научн.-исслед. ин-та информации и техн.-экон. исследований М-ва рыбного хоз-ва СССР, 1974, вып. 4.

Стрельцов В. Критика антимакистских трактовок экономики развитого социализма. Эконом. науки, 1975, № 4.

Бек И., Черны М., Лоула Д., Нахтигал Б. Структурные методы народнохозяйственного планирования (опыт ЧССР). В кн. Экономико-математические методы в зарубежной статистике. М., 1974.

Ступницкий В. И. Особенности механизма действия экономических законов в рамках стран — членов СЭВ. В кн. Расширенное социалистическое воспроизводство и использование экономических законов. Материалы респ. научн.-теорет. конф. Одесса, 1974.

Сухаревский Б. Социально-экономические основы форм заработной платы в промышленности стран — членов СЭВ. Соц. труд, 1975, № 6.

Телефус А., Клепацкий Л. Повышение благосостояния трудящихся в странах СЭВ. Междунар. жизнь, 1975, № 1.

Тивончук И. О., Богачевский Г. М. Про перспективи вирівнювання рівнів економічного розвитку країн — членів РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Туманов М. Н. Деякі питання спеціалізації і кооперування виробництва в машинобудуванні країн РЕВ. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Урланис Б. Демографическая политика в современном мире. Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 5.

Устав Совета Экономической Взаимопомощи. С изменениями, внесенными Протоколом от 21 июня 1974 г. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 1.

Устименко В. В. Развитие строительства в странах — членах СЭВ (1960—1973 гг.). Экономика стр-ва, 1975, № 1.

Устименко В. В. Управление строительством в странах — членах СЭВ. Экономика стр-ва, 1975, № 4.

Фаддеев Н. Комплексная программа успешно претворяется в жизнь. Эконом. сотрудничество стран — членов СЭВ. М., 1975, № 1.

Філіпенко А. С. Взаємозалежність відтворювальних процесів країн — членів РЕВ — суттєва риса соціалістичної інтеграції. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Хорев Б., Смидович С. Второй советско-польский семинар по урбанизации. Эконом. науки, 1975, № 4.

Чуканов О. Научно-технический прогресс в условиях социалистической экономической интеграции. План. хоз-во, 1975, № 6.

Шабалин А. Комплексная программа интеграции. Междунар. жизнь, 1975, № 3.

Шабунина В. И. Народная Республика Болгария. В кн. Проблемы экономического развития зарубежных стран социализма, ч. I. М., 1975.

Шаламанов С. Структурные сдвиги в сельском хозяйстве стран — членов СЭВ. Междунар. с.-х. журн., 1975, № 3.

Шванда А. Роль кооперации в строительстве социализма в Чехословакии. В кн. Актуальные проблемы кооперативного строительства на современном этапе развития социалистических стран. Материалы междунар. конференции соц. стран, 17—21 декабря 1973 г., М., 1975.

Шинкарук Г. Ф. Про виробничі відносини країн соціалістичної співдружності. Питання політ. економії, Київ, 1975, вип. 102.

Ширяев Ю. Социалистическая интеграция и международное разделение труда. Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 1.

Шинков Ю., Новиков Р. Международная производственная кооперация: новое в интернационализации хозяйственной жизни. Мировая экономика и междунар. отношения, 1975, № 4.

Шмелев Г. Сотрудничество стран — членов СЭВ. Экономика сельск. хоз-ва, 1974, № 5.

Щеголев В. Коллективная валюта стран СЭВ. Полит. самообразование, 1975, № 6.

Эстеркин М. П. К вопросу о выравнивании уровней экономического развития стран — членов СЭВ. В кн. Творчество молодых (Материалы Респ. смотря конкурса науч. работ студентов Минского пединститута им. А. М. Горького). Минск, 1975.

4. Партийная жизнь

Зарчев И. Некоторые вопросы сотрудничества Болгарской коммунистической партии с Болгарским земледельческим народным союзом. В кн. Общие закономерности и разнообразие форм развития социалистической революции. (Материалы междунар. научн. конф., состоявшейся в ИМЛ при ЦК КПСС 12—13 марта 1974 г.) М., 1975.

5. Государственное строительство. Право.

Василевская В. И. Некоторые формы социалистического соревнования в ПНР. Рабочий класс и соврем. мир, 1975, № 2.

Годлевский Е. Римско-католическая церковь в Польше и проблемы свободы совести. Вопр. науч. атеизма, 1975, вып. 17.

Додін. Участь громадськості в боротьбі з правопорушеннями в Народній

Республіці Болгарії. Рад. право, Київ, 1975, № 3.

З б и г н е в Б. В. Общественные суды в Польской Народной Республике. Вопр. борьбы с преступностью, 1975, вып. 22.

М и н а к о в а А. И. Определение действительности арбитражного соглашения в арбитражной практике СССР и других социалистических стран. Вестн. Моск. ун-та. Право, 1975, № 2.

М и х а й л о в И. Три десятилетия по пути социализма. (30-летие социалистической Болгарии.) «Коммунист Таджикистана», Душанбе, 1974, № 9. На тадж. яз.

М ы с л ь к В. К вопросу об объективных факторах секуляризации. Вопр. науч. атеизма, 1975, вып. 17.

Н а н д о Ю., С и м а н о в с к и й С. Участие стран СЭВ в мировой лицензионной торговле. Вопр. эконом., 1975, № 3.

П о г о р е л о в Я. Д. Вопросы здравоохранения в статистических ежегодниках европейских социалистических стран. Сов. здравоохранение, 1975, № 3.

С а в р а н с к а я Т. Чтобы страна молодела. Соц. обеспечение, 1975, № 4.

Современные проблемы социалистической демократии и перспективы ее развития. Международная теоретическая конференция. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1975, № 3.

С т р а ш у н К. А. Субъекты отношений народного представительства при социализме. Сов. гос-во и право, 1975, № 4.

30 лет Чехословацкой Социалистической Республике. Вестн. статистики, 1975, № 4.

Ф і р с о в М. І. Допомога СРСР у створенні основ Чехословацької Народної Армії. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1975, вип. 20.

II. ЗАРУБЕЖНЫЕ СЛАВЯНСКИЕ СТРАНЫ

1. Историја

Д ж а п а р и д з е Э. А. III конгресс по изучению стран Юго-Восточной Европы. (Бухарест, 4—10 сентября 1974 г.) «Новая и новейшая история», 1975, № 2.

Б а л а б у ш е в и ч Т. А. Вплив розвитку фільварково-панщинного господарства на становище селян магнатських маєтків Східної Галичини в середині XVIII ст. Укр. іст. журн., Київ, 1975, № 2.

Ж у к В. Н. Перша інтернаціональна комуна на Україні. Укр. іст. журн., Київ, 1975, № 1.

З а ш к і л ь н я к Л. О. З історії боротьби Польської Робітничої Партії за згуртування демократичних сил у Польщі в 1945—1947 рр. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1975, вип. 20.

К и р ь я к о в Ю. С. Плани «нейтрального» блока на Балканах и болгаро-германские отношения весной 1939 г. «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1974, вып. 3.

К о м а р о в Н. Я., О р л о в А. С. Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил и буржуазная историография. «Новая и новейшая история», 1975, № 2.

Л а щ и к І. П., Марксистсько-ленінська критика деяких буржуазно-націоналістичних економічних концепцій на Західній Україні в 20-ті роки ХХ ст. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. суспільних наук, 1974, вип. 10.

М а к о г о н В. П. Вплив ленінського положення про гегемонію пролетаріату в революції 1905—1907 рр. на розвиток тактичних поглядів в польських соціал-демократів. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1975, вип. 20.

М а ш о т а с В. В. Боротьба трудящих Західної України за соціальне й національне визволення та возз'єднання з Радянською Україною в радянській і прогресивній зарубіжній й українській історіографії (1919—1969 рр.). В кн. «Книга і знання». Львів, 1974.

М ы р с и н а Е. М. Подготовка к осуществлению колониальных планов фашистской Германии в первый период второй мировой войны (сентябрь 1939 г.—декабрь 1940 г.). «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1974, вып. 3.

П и л и п і в Л. К. Боротьба МОДР Західної України за амністію політ'язням (1934—1936 рр). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. суспільних наук, 1974, вип. 10.

П о л ь о в а Н. А. Пропаганда Комуністичною партією Західної України досвіду ВКП(б) у вирішенні національного питання. Вісн. Львівського ун-ту. Сер. суспільних наук, 1974, вип. 10.

С а п р о н о в а Н. Т. Участие Болгарского Коммунистического Союза Молодежи (БКМС) в революционной борьбе 1919 г. Изв. Воронежского пед. ин-та, 1974, т. 154.

С і д е л ь н и к о в С. І. Соціально-економічне становище і розстановка класових сил у національно-визвольному русі Болгарії середини 70-х років ХІХ ст. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1975, вип. 20.

С т е б л и ч Б. А. Боротьба КПЗУ проти ідеології і практики українського буржуазного націоналізму (1924—1933 рр.). Вісн. Львівського ун-ту. Сер. суспільних наук, 1974, вип. 10.

С у ш к е в и ч Л. П. Крестьянский вопрос в работах польского публициста

XVI в. А. Ф. Моджевского. В кн. «Вопросы истории древнего мира и средних веков». Минск, 1974.

Трофимович В. В. До питання про співробітництво російських і польських революційних соціал-демократів у ленінській «Іскре». Вісн. Львівського ун-ту. Сер. суспільних наук, 1974, вип. 10.

Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса 1938 г. «Балканы и Ближний Восток в новейшее время», Свердловск, 1974, вып. 3.

Чернявський Г. Й. Джерела інформації радянської громадськості про класову боротьбу в Болгарії в 1923—1931 рр. «Питання нової та новітньої історії», Київ, 1975, вип. 20.

Jedlicki J. Social ideas economic attitudes of polish eighteenth century nobility: their approach to industrial policy. В кн. «Международный конгресс по экономической истории, 5-й». Ленинград, 1970. Доклады, ч. 1, М., 1974.

2. Культура и наука

Бабич В. С. Міжнародний симпозіум з проблеми «європейські бібліотечні системи». (Прага, 27 ноября — 2 декабря 1972 г.) Бібліотекознавство та бібліогр., Харків, 1974, вип. 15.

Барецкий Ю. Человек труда — герой польской публицистики. «Проблемы мира и социализма». Прага, 1975, № 3.

Билевич В. В. Редкий экземпляр первого издания «Хроники» Мацея Стрыйковского. В кн. «Книга, библиотечное дело и библиография в Белоруссии». Минск, 1974.

Будзисhevская Б. Воспитательные проблемы коллектива студенческого общежития. (Опыт сравнительных исследований.) В кн. «Школа и педагогика за рубежом» (Доклады аспирантов заруб. стран на итоговой конференции 1974 г.). М., 1974.

Бутэвіч Т. М. Беларуска фальклорна-этнографічныя матэрыялы на старонках часопіса «Ziemia» за 1910—1919 гг. В кн. «Книга, библиотечное дело и библиография в Белоруссии». Минск, 1974.

Вагапова Н. Верность времени. О творчестве Марии Матковича. Иностран. лит-ра, 1975, № 3.

Вендровская Р. Б., Кузьмин М. Н. Вопросы политехнического образования и трудового обучения в школах европейских стран социализма. Сов. педагогика, 1975, № 3.

Воейкова И. Живопись и графика социалистической Болгарии. В кн. Современное искусство Болгарии. М., 1974.

Воробьев М. Н. Сочетание по вопросу описания древнеславянских рукописей. (Заседание Археографической комиссии, Института славяноведения и

балканистики АН СССР и Библиотеки АН СССР. Ленинград, 19—23 марта 1973 г.) В кн. «Археографический ежегодник... за 1973 г.». М., 1974.

Галустян Д. О. Из истории культурной жизни в армянских колониях Речи Посполитой в XVI—XVII вв. Вестн. Ерев. ун-та. Обществ. науки, 1974, № 3.

Гаско М. Мицкевич і Гоголь. «Все-світ», Київ, 1974, № 12.

Горещкий А. В. Питання суспільного прогресу і культури в публіцистиці Івана Цанкара. Рад. літературознавство, Київ, 1975, № 3.

Губачек В. Испанская война 1936—1939 гг. в чехословацкой публицистике, литературе, искусстве. В кн. «Проблемы испанской истории. 1975». М., 1975.

Дрозд С. С. Я. Купала і традыцыі польскай класічнай літаратуры. Беларус. літ. і літературознаўства. Мінск, 1974, вып. 2.

Жечев Т. Литературная наука в Болгарии. Вопр. лит-ры, 1975, № 3.

Загребин В. М. Сербские рукописи из собрания М. Н. Погодина. В кн. «Археографический ежегодник... за 1973 г.». М., 1974.

Зыбайлов Л. К. К критике ревизионистских представлений об управлении социалистической культурой. В кн. «Проблемы социально-политического развития советского общества». М., 1974.

Иванова В. Скульптура социалистической Болгарии. В кн. Современное искусство Болгарии. М., 1974.

Кизилов Ю. А. Эволюция миропонимания и религиозных представлений первобытных славян. В кн. «Вопросы истории СССР». Ульяновск, 1974.

Ковалев В. А. Болгарская русистика. Рус. лит-ра, 1975, № 1.

Кондаурова Л. П. Оценка деятельности В. Ганки в чешской и русской историографии. В кн. «Проблемы всеобщей истории». М., 1974.

Королюк В. Д. Основные проблемы формирования контактной зоны в Юго-Восточной Европе и бессинтезного региона в Восточной и Центральной Европе. В кн. «Проблемы социально-экономических формаций. Историко-типол. исследования». М., 1975.

Краевский Б. Май сорок пятого года и творчество Йозефа Малейовского. «Искусство», 1975, № 4.

Круль В. Общество распространения светской культуры: программа и деятельность. Вопр. науч. атеизма, 1975, вып. 17.

Куц О. П. «Дванадцять» Олександра Блока в паузах санаційної цензури. В кн. «Книга і знання». Львів, 1974.

Левкович Я. Л. Переводы Пушкина из Мицкевича. В кн. Пушкин. Исследования и материалы, т. 7. Пушкин. и мировая литература. Л., 1974.

Лозинський І. Поет Лапо Новомоский. «Всесвіт», Київ, 1974, № 12.

Мархель У. І. Літаратура пра Сыракомлю. В кн. «Книга, библиотечное дело и библиография в Белоруссии». Минск, 1974.

Мигоњ К. Польские книговедческие исследования. Издат. дело, 1975, № 3.

Митков Г. Н., Миткова Е. С. Традиционные компоненты в современной семейной обрядности болгар. Сов. этнография, 1975, № 2.

Молок Ф. А. Пушкинские юбилей в Чехословакии. Рус. лит-ра, 1975, № 1.

Мошин В. А. Южнославянские рукописи в Архиве Ленинградского отделения Института истории СССР Академии наук СССР. В кн. «Археографический ежегодник... за 1973 г.». М., 1974.

Мыслэк В. Отдел вероисповедной политики и религиоведения Высшей школы общественных наук при ЦК ПОРП. Вопр. науч. атеизма, 1975, вып. 17.

Незвал В. Из моей жизни. Иностран. лит-ра, 1975, № 3.

Ничев Б. Проблемы болгарского романа. В кн. «Судьба романа». М., 1975.

Омельяненко Б. Л. Профессиональная ориентация школьной молодежи в социалистических странах. Сов. педагогика, 1975, № 3.

Пачовський Т. Твори Шевченка в перекладах Є. Єнджевича. «Всесвіт», Київ, 1975, № 3.

Первое совещание главных редакторов юридических журналов социалистических стран. Варна, октябрь 1974 г. Соц. законность, 1975, № 1.

Покальчук Ю. Спираючись на фольклор. Творчество Роберта Стилера. «Всесвіт», Київ, 1974, № 12.

Поступальский И. Болгарский поэт Йордан Ковачев — переводчик Валерия Брюсова. В кн. «Брюсовский сборник». Ставрополь, 1974.

Пятшьева Н. В. Славянская керамика. В кн. «Херсонес Таврический. Ремесло и культура». Киев, 1974.

Свенко Х. Краткая библиография марксистской религиоведческой литературы, изданной в Польше в 1970—1973 гг. Вопр. науч. атеизма, 1975, вып. 17.

Совещание редакторов философских журналов европейских социалистических стран. Науч. докл. высш. школы. Филос. науки. 1975, № 2.

Соколова В. К. Современная болгарская фольклористика. Сов. этнография, 1975, № 2.

Сушкевич Л. П. Вопросы образования и воспитания в трудах Анджея Фрыца Моджевского. Весн. Беларус. ун-та. Сер. гісторыя, філасофія, эканоміка, права, Мінск, 1975, № 1.

Тананаева Л. Шедевры польской живописи. «Художник», 1974, № 12.

Тиханова В. Три польских художника. (Творчество скульптура Э. Пивоварского, живописца А. Леницы и графика М. Модзелевского.) «Искусство», 1975, № 3.

Фоминых А. В. IX Конференция министров высшего образования социалистических стран. (Гаваана, ноябрь 1974 г.) Вестн. высш. школы, 1975, № 2.

Цончева М. Прогрессивные тенденции в болгарском изобразительном искусстве межвоенного двадцатилетия. В кн. Современное искусство Болгарии. М., 1974.

Шардыко С. М. Антивоенный роман Владислава Ванчуря «Поля пашоты и войны». В кн. «Минский педагогический институт им. А. М. Горького. Научные труды...». Минск, 1973.

Шерлаимова С. Духовная ориентация — социализм. Заметки о современной чешской литературе. Иностран. лит-ра, 1975, № 3.

Янев Е. Проблемы развития художественной самодеятельности в Болгарии. Труды Науч.-исслед. ин-та культуры, 1974, т. 26.

3. Язык

Аверина С. А. К характеристике лексических параллелей в древнеславянских переводах. (По спискам XIII в.) Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 2.

Гайлюнайте С., Непокупный А. Из географии славизмов в литовском языке. «Kalbotyra», Вильнюс, 1974, т. 26, № 2.

Глобачев М. Международная научная сессия студентов-полонистов. (Краков, 20—24 мая 1974 г.) Вестн. Моск. ун-та, Филология, 1975, № 2.

Зинквичюс Э. К вопросу о литовско-польских языковых контактах по данным антропонимии г. Вильнюса начала XVII в. В кн. «Балтославянские исследования». М., 1974.

Золотова В. С. К вопросу сложения норм польского литературного языка во второй половине XVIII в. Вестн. Ленингр. ун-та, 1975, № 2.

Иванов В. В. Общеславянский лингвистический атлас. Вопр. языкознания, 1975, № 2.

Кагайне Э. О некоторых особенностях славянских заимствований в говорах северной Видземе. В кн. «Балтославянские исследования». М., 1974.

Лаумане Б. Латышско-русско-белорусско-польские лексикологические контакты по материалам Диалектологического атласа латышского языка. В кн. «Балтославянские исследования». М., 1974.

Невская Л. Г. Балтийские названия болот в сопоставлении со славянскими. (Семасиологические наблюдения.) В кн. «Балтославянские исследования». М., 1974.

Непокупний А. П. Балто-українсько-південнослов'янські ізголоси. «Мовознавство», Київ, 1974, № 6.

Пархомовская С. Назревший разговор. Иностран. лит-ра, 1975, № 4

Приходько М. А. Согласование сказуемого с подлежащим в роде в сер-

бохорватском и словенском языках. В кн. «Вопросы общественных и гуманитарных наук», вып. 1. Гомель, 1974.

Сраджева Л. А. Об армяно-славянских лексико-семантических изголосах. Вестн. Ерев. ун-та, Обществ. науки, 1974, № 3.

СОДЕРЖАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ЖУРНАЛОВ

«Език и литература», 1974, № 6

С. Русакиев. Романы Фадеева; К. Ничева. Основные лексикографические проблемы определения значения слова в одном толковом словаре; П. Атанасов. Русские старопечатные книги и болгарские дамаскинари; Х. Станева. К характеристике одного типа сложносочиненных предложений.

1975, № 1

К. Попов. Общие и отличительные черты формирования балканских литературных языков — сербского и болгарского; С. Янев. Рассказ Ангела Каралийчева; Н. Котова. О семантике морфем; А. Цонева. Проблема автора в советском литературоведении.

«Български език», 1975, № 1

Д. Тилков. Варианты гласных фонем в болгарском литературном языке; Л. Дончева. Количественные наблюдения над личными местоимениями в болгарском и русском языках; М. Корпачева, Г. Михайлова. Семантическое и формальное описание лингвистической терминологической микросистемы; И. Умленски. К вопросу о диалектном единстве населения Кюстендилского округа; Б. Шклифов. Акцентуационная система долнопреспанского говора; Т. Тодоров. Этимологические заметки.

«Zeitschrift für Slawistik», 1975, № 2

Г. Зигенгейст, Э. Ковальски. Славистические исследования в Центральном институте истории литературы Академии наук ГДР к 30-летию освобождения от фашизма; Н. Тун. О художественном воздействии сталинградских романов К. Симонова; Г. Юнгер. Эммануил Казакевич и изображение героизма в советской послевоенной прозе; К. Каспер. Тема исторической ответственности человека в произведениях Г. Бакланова, В. Астафьева, Е. Носова 60—70-х годов; Ф. Тун. Военная тема в путевых очерках Д. Гранина; Р. Гебнер. О некоторых особенностях художественного изображения времени в рассказах И. Сенченко; Р. Хагер. Эволюция литературного образа челове-

ка в рассказах С. Антонова, Ю. Нагибина, В. Теодрякова в 50-е годы; Ф. Мерау. Сергей Третьяков и Бертольд Брехт; П. Кирхнер. Новые данные по поэзии антифашизма и пролетарского интернационализма в Западной Украине; Л. Н. Будагова. От антифашистской к социалистической литературе; Д. Шольце. Место романа Ежи Пуцramenta «Болдин» в польской прозе о второй мировой войне; Е. Свех. Немецкий язык в польской лирике периода оккупации.

«Przegląd Historyczny», 1975, № 1

М. Кочерская. Бракосочетание среди шляхты в Польше позднего средневековья; А. Гонсёровский. Состав городских властей в Познани в период позднего средневековья; Х. Визнер. Армия и литовское общество в первой половине XVII века; З. Станкевич. Томаш Потоцкий и его брошюра «Да или нет...»; С. Курась. Утраченные акты времени короля Владислава Ягеллы об ответственности за убийство дворянина и о годичной барщине крестьян (1426); С. Ожел. Новые замечания о падении диктатуры М. Лянговича.

«Pamiętnik literacki», 1975, № 2

Ч. Гернас. Место исследований по литературному фольклору; А. Ценьский. Критерии оценки прозы литературных дневников; Г. Шимчик. Прошлое и настоящее «поэтического искусства»; Я. Кульчицкая-Салони. Литературоведение и университетское обучение полонистов; С. Буркот, Б. Фарон, З. Урыга. Литературоведение и нужды средней школы; Т. Михайловская. Старопольский жанр — объект и орудие историко-литературного познания; З. Рындух. Теория стили в риторических трактатах XVII в. в Польше.

«Język Polski», 1975, № 2

М. Куцала. Синтаксическая загадка в «Элегиях» Кохановского; Е. Островская. Вторая элегия Кохановского; М. Карплюк. О языке поэзии Яна Кохановского (окончание); Я. и В. Твардзик. Особая функция местоимений *ten* и *tenże* в старопольском;

З. Ковалик-Калетова. По поводу дискуссии об имени *Tworzyjan* и о появлении фонемы *f* в польском языке; Ю. Т. К а н я. Основы лингвистической классификации расстройств речи (I часть) (с предисловием А. Солтыс); М. Г и п н а р о в и ч. Забота Станислава Конарского о родном языке; Б. К р е я. Заметки по словообразованию. 5. *Międlica, cierlica*. 6. *Wierzchonek* (верхняя часть мялки). 7. *Wijatka* (приспособление для сматывания пряжи). 8. *Beška 'овца' и psieczka, siuta* и т. д. (Дополнение М. Куцалы); Г. П о п о в с к а я-Т а б о р с к а я. Об интерпретации польского диалектного *do 'для'* (кашубск. *do se, do siebie 'для себя', do mnie 'для меня'*). (С картой).

№ 3

С. Р о с п о н д. Из исследований по польской топонимике XV. *Tczew*. И. Д а м б о р с к и й. Польская и чешская лексика (опыт систематизации); Ю. Т. К а н я. Основы лингвистической классификации расстройства речи (окончание); В. М о н ч а к. О литовском происхождении суффикса *-ajlo*; Е. Т р е д е р. Еще о параллельных названиях местности *Chalupy*; Э. П а в л о в с к и й. Из исследований о польских названиях растений *Przenęta* (*Prenanthes*); З. Б р о ц к и й. К истории кашубск. *gladis*; Т. Ш и м а н с к и й. Заметки по польской лексике. 4. Диалектное *siewioreczka*.

«*Ceskoslovenský časopis historický*», 1975, № 2

В. К р а л ь. К вопросу о международных связях Пражского восстания в мае 1945 г.; Я. Л и п т а к, М. Ш п и ч а к. КПЧ и Чехословацкая народная армия в 1945—1948 гг.; А. В а н к о. Крестьянский вопрос в Словакии в 1944—1945 гг.; А. З а в а д о в а. Г. В. П л е х а н о в и начало деятельности группы «Освобождение труда»; Я. Б и л е к. К вопросу исторического значения и характера так называемого Немецкого иглавского родного права.

№ 3

Я. О б з и н а. К проблематике революционной власти в Чехословакии после 1945 г.; З. Ш м о л ь д а с. Чехословацкие летчики в остравской операции Советской Армии; В. К р а л ь. К вопросу о международных связях Пражского восстания в мае 1945 г.; И. Б е ч к а. Национально-территориальное размежевание среднеазиатских советских республик; И. М а т е й ч е к. Основные факторы и связи в развитии черной металлургии в Чехии и Моравии с половины 70-х годов XIX в. до 1914 г.

«*Historický časopis*», 1975, № 1

Л. Г о л о т и к. Историческое сознание и Словацкое национальное восстание; М. Г р о н с к и. Проблемы национально-освободительного движения словаков в 1918 г.; В. Д а н г л. Словацкая буржуазия в борьбе за законопроекты о воинской повинности (1910—1912 гг.); М. С у х и. Роль Габсбургской монархии и антигабсбургские сословные восстания.

«*Slovanský přehled*», 1975, № 2

В. К р а л ь. Накануне Пражского восстания; Ч. А м о р т. Помощь чехословацкого народа Советской Армии в 1944—1945 гг.; В. М е л и х а р. О некоторых вопросах Пражской операции Советской Армии и Майского восстания чешского народа; М. Г о с и о р о в с к и й. Американские соотечественники и 30-я годовщина освобождения ЧССР.

«*Slavia*», 1974, № 4

Г. П л е в а ч е в а. О слав. *per-, por-* 'погружать'; С. У р б а н ч и к. Эдукационная комиссия и ее отношение к польскому языку; Р. К р а й ч о в и ч. Проблема праславянского генезиса словацкого языка; К. К р е й ч и. Некоторые нерешенные проблемы Краледворской и Зеленогорской рукописи; Р. П е н г е р с к а-П ё т р о в с к а. Первый труд XIX в. о чешской литературе.

«*Slovenská literatúra*», 1975, № 2

Н. К р а у с о в а. Семиология/семиотика в марксистской теории литературы; К. Ш т е д т к е. К проблеме структурного метода в марксистском литературоведении; Д. Д ю р и ш и н. К актуальным проблемам теории марксистско-ленинской компаративистики; К. Р о з е н б а у м. Значение и функция словацко-немецких литературных отношений в развитии словацкой литературы XIX и XX веков; Э. Т е р р а й. Иоганн Готтфрид Гердер и литература словацкого национального возрождения.

«*Slovenská reč*», 1975, № 3

А. Г а б о в ш т я к. О картографической обработке словарного состава; М. И в а н о в а-Ш а л и н г о в а. Прилагательные, обозначающие малую степень качества в словацком и чешском языках; М. М а й т а н о в а. Как образованы собственные имена в прозе Майка Тарайка; М. С е р в а т к а. О некоторых польских и словацких фразеологических единицах в сопоставительном плане; М. М а й т а н о в а. Старый список названий растений из Ясова и его чешский источник.

НАУЧНАЯ СЕССИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 250-ЛЕТИЮ АКАДЕМИИ НАУК СССР

11—12 июня 1975 г. Институт истории науки, просвещения и техники Польской академии наук провел научную сессию на тему «Традиции и современность в польско-советском научном сотрудничестве». По приглашению польских коллег в работе сессии приняли участие делегация советских ученых во главе с директором Института славяноведения и балканистики, чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марковым.

Открывая сессию, президент ПАН проф. В. Тшебятковский сослался на давние традиции сотрудничества ученых Польши и СССР, подчеркнув при этом, что лишь в условиях нового строя, на фундаменте социалистической идеологии стало возможным широкое развитие научных связей, которые «хорошо служат» интересам обеих стран.

Доклад проф. Е. Рыбка (Ягеллонский университет) «Сотрудничество польских астрономов с петербургской Академией наук» (зачитанный проф. Е. Добжицким) касался вклада польских ученых В. Вишневецкого, П. Славинского, Я. Снядецкого, Т. Банашевича в развитие астрономической науки, в проведение картографических работ и в налаживание подготовки специалистов-астрономов.

Доклад Д. Ф. Маркова был посвящен вопросам сотрудничества Института славяноведения и балканистики АН СССР с польскими научными учреждениями. Охарактеризовав основные направления научных связей (совместные издания документов и материалов, научные симпозиумы, конференции и издаваемые по их материалам публикации, деятельность двусторонней Комиссии историков СССР и ПНР и т. д.), руководитель советской делегации высказался за переход к более высоким формам сотрудничества (например, разработка определенных проблем по единому плану), к которым подводит уже имеющийся богатый опыт.

Проблеме связей польской и российской историографии в XIX в. посвятил свое выступление А. Грабский (Институт истории ПАН). О 15-летнем опыте работы советских и польских историков в издании документов и материалов по истории со-

ветско-польских отношений рассказал д-р ист. наук И. А. Хренов (Институт славяноведения и балканистики АН СССР). Он привел некоторые данные, иллюстрирующие объем совместно проделанной работы: в вышедшие до настоящего времени 9 томов издания включено 2549 документов за период 1918—1949 гг. Выходу каждого нового тома документов предшествуют взаимные консультации, творческие дискуссии (состоялось 13 заседаний редколлегии по изданию документов), позволяющие выработать общую позицию.

Р. Волошинский (Институт переподготовки учителей ПНР) сделал доклад на тему «Научные польско-российские связи конца XVIII и начала XIX в., в особенности в области общественных наук». Различных аспектов истории связей польских и советских естествоиспытателей касались в своих выступлениях проф. Л. Кузьминский, заместитель секретаря II Отделения ПАН, проф. С. Кайфаш (Институт основных проблем техники ПАН), проф. З. Вуйцик (Институт земли ПАН). В сообщении О. Вышомирской-Кузьминской (Институт социалистических стран ПАН) о польско-советском научном сотрудничестве в 1944—1974 гг. уделено внимание правовым и организационным вопросам сотрудничества. Тема сообщения А. К. Кавко (ИЭМСС АН СССР) — «Сотрудничество Института экономики мировой социалистической системы с научными центрами ПНР»; Е. Ружевица (Институт истории науки, просвещения и техники ПАН) — «Связи Яна Бодуэна де Куртэнэ с Академией наук в Петербурге».

Закрывая сессию, директор Института истории науки, просвещения и техники, проф. Ю. Менсо подчеркнул, что традиции сотрудничества ученых ПНР и СССР содействуют укреплению дружбы советского и польского народов.

К 250-летию АН СССР была приурочена специальная выставка, устроенная в Варшавском университете.

А. Кавко

ТРЕТЬЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО «ОБЩЕКАРПАТСКОМУ ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКОМУ АТЛАСУ»
(КИШИНЕВ, 21—23 АПРЕЛЯ 1975 г.)

На основе сотрудничества академий социалистических стран продолжается работа над «Общекарпатским диалектологическим атласом» (ОКДА)¹. Актуальность и научная значимость данной работы определяется ролью Карпат в истории формирования славянских, восточнороманских и других национальных языков указанного региона.

На повестке дня конференции, организованной Институтом славяноведения и балканистики АН СССР и Институтом языка и литературы АН МССР, стояли два вопроса: рассмотрение ряда общих проблем карпатского языкознания и обсуждение проекта восточнороманской части вопросника будущего атласа, подготовленной молдавскими диалектологами. В конференции приняло участие около 60 человек из СССР, ПНР, ЧССР, НРБ, ГДР; с докладами выступили 27 человек, предполагается, что эти доклады будут опубликованы отдельным сборником.

Открыл конференцию чл.-корр. АН МССР А. М. Лазарев; президент Молдавской академии наук акад. Я. С. Гросул произнес вступительное слово, в котором подчеркнул важность международного сотрудничества в деле изучения языков и диалектов карпатского ареала. Зам. директора Института славяноведения и балканистики АН СССР Ю. В. Богданов выразил надежду, что кишиневская конференция является новым шагом в реализации комплексного подхода в решении первоочередных задач, стоящих перед карпатистикой.

В докладе проф. С. Б. Бернштейна (Москва) «Лингвистические аспекты карпатистики» было подчеркнуто, что исследование языков и диалектов зоны Карпат означает не только освещение их контактов, взаимодействий; речь идет о раскрытии сложных процессов интерференции, в результате которых сформировались многочисленные, специфические именно для этого района, языковые тождества. Создание лингвистического атласа является первоочередной задачей карпатского языкознания, хотя решение задач, стоящих перед последним, в принципе возможно и с помощью иных приемов и методов.

Чл.-корр. АН СССР А. В. Десницкая (Ленинград) в докладе «Проблемы интерференции языков карпато-балканского ареала» показала важность учета материала языков Балканского п-ва при ре-

шении проблем карпатистики, поскольку карпатский регион может рассматриваться как северная периферия «балканского языкового союза». Вместе с тем ОКДА будет иметь исключительно важное значение для балканистики как первый опыт создания макроатласа, включающего материал различных языков.

М. Младенов (НРБ) рассмотрел на материале болгарских диалектов соотношения лексем *доя*, *мъляз*, *кърмя* в семантическом поле, включающем семемы 'выпекать молоко из вымени животного', 'давать ребенку сосать (молоко)', 'давать корм скоту', и указал на существование некоторых типологических сходений с говорами карпатского ареала («Южнославянско-карпатские соответствия в терминологии переработки молока»).

В докладе Л. А. Гпндина и И. А. Калужской (Москва) «К вопросу о лексических карпатизмах субстратного происхождения» было подчеркнуто, что генетически различные языки карпатского ареала, подобно языкам «балканского языкового союза», развили ряд общих явлений, объяснимых лишь в рамках феномена языковой и этнической интерференции, в том числе в древние периоды истории этого региона. Основной задачей карпатистики является изучение лексических тождеств в диахроническом плане (и, в частности, тщательная проверка выявленного индекса карпатизмов с этимологической точки зрения) в сочетании с учетом лингвогеографического аспекта (направление изоглоссе не только в зоне Карпат, но и далеко за ее пределами).

Ю. Кришаква (ЧССР) в докладе «Некоторые замечания о словацко-польской интерференции в области антропонимии» осветила результаты длительных и интенсивных контактов носителей двух языков в области Спиш и проанализировала особенности способов образования прозвищ в указанном диалекте. Вопросы межъязыковой интерференции в той же сфере языка затронула в своем выступлении и Л. В. Кракалия (Черновцы) «Молдавско-украинское взаимодействие в антропонимии Буквины»; автор констатирует, что следствием этнолингвистического контактирования является не только наличие, но и большая частотность некоторых имен и даже определенных типов антропонимических структур иноязычного происхождения в украинских и молдавских говорах данной области.

Г. Ф. Шило (Дрогобыч) посвятил свой доклад «Интерференция славянских и других языков в зоне Карпат» влиянию румынского языка на украинские говоры; он перечислил некоторые из заимствований (клички животных, названия

¹ Хроника о предыдущих научных совещаниях по данной проблематике см. «Советское славяноведение», № 6, 1973; № 6, 1974.

растений, географические аппелятивы и под.).

С. В. Семчинский (Киев) в докладе «Межъязыковая изомеия в карпатском ареале» проанализировал такое явление, как наличие на обширной территории контактирующих языков непрерывности ареалов общей «внутренней формы» слова (ср. названия птицы Troglodites — укр. *волове очко*, рум. *ochiul boului*); другой характерный для интерференции языков факт — расширение семантического объема лексем (ср. укр. *ловити[ся]*, *имети[ся]*, *злапати[ся]*; рум. *a se prinde*, для которых в диалектах отмечены семемы 'ловить'). «*створаживати[ся]*», «*приклеивати[ся]*»). Выступавшие в прениях отметили важность и новизну материала для понимания внутренних закономерностей взаимодействия языков (С. Б. Бернштейн, М. Младенов и др.).

Г. И. Мелика и И. И. Шрамл (Ужгород) представили доклад «Лингвогеографический метод выявления скрытой лексикосемантической интерференции (на материале взаимодействия говоров украинского, венгерского и немецкого языков Закарпатья)», в котором отмечается расширение семантики слов при трехязычии, в частности, в сфере фразеологии (например, *голова — рука*, fej—kéz, Kopf—Hand — ср.: *він набив собі руку на цій роботі*; *ö rávert már a kezét a munkára*; *er hat die Hand bei dieser Arbeit angeschlagen*).

Н. В. Никончук (Житомир) в сообщении «Северные границы романизмов в правобережнополюсских говорах» проиллюстрировал с помощью карт распространение ряда лексем, определяемых в литературе как восточнороманские по происхождению, на территории между р. Днепр и Горынь; автор подчеркнул, что все они представляют собой афронтальные заимствования.

И. В. Попеску (Черновцы) показал, что при заимствовании славянские термины в одних случаях подвергаются лишь незначительным изменениям (прежде всего фонетическим), в других случаях констатируются значительные преобразования (например, под влиянием народной этимологии), наконец, велико число фактов, когда заимствование происходит в форме калькирования («Место восточнославянских элементов в молдавской ботанической номенклатуре Северной Буковины УССР»).

Тематика ряда докладов непосредственно касалась уточнения принципов будущего атласа, а также подготовки программы-вопросника. Так, проф. П. Ондрус (Братислава) рассмотрел критерии отбора слов для вопросника ОКДА, подчеркнув необходимость включать в него прежде всего слова из территориальных диалектов, связанных с традиционным бытием, и отмеченные в двух-трех языках ареала («Некоторые аспекты при выборе

слов для ОКДА»). В своем докладе проф. А. Заремба (Краков) обосновал принципы составления вопросника атласа. Признается важным установление характера ОКДА как лексико-семантического; при работе над вопросником следует составить инвентарь реалий и понятий, существующих для раскрытия специфики культуры зоны Карпат, а также реестр слов, выражающих эти понятия; вопросник, по мнению автора, не должен превышать 500—800 вопросов для всей обследуемой территории, кроме того, целесообразно для районов со гущенной сеткой иметь дополнительный вопросник в 300—500 вопросов («Из работы над польским вариантом программы ОКДА»).

Проф. А. Вапек (Брно) в докладе «Карпатские изолированные языки и карпатский лингвистический атлас» остановился на проблеме изучения языка переселенцев, в том числе пришедших в Карпаты из других, отдаленных областей (например, с Балканского п-ва). Такое изучение может принести большую пользу, особенно в случаях, когда «базисный» язык в силу различных причин оказывается недоступным для непосредственных наблюдений.

К. Гутшмидт (Берлин) в докладе «Ареалы некоторых болгарских соответствий карпатоукраинским лексемам» охарактеризовал зоны, где отмечаются подобные параллели. Одни «карпатизмы» распространены достаточно широко в болгарских говорах (*усой*, *ожег* и др.), другие (*брич*, *ярем*, *полог*, *дунда*, *навил'ок*, *трина* и под.) — только в Западной Болгарии или в Родопах (таковы *вилаица*, *лелик*, *четина*, *бор*, *либам* и др.). Автор предложил, чтобы по вопроснику ОКДА был собран материал на южнославянской территории, при этом должна быть установлена сетка, предусматривающая гущение в тех областях, о которых уже теперь известно, что в них существуют параллели с говорами зоны Карпат.

А. И. Еремия (Кишинев) («К вопросу об исследовании топообразующих местных географических терминов в зоне Карпат») говорил о важности включения раздела по географической номенклатуре в вопросник ОКДА и сбора по нему диалектного материала, который неоспоримо свидетельствует о существовании лингвистического единства в карпатском регионе.

П. Н. Лизанец (Ужгород) в докладе «Место лексических параллелизмов в ОКДА» указал на необходимость сбора внутрдиалектных синонимов, лексических вариантов (в том числе архаизмов, неологизмов), учет их семантических отгетков (например, стилистических); все эти варианты должны найти отражение на картах будущего атласа.

Р. Я. Удлер (Кишинев) в докладе «Значение восточнороманского языкового элемента в ОКДА» отметил, что оно опреде-

ляется значительным числом подобных заимствований во всех диалектах карпатского ареала (особенно велико количество их в украинских говорах). Автор восторженно охарактеризовал проект восточнороманской части Программы-вопросника ОКДА, представленный на обсуждение участникам конференции. Некоторым сторонам этой работы был посвящен и доклад В. В. Корчмарь (Кишинев) «О иерархии значений слова в Программе ОКДА»; автор полагает, что последняя определяется следующими критериями: общее/частное, первичное (исконное)/вторичное (переносное), частота употребления слова в диалектах с тем или иным значением. Близкая проблематика рассматривалась и в докладе Г. П. Клепиковой (Москва) — «Некоторые аспекты изучения семантики и их отражение в программе-вопроснике ОКДА»; было предложено при формулировке вопросов программы и в дальнейшем, при сборе материала, использовать методику, учитывающую достижения теории семантического (понятийного и под.) микрополя. Эта идея получила поддержку некоторых из выступавших в прениях (например, А. Вашек).

Большинство прочитанных докладов касалось лингвистических проблем карпатистики. Вместе с тем в выступлениях были затронуты и вопросы, касающиеся материальной и духовной культуры населения зоны Карпат. Так, Е. С. Станчу (Кишинев) в докладе «Черты сходства в славянских и восточнороманских промыслах» показала общее и специфическое в организации рыболовства у различных народов, живущих на Дунае. Н. А. Демченко (Кишинев) («Классификация типов пахотных орудий в Карпато-Дунайском ареале») предложил, чтобы в Программу ОКДА были включены вопросы, которые позволили бы собрать данные не только в лингвистическом, но и в этнографическом плане; в дальнейшем этот материал должен картографироваться. Однако выступивший позднее С. Б. Бернштейн решительно высказался против этого, так как идея создания комбинированных этнолингвистических атласов, по его мнению, нереальна. Разумеется, лингвист, составляя лингвистический атлас, должен в совершенстве знать этнографическую сторону народного быта, чтобы квалифицированно собирать собственно языковой материал (лексику, семантику и т. д.).

В. В. Усачева (Москва) в докладе «Этнографические аспекты в программе ОКДА», анализируя обряд «полазник»,

известный народам зоны Карпат, показала сложность составления реестра явлений народной культуры и отражения его в виде вопросов Программы атласа. Ю. В. Попович (Кишинев) на примере обычаев, связанных с быком (туром) праздников «Крачун» и «12 святых» показал, что распространение явлений духовной культуры и изучение соотношения структурных элементов в них помогает глубже исследовать феномен взаимодействия культур, понять существо и генезис народной обрядности («Сравнительный анализ некоторых обрядов календарного цикла у народов карпатского ареала»).

В прениях по докладам выступило большое число участников конференции. Т. П. Ильяшенко поддержала мысль А. В. Десницкой о важности учета и отражения в ОКДА «балканизмов»; она же выразила сомнение в целесообразности включения в него антропонимического материала. А. М. Лазарев говорил о необходимости тесного контакта и консультаций с историками, поскольку будущий атлас будет способствовать решению не только языковедческих проблем, но и проблемы формирования различных народов данного региона, славяно-волошских отношений и под. Многие затронули организационные вопросы в работе над ОКДА (П. Н. Лизанец, А. Заремба, А. Вашек, М. Младенов, К. Ф. Герман и др.).

На последующих заседаниях рассматривался проект восточнороманской части программы-вопросника ОКДА, включавшего более 800 вопросов. В результате обмена мнениями проект признан основой для составления окончательного варианта; при этом часть лексем, имеющих распространение лишь в романских диалектах зоны, была исключена; по предложению ряда участников индекс был дополнен новыми пунктами.

На вечернем заседании 23 апреля были оглашены решения конференции. В них подчеркнута готовность представителей национальных коллективов, работающих над ОКДА, завершить составление вопросника, как это и планировалось, к концу 1976 г.; он должен быть окончательно обсужден и утвержден на следующей международной конференции по ОКДА. Создана редколлегия ОКДА. Признано, что организация при Международном комитете славистов комиссии по языковым контактам, несомненно, явится важным фактором, который будет способствовать работе над «Общекарпатским диалектологическим атласом».

Г. П. Клепикова

ИРИНА МИХАЙЛОВНА БЕЛЯВСКАЯ

После продолжительной и тяжелой болезни 16 мая 1975 г. скончалась на 63 году жизни профессор кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ, член КПСС с 1944 г. Ирина Михайловна Белявская. Ее смерть — большая утрата для кафедры, факультета, и советского славяноведения.

И. М. Белявская родилась в 1913 г. в местечке Хойники Речицкого уезда Минской губернии. В 1928 г. вместе с семьей она переехала в Ленинград, где в 1928—1931 гг. училась в педагогическом техникуме, после окончания которого была направлена на работу в Москву в польскую школу. В школе работала в качестве преподавателя обществоведения до 1934 г. В 1934—1939 гг. Ирина Михайловна — студентка исторического факультета МГУ. В 1939 г. проф. В. И. Пичетой была организована кафедра истории южных и западных славян, и Ирина Михайловна стала ее аспиранткой. С 1941 г. до начала 1944 г. И. М. Белявская преподавала историю в средней школе в гор. Медногорск Чкаловской области.

С 1944 г. и до последних дней своей жизни И. М. Белявская бесменно работала на кафедре истории славян. Здесь она прошла путь от преподавателя до ведущего профессора кафедры. В 1950 г. ею была защищена кандидатская диссертация на тему: «А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX в.». В 1951 г. И. М. Белявская была утверждена в ученое звание доцента, в 1972 г. — профессора.

Ирина Михайловна была талантливым педагогом и воспитателем молодежи. Особый интерес вызывали ее лекционные курсы по истории зарубежных славянских народов и прежде всего — по истории братского польского народа. И. М. Белявская подготовила свыше 100 молодых специалистов и 10 кандидатов наук. Ее ученики — педагоги, научные работники в различных городах нашей страны и в Польше. Проблематика научных инте-

ресов И. М. Белявской разнообразна и актуальна; наибольшее внимание она уделяла исследованию проблем польского национально-освободительного движения и русско-польских связей и отношений 50—60-х годов XIX в. По этой теме И. М. Белявская опубликовала монографию и ряд статей. Одной из первых среди историков-славистов она обратилась к исследованию польской историографии, развития советского славяноведения и проблем народно-демократических и социалистических революций в зарубежных славянских странах.

И. М. Белявская была одним из ведущих авторов и редакторов вузовских учебников, программ и методических указаний по истории южных и западных славян, участвовала в написании учебников по истории СССР, новой истории и историографии. Ею опубликовано свыше 70 работ, которые были положительно оценены советской и польской печатью.

В качестве заместителя председателя Комиссии по истории зарубежных славян секции истории НТС МВССО СССР И. М. Белявская внесла значительный вклад в организацию и проведение межвузовских и всесоюзных научных конференций историков-славистов, в дело координации научно-исследовательской работы в области славяноведения.

Ирина Михайловна была принципиальным и активным коммунистом. Она много раз избиралась в состав партбюро исторического факультета, была секретарем партбюро, парторгом кафедры, зам. декана факультета, руководителем методологического семинара, пропагандистом и агитатором. И. М. Белявская пользовалась уважением студентов и коллег по работе.

Светлая память об Ирине Михайловне как человеке, педагоге, и ученом, много сделавшим для развития советского славяноведения, навсегда останется в памяти ее коллег и учеников.

И. А. Воронков

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1975 ГОДУ

СТАТЬИ

Богданов Ю., Ильина Г., Хорев В. Общие тенденции развития антифашистской литературы (Болгария, Польша, Чехословакия, Югославия)	№ 3
Болтин Е. А. Великий подвиг советского народа	№ 3
Боржемский Ф. Э. Из записок хрониста 1-й армии Войска Польского	№ 3
Будагова Л. Н. От литературы антифашистской к литературе социалистической	№ 1
Валев Л. Б. Победы Красной Армии под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге и подъем антифашистской борьбы в Болгарии	№ 3
Верещагин Е. М. Прием параллелизма в Псалтыри и выявление смысловых связей между словами первого литературного языка славян	№ 2
Всемирно-историческое значение победы над фашизмом (Публикацию подготовили В. И. Зеленин, Т. В. Игнатьева, Т. И. Комкова, О. Н. Семенова)	№ 3
Гавлик Л. Ранняя стадия развития феодализма в Моравии (К проблематике ее общественной структуры в свете письменных источников)	№ 1
Горшков А. И. Роль рабочего класса в социалистическом строительстве Чехословакии (1948—1960)	№ 2
Гринберг С. Основные тенденции и особенности развития фабричной промышленности в Болгарии в начале XX в. (1900—1912 гг.)	№ 3
Грозиенчик Й. Интернациональный характер Словацкого национального восстания 1944 года	№ 3
Достян И. С. Участие декабристов в изучении Балкан и русско-турецких войн XVIII — начала XIX века	№ 6
Жилко Т. Ф. Некоторые вопросы картографирования в национальных атласах славянских языков	№ 3
Илюшин А. А. Поэты-декабристы в истории польско-русских литературных отношений	№ 6
Кадацкий В. Ф., Клеванский А. Х., Михутина М. В., Сумарокова М. М. Компартии Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии на пути к новой политической ориентации и VII конгресс Коминтерна	№ 4
Калиганов И. И. «Повесть о Георгии Новом» в русской рукописной традиции XVI—XVIII вв.	№ 5
Костюшко И. И. Успехи польского народа в строительстве социализма	№ 2
Костюшко И. И. Регуляция и выкуп феодальных повинностей в Силезии	№ 6
Лапатухина О. Р. Изображение крестьянства в романе Реймонта «Мужики» (К вопросу о реализме писателя)	№ 4
Недорезов А. И. Советско-чехословацкие отношения в 1945—1948 гг.	№ 3
Ненашева З. С. «Славянский союз» в австрийском рейхсрате. 1909—1911	№ 5
Носкова А. Ф., Григорьянц Т. Ю. Эгожелецкий договор 1950 г.	№ 5
Парсаданова В. Советско-польский договор о дружбе от 21 апреля 1945 г. в оценке советской и польской общественности	№ 2
Раткош П. Борьба словацкого населения свободных королевских городов за национальное равноправие	№ 4
Славин Г. М. Об освещении народно-освободительной борьбы в Югославии советской печатью (1941—1942 гг.)	№ 1
Софронова Л. Об анализе литературного произведения эпохи барокко	№ 5
Сумарокова М. М. В. И. Ленин о Балканских войнах и об участии Сербии в первой мировой войне	№ 1
Сумарокова М. М. Коммунистическая партия Югославии в борьбе за единство рабочего класса и сплочение демократических сил страны (1932—1935 гг.)	№ 6

Супрун А. Е. К изучению полабских определительных сочетаний (Сочетания с причастиями настоящего времени)	№ 5
Терновская О. А. Понятие диалекта и принципы классификации славянских диалектов	№ 5
Тихомирова В. Антифашистская тема в современной польской поэзии	№ 3
Тодорова М. «Синие книги» как источник по истории Балкан и Турции в 1814—1856 гг.	№ 3
Филипчикова Р. Назначение искусства как тема художественной литературы (По материалам романа В. Ржезача «Рубеж»)	№ 2
Фрейдзон В. К. Революционность и реформизм в национальных движениях XIX в. (Типологическая характеристика)	№ 2
Хренов И. А. Русско-польский революционный союз в годы первой русской революции	№ 4
Черных М. Н. Ю. Мархлевский о значении Великой Октябрьской социалистической революции для восстановления независимости Польши	№ 1
Чуркина И. В. К вопросу о культурно-национальной автономии	№ 4
Шабловская И. В. Концепция человека в славянской поэзии Сопротивления	№ 3
Штудинер М. А. О долгих согласных в славянских языках.	№ 4

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

Агапкина Т. П. Письма русских корреспондентов в архивах польских писателей	№ 2
Благоев С. М. К вопросу о конституировании Федеративной Народной Республики Югославии	№ 6
Бочкарева С. И. Сербская социалистическая газета «Радник» о русском революционном движении	№ 4
Вышомирская-Кузьминская О. Польско-советские научные контакты	№ 6
Гольберг М. Я. Живоин Жуевич на страницах украинского журнала	№ 4
Досталь М. Ю. Библиографические заметки И. И. Срезневского о книгах чешских и словацких ученых в «Известиях» Отделения русского языка и словесности Академии наук	№ 2
Зарубин Л. А. Солнце и Зори в праславянском и славянском изобразительном искусстве	№ 1
Зеленина Э. И. Вопросы болгарской диалектной лексикографии	№ 6
Злыднев В. И. Дополнение к «Неизвестным письмам И. Вазова»	№ 5
Иляхин М. Рабочий класс Болгарии в период подготовки и проведения вооруженного восстания 9 сентября 1944 года	№ 6
Калоева И. А. Состояние информации по славяноведению в европейских социалистических странах.	№ 4
Мараш И. Я. Из истории изучения работ В. И. Ленина политзаключенными в буржуазно-помещичьей Польше	№ 1
Миллер И. С. Формирование наций. Место проблемы в совокупности процессов перехода от феодализма к капитализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы	№ 6
Немировский Е. Л. Издания Ш. Фиоля, Ф. Скорины и И. Федорова в книгохранилищах Варшавы и Кракова	№ 5
Юзифович Л. А. Миссия Исаяи (1561 г.) и Остафий Волович	№ 2
Яковлев Н. Н. К вопросу об участии русских добровольцев в Боснийско-Герцеговинском восстании 1875—1876 годов	№ 6

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бегунов Ю. К. «Азбучная молитва» Константина Преславского в исследовании болгарского ученого	№ 4
Березовский И. П. Т. П. Рудая. Иван Франко — дослідник слов'янського фольклору	№ 3
Библиография (составители: Калоева И. А., Козловская И. И., Кошкина Е. А., Огнева А. Я., Скворцова Н. М., Смирнова Р. Н.).	№ 1—6
Боброва С. П. В. П. Грачев. Сербская государственность в X—XIV вв. (Критика теории «жупной организации»)	№ 1
Борис В. А. J. Kozik. Ukraiński ruch narodowy w Galicji w latach 1830—1848	№ 3
Бояджиев Т. Л. Андрейчин. Езикови тревоги	№ 3
Варбот Ж. Ж. С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы	№ 6

Горский И. К. Исследование высокого качества	№ 1
Горский И. К. Монографический очерк жизни и деятельности Крашевского	№ 3
Горский И. К. Литературные связи как объясняющий фактор	№ 5
Иванов Ю. Ф. А. И. Озолин. Бюргерская оппозиция в гуситском движении	№ 3
Кадацкий В. Монография о чрезвычайном законе в Болгарии 1924—1934 гг.	№ 2
Калениченко П. М., Нерод В. А. «Советско-польские отношения 1918—1945»	№ 5
Калиганов И. Бою Ангелов. Страницы из историята на старобългарската литература	№ 3
Кишкин Л. С. Новая книга о Миколаше Алеше	№ 6
Клементьев С. В. Новый труд польских филологов	№ 2
Клепикова Г. П., Горский И. К. «Славянская филология»	№ 2
Копытская Н. Ф., А. В. Волков. Драматургия Карела Чапека	№ 1
Корольюк В. Д. О некоторых спорных вопросах развития черняховской, славянской, древнерусской и балкано-дунайской археологических культур Днестровско-Прутского междуречья	№ 4
Лапатухина О. Р. «Роман в современных литературах южных и западных славян»	№ 6
Лаптева Л. П. Продолжатели Козьмы	№ 6
Львов А. С. Иван Добрев. Глаголическият текст на Боянския палимпсест. Старобългарски паметник от края на XI век	№ 1
Малевиц О. М. С. В. Никольский. Карел Чапек — фантаст и сатирик	№ 3
Мыльников А. С. J. Petráň. Nevobnické povstání 1775	№ 3
Назаров В. Д. Б. Н. Флоря. Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII в.	№ 4
Назарова Н. С. Некрасов и Польша	№ 2
Никольский С. В. Первая советская монография о И. Юнгмане	№ 3
Носкова А. «Studia Historiae Oeconomicae»	№ 4
Носкова А. Ф. Cz. Łuczak. Polscy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny światowej	№ 6
Олшанский П. J. Kumaniecki. Po traktacie ryskim. Stosunki polsko-radzieckie 1921—1923	№ 1
Павлушина И. Д. Книга об Университете им. Адама Мицкевича в Познани	№ 1
Попков Б. С. М. Н. Serejski. Naród a państwo w polskiej myśli historycznej	№ 4
Попков Б. С. R. W. Wołoszyński. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych 1801—1830	№ 6
Ратнер Н. К. Herman. Zd. Sládek. Slovanská politika Karla Kramáře	№ 2
Северная О. А. «Художественная культура и развитого социалистического общества»	№ 5
Сидорцов В. Н. Д. Б. Мельцар, П. З. Савачкин. Беларусь і Балгарыя.—дружба, супрацоўніцтва, братэрства	№ 3
Соловьева А. Новое издание трудов О. Гостинского	№ 5
Софронова Л. Изучение эмблемы в польском литературоведении	№ 3
Спиваковский Е. И. Документы об антифашистской солидарности балканских народов	№ 6
Станкевич Е. Е. Józef Smiałowski. Zarobkowanie pozarolnicze ludności rolniczej w Królestwie Polskim w latach przeduwłaszczeniowych (1815—1864)	№ 5
Стецкевич С. М. А. М. Орехов. Социал-демократическое движение в России и польские революционеры	№ 2
Терновская О. Ю. З. Круть. Хліборобська обрядова поезія слов'ян	№ 2
Хитаршвили В. И. Изучение в Грузии польско-грузинских литературных связей	№ 2
Шабловская И. В. В духе полемики и утверждения реализма	№ 4
Штакельберг Ю. И. Zbigniew Chodyła. Pożyczka narodowa w powstaniu styczniowym	№ 2
Ястребицкая А. Л. Книга о политической борьбе на Балканах в начале XIII века	№ 1

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Бондарко Л. В., Николаева Т. М. Научное заседание памяти Л. В. Щербы	№ 4
Булак Т. Г. Чтения памяти П. Г. Богатырева	№ 4

Зайчиков И. В. Интересная научная конференция	№ 4
Злыднев В. И. Научная сессия, посвященная 30-летию социалистической революции в Болгарии	№ 1
Злыднев В. И., Ритчик Ю. И. О научных итогах международной конференции ЮНЕСКО по проблемам славянских культур	№ 4
Ионова Т. Б. Десятый юбилей САС	№ 4
Итоговый доклад Международной конференции «Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций (XVIII—XIX вв.)»	№ 5
Кавко А. К. Научная конференция, посвященная 30-летию Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ПНР	№ 5
Кавко А. Научная сессия, посвященная 250-летию Академии наук СССР	№ 6
Клепикова Г. П. Второе международное совещание по «Общекарпатскому диалектологическому атласу»	№ 1
Клепикова Г. П. Третья международная конференция по «Общекарпатскому диалектологическому атласу»	№ 6
Комкова Т. К 30-й годовщине освобождения Чехословакии от гитлеровской оккупации	№ 5
Лаучюте Ю. Третья конференция «Ареальные исследования в языковедении и этнографии»	№ 4
Мороз В. К. К 30-летию советско-польского договора	№ 5
Обушенкова Л. А. Научная конференция по проблеме формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе	№ 5
Пашаева Н. М. К 550-летию со дня смерти Яна Жижки	№ 1
Чешко Е. В. Конференция, посвященная «Изборнику 1073 года»	№ 4

НЕКРОЛОГИ

Бэлза И. Академик Юльиуш Стажиньский	№ 4
Воронков И. А. И. М. Белявская	№ 6
Крикун Н. Г., Чорний В. П. Дмитрий Леонидович Похилевич	№ 1
Хренов И. А. Александр Семенович Гундоров	№ 1

CONTENTS

M. M. Sumarokova. The Yugoslav Communist Party in the struggle for the unity of the working class and rallying of the Democratic forces in the country 1932—1935. *I. S. Dostjan.* Decembrists' participation in the studies on the Balkans and russian-turkish wars (the XVIII-th — the beginning of the XIX-th centuries). *A. A. Iljushin.* Poets-Decembrists in the history of polish-russian literary connections. *I. Kostyushko.* The regulation and the redeeming of the feudal services in Silesia. 3

COMMUNICATIONS

Otylda Vyshomirska-Kuźmińska (Poland). Polish-soviet scientific contacts. *S. M. Blagojev.* To the constituting of the Federal Peoples Republic of Yugoslavia. *M. Iljakhin.* The Bulgarian working class during the preparation and conducting of the armed uprising of the 9-th september 1944. *I. S. Miller.* The formation of the nations the place of the problem in the totality of the transition processes from feudalism to capitalism in Central and South-Eastern European Countries. *N. N. Jakovlev.* To the participation of the russian volunteers in the uprising in Bosnia and Herzegovina 1875—1876. *E. I. Zelenina.* Problems of the bulgarian dialectal lexicography 65

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

E. I. Spyvakovsky. Documents on the antifascist solidarity of the balkan peoples. *A. F. Noskova.* Cz. Luczak. Polscy robotnicy przymusowi w Trzeciej Rzeszy podczas II wojny światowej. *B. S. Popkov.* R. W. Wołoszyński. Polsko-rosyjskie związki w naukach społecznych. 1801—1830. *L. P. Lapteva.* The continuers of Kozma. *O. R. Lapatukhina.* «The Novel in the modern literatures of the southern and western slavs». *L. S. Kishkin.* A new book about Mikolaš Aleš. *Zh. Zh. Varbot.* С. Б. Бернштейн. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы 108

B i b l i o g r a f y

The main articles and materials on the present state, history, culture and languages of the foreign slav peoples published in the soviet periodicals in 1974—1975 (continuation). The contents of foreign periodicals. 125

SCIENTIFIC LIFE

A. Kavko. A scientific session dedicated to the 250-th anniversary of the Academy of Sciences of the USSR. *G. P. Klepikova.* The Third International Conference on «The All-Carpathian Dialectological Atlas». 135
I. A. Voronkov. Irina Mikhajlovna Belyavskaya 139
 Index of the articles and materials published in 1975 140

Технический редактор *Е. В. Синицына*

Сдано в набор 11/VIII-1975 г. Т-18319 Подписано к печати 20/X-1975 г. Тираж 1260 экз.
 Зак. 2712 Формат бумаги 70×108⁴/₁₆ Усл. печ. л. 12,6 Бум. л. 4,5 Уч.-изд. л. 14,5

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

№ 17

Цена 1 руб.

В ОРДИНКА 34/33 КВ 40

Индекс 70891

ТОЛСТОМУ Н И

70891

1-12

К